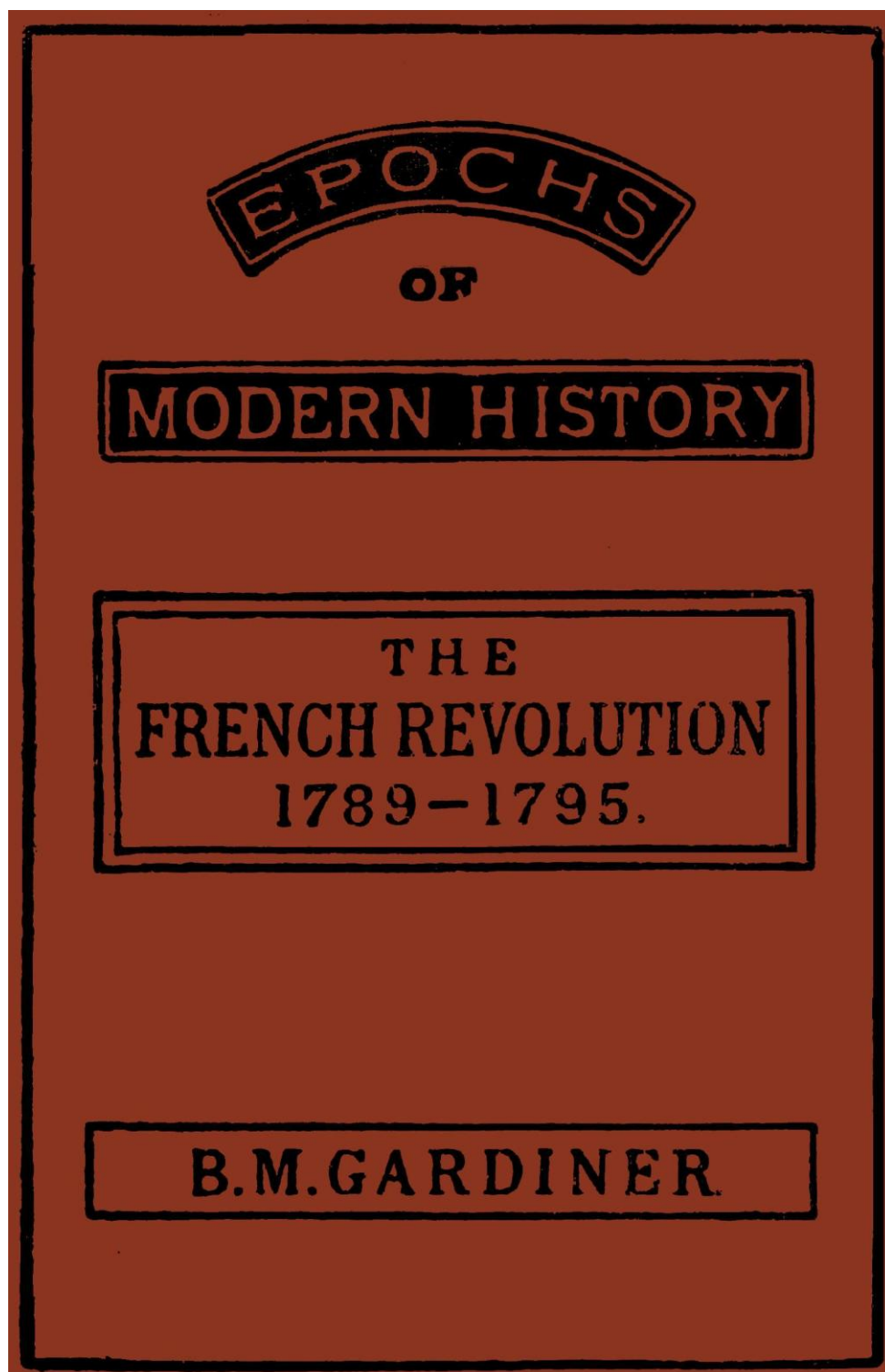

Французская революция 1789-1795

Берта Меритон Гардинер

The Project Gutenberg eBook of The French Revolution 1789-1795.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Французская революция 1789-1795

Автор: Берта Меритон Гардинер

Дата выхода: 19 сентября 2023 [eBook #71688]

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: Longmans, Green, and Co, 1921

Кредиты: The Online Distributed Proofreading Team at <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE FRENCH REVOLUTION 1789-1795 ***

Примечания транскриптора

Более крупные версии большинства иллюстраций можно увидеть, щелкнув по ним правой кнопкой мыши и выбрав опцию просмотра по отдельности, либо дважды нажав на них и/или растянув их. Более крупные и подробные версии карт можно увидеть, нажав на кнопку "Крупнее" под этими картами.

Эта электронная книга содержит боковые сноски. Большинство из них размещены в начале абзацев, которые они резюмируют. В некоторых случаях оригинальные примечания были напечатаны в середине абзацев, и в этих случаях они представлены здесь в таком же положении. Чтобы отличить боковые сноски в середине абзаца от обычного текста, в версиях этой книги в форматах .epub и .mobi эти сноски обведены ромбовидными символами: ♦текст примечания♦.

[Дополнительные примечания](#) вы найдете в конце этой электронной книги.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ДЛЯ ШКОЛ.

ЭПОХИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Преподобный сэр Г. В. Кокс, Барт, М.А., и К. Сэнкей, М.А.

ГРАКХИ, МАРИЙ И СУЛЛА. А. Н. Beesly, М.А. С двумя картами.

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ, от убийства Юлия Цезаря до убийства Домициана. By the Rev. W. Wolfe Capes, M.A. With 2 Maps.

РОМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ВТОРОГО ВЕКА, или Эпоха Антонинов. Преподобный У. Вулф Кейпс, магистр искусств, с 2 картами.

РИМ ДО ЕГО ЗАХВАТА ГАЛЛАМИ. By Wilhelm Ihne. С картой.

РИМСКИЕ ТРИУМВИРАТЫ. Чарльз Меривейл, доктор философии, покойный декан Эли. С картой.

РИМ И КАРФАГЕН, ПУНКТОВЫЕ ВОЙНЫ. Р. Босворт Смит, М.А. С 9 картами и планами.

ГРЕКИ И ПЕРСЫ. Преподобный сэр Г. В. Кокс, Барт, М.А. С 4 картами.

АТФИНСКАЯ ИМПЕРИЯ, от бегства Ксеркса до падения Афин. Преподобный сэр Г. У. Кокс, Барт, М.А. С 5 картами.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАКЕДОНСКОЙ ИМПЕРИИ. Артур М. Куртейс, М.А. С 8 картами.

ЭПОХИ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ.

Под редакцией Мэнделла Крейтона, доктора философии, доктора права.

ПОКОЙНОГО ЕПИСКОПА ЛОНДОНСКОГО.

РАННЯЯ АНГЛИЯ ДО НОРМАННСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ. Л. Йорк Пауэлл, М.А.

АНГЛИЯ - КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА, 1066-1216 ГГ. Миссис Манделл Крейтон.

ПОДЪЕМ НАРОДА И РОСТ ПАРЛАМЕНТА. 1215-1485. Джеймс Роули, М.А.

ТЮДОРЫ И РЕФОРМАЦИЯ. 1485-1603. Манделл Крейтон, доктор философии, доктор права.

БОРЬБА ПРОТИВ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ, 1603-1688. Миссис С. Р. Гардинер.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ, 1689-1784. Джеймс Роули, М.А.

АНГЛИЯ ВО ВРЕМЯ АМЕРИКАНСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙН. 1765-1820. Преподобный О. У. Тэнкок.

ЭПОХИ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ. Полное собрание сочинений в одном томе, с 27 таблицами и родословными и 23 картами. Fcp. 8vo.

THE SHILLING HISTORY OF ENGLAND: being an Introductory Volume to the Series of *Epochs of English History*. By Mandell Creighton, D.D., LL.D. Fcp. 8vo.

LONGMANS, GREEN & CO., 39 Paternoster Row,
Лондон, Нью-Йорк, Бомбей, Калькутта и Мадрас.

Эпохи современной истории.

Под редакцией ЭДВАРДА Э. МОРРИСА, М.А., Дж.
PHILLPOTTS, B.C.L., и С. COLBECK, М.А.
Фср. 8vo.

НАЧАЛО СРЕДНИХ ВЕКОВ. Преподобный Ричард Уильям Черч, магистр и т.д., покойный декан собора Святого Павла. С 3 картами.

НОРМАНЦЫ В ЕВРОПЕ. Преподобный А. Х. Джонсон, М.А. С 3 картами.

Крестоносцы. Преподобный сэр Г. У. Кокс, Барт, М.А. С картой.

Ранние ПЛАНТАГЕНЕТЫ. Автор У. Стаббс, доктор философии, покойный епископ Оксфорда. С 2 картами.

ЭДВАРД ТРЕТИЙ. Преподобный У. Уорбертон, магистр права. С 3 картами и 3 генеалогическими таблицами.

ЭРА ПРОТЕСТАНТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Ф. Сибом, LL.D. С 4 картами и 12 диаграммами.

Эпоха Елизаветы. Манделл Крейтон, доктор философии, покойный епископ Лондонский. С 5 картами и 4 генеалогическими таблицами.

ПЕРВЫЕ ДВА СТЮАРТА И ПУРИТАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, 1603-1660. Сэмюэл Роусон Гардинер. С 4 картами.

Трехлетняя война, 1618-1648 гг. Сэмюэл Роусон Гардинер. С картой.

Английское возрождение и Людовик XIV. 1648-1678. Осмунд Эйри, доктор права.

Падение Стюартов; и Западная Европа с 1678 по 1697 год. Преподобный Эдвард Хейл, магистр искусств. С 11 картами и планами.

Эпоха Анны. Автор Э. Э. Моррис, М.А. С 7 картами и планами.

Фредерик Великий и Семилетняя война. Автор Ф. В. Лонгман. С 2 картами.

Война за независимость Америки, 1775-1783. По Дж. М. Ладлоу. С 4 картами.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. 1789-1795. Миссис С. Р. Гардинер. С 7 картами.

ЭПОХА РЕФОРМ, 1830-1850. Джастин Маккарти.

LONGMANS, GREEN & CO., 39 Paternoster Row,
Лондон, Нью-Йорк, Бомбей, Калькутта и Мадрас.

Эпохи современной истории

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. КОЛБЕКА, М.А.; ЭДВАРДА Ф. МОРРИСА, М.А.;
И ДЖ. СЮРТЕС ФИЛЛПОТТС, М.А., Б.К.Л.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В. М. ГАРДИНЕР

Крупнейший

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА 1789

Longmans, Green & Co., London, New York, Bombay, Calcutta & Madras.

Эпохи современной истории

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1795

БЕРТА МЕРИТОН ГАРДИНЕР

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ОТТИСК

ЛОНГМАНС, ГРИН И КО.
39 ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, ЛОНДОН
ЧЕТВЕРТАЯ АВЕНЮ И 30-Я УЛИЦА, НЬЮ-ЙОРК
БОМБЕЙ, КАЛЬКУТТА И МАДРАС
1921
Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При написании этого справочника по Французской революции я стремился дать правильный и беспристрастный отчет о наиболее важных событиях революционного периода и о мотивах, которыми руководствовались ведущие персонажи. Многое было опущено, что нашло место в более крупных работах. Тем, кто хочет углубиться в тему и располагает временем, будет полезно изучить, помимо общих историй, некоторые из многочисленных книг, вышедших в последнее время, которые посвящены специальным отраслям предмета и часто позволяют читателю составить более независимое суждение как о людях, так и о событиях, чем это возможно при прочтении работ только первого класса. Среди общих историй наиболее полезными, вероятно, окажутся труды Мишле и Луи Блана. На французском языке не найти удовлетворительного отчета об отношениях Франции с другими странами, отчасти потому, что французские историки все еще пишут с предубеждением, отчасти, также, потому что до сих пор они либо не были знакомы с результатами немецких исследований, либо игнорировали их. Известная книга профессора фон Зюбеля "Geschichte der Revolutionszeit", опубликованная на сайте, содержит наиболее полный и качественный отчет об отношениях, существовавших между различными государствами Европы, но она не является беспристрастной. Книги Германа Хюффера являются ценным вкладом в наши знания о дипломатических отношениях и, будучи написанными с противоположной точки зрения, должны быть изучены всеми читателями фон Зюбеля. Историю внешней политики Англии в этот период еще предстоит написать. Месье Сорель недавно опубликовал на страницах "Révue Historique" полный отчет о внешней политике, проводимой Комитетом общественной безопасности после падения Робеспьера, и о переговорах, приведших к мирным договорам, подписанным в 1795 году между Францией и Пруссией и Францией и Испанией. Много свежей информации о внутреннем состоянии Франции в революционный период можно найти в разрозненных местных и специальных историях разного рода. Среди них можно особо отметить "Историю земли" Мортимера Терно и "Революционное правосудие" Берриа Сен-При. М. Тэн в своем большом труде собрал большое количество выдержек из документов, хранящихся в архивах департаментов, но полное отсутствие классификации и сильная политическая предвзятость писателя делают эту работу менее ценной для студента, чем другие, менее претенциозные. К лучшим местным историям относятся работы М. Франциска Меже, в которых раскрывается ход революции в провинции Овернь. Биографические работы многочисленны. О характере Мирабо лучше всего можно узнать из его переписки с графом де ла Марком. Книга М. д'Эрико "Революция 1600 года" содержит подробный рассказ о политике, проводимой Робеспьером после изгнания жирондистов. Жизнь и характер Дантона лучше всего изучать по работам М. Робинэ. Книга Шмидта "Парижские условия в период революции" содержит лучший из существующих отчетов об экономическом положении Парижа в 1789-1800 годах. Поскольку маловероятно, что те, для кого эта книга предназначена в первую очередь, будут иметь представление о

сумме, выраженной в тысячах или миллионах ливров, я неизменно привожу английский эквивалент французских денег, следуя таблице, вставленной Артуром Янгом в его "Путешествия по Франции". После введения революционного календаря при указании дат я руководствовался таблицей в "Искусстве определения дат". Вследствие разной системы интеркаляции, применяемой в двух календарях, соответствие дат меняется из года в год, и из-за того, что этот факт остался незамеченным, даже французские историки иногда неверно указывают дату по старому стилю. Мне остается добавить, что фиолетовые линии на карте Франции в провинциях представляют собой границы, на которых при старой монархии взимались таможенные пошлины. Они скопированы с карты, опубликованной вместе с работами Неккера. Видно, что Эльзас и Лотарингия, а также Байонна и Дюнкерк могли свободно торговать с иностранцами. Марсель пользовался той же привилегией.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

ФЕОДАЛИЗМ И МОНАРХИЯ.

	СТРАНИЦА
Монархия во Франции	1
Социальное положение Франции	3
Феодальные права	4
Положение церкви	6
Правительство и администрация	7
Привилегированные классы	8
Налогообложение	9
Положение народа	11
Вмешательство в торговлю	13
Общественное мнение во Франции	13
Вольтер и его последователи	13
Энциклопедисты	14
Церковь и христианское богословие подверглись нападкам	15
Экономисты	16
Руссо	16

ГЛАВА II.

ФРАНЦИЯ ПРИ ЛЮДОВИКЕ XVI, 1774-1789 ГГ.

Министерство Тюрго	18
Противодействие его реформам	19
Характер Людовика XVI.	19
Характер Марии-Антуанетты	20

1776. Увольнение Тюрго	21
Движение реформ распространяется по Европе	21
Состояние Англии	23
Питт на посту	24
Реакция после отставки Тюрго	25
Министерство Неккера	25
Против Неккера выступали парламенты	25
1781. Он слагает с себя полномочия	26
Стремление к политической свободе	26
1776. Американская декларация независимости	26
1783. Министерство Калонны	27
1787. Собрание нотаблей	27
Министерство Бриенны	27
Всеобщее недовольство	28
1788. Второе министерство Неккера и созыв Генеральных штатов	29
Памфлеты и газеты	29
Памфлет Сийеса - Что такое Третье сословие?	30
Двойная репрезентация третьего сословия	31
ГЛАВА III.	
СОБРАНИЕ В ВЕРСАЛЕ, 1789 ГОД.	
5 мая 1789 года. Заседание Генеральных штатов	33
Отношение короля к революции	33
Вопрос о том, должны ли Штаты заседать как одна или как три палаты, остался нерешенным	33
Зловещие последствия королевской политики	34
Характер и политика Мирабо	35
Название Национального собрания, принятое Третьим сословием	37
Волнение и беспорядки в Париже	38
Людовик принимает участие вместе с верхними орденами	39
20 июня. Клятва на теннисном корте	40
Королевское заседание 23 июня	40
Штаты образуют одну палату	41
14 июля. Падение Бастилии	43
Учреждение муниципалитета и национальной гвардии в Париже	46
Визит Людовика в столицу	47
Восстания в провинциях	48
Декреты от 4 августа	49
Состав Собрания	51
Реакционные правые	51
Правый центр	52

Центр и левые	52
Крайние левые	53
Причины, способствующие росту левых сил	54
Политика Мирабо	56
Декларация прав человека	58
Новая конституция; законодательный орган состоит из одной палаты; вето предоставлено королю	58
Нехватка хлеба	59
Характер Национальной гвардии Парижа	60
6 октября. Король и королева прибывают в Париж	60
ГЛАВА IV.	
КОНСТИТУЦИЯ, 1789-1791 ГГ.	
Результаты движения 6 октября	63
Якобинцы	64
Конституция; административные изменения; создание 44 000 муниципалитетов	65
Судебные реформы	66
Увеличение государственного долга	67
Церковное имущество, присвоенное государством	67
Создание асигнатов	68
Гражданская конституция духовенства	69
Праздник Федерации	69
Эмиграция дворян	70
Озлобление в отношениях между дворянами и крестьянами	71
Слабость центрального правительства	72
Мятежи в армии	73
Наложение клятвы на духовенство; раскол в церкви	74
Конституция, осуждаемая ультрадемократами	76
Бриссо	76
Десмулен	77
Марат	78
Источники влияния ультрадемократов	79
Влияние, оказываемое якобинскими клубами	80
Сентябрь 1790 года. Отставка Неккера	81
Парижская коммуна; состав ее муниципалитета	81
Политика Мирабо; его смерть 2 апреля 1791 года	84
Позиция конституционалистов	85
ГЛАВА V.	
ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ, 1791-1792 ГГ.	
Непопулярность Марии-Антуанетты	87
20 июня 1791 года. Бегство королевской семьи	88

Ультрадемократы добиваются установления республики	91
17 июля. Резня на Марсовом поле	91
Попытка пересмотра Конституции	93
Работа Национального собрания; правовая и финансовая реформы	93
Создание ассигнаций небольшого номинала	94
Планы королевы	94
Политика территориального усиления, проводимая великими державами	96
Австрия и Россия в войне с Турцией	97
Смерть Иосифа II.	97
Рейхенбахский договор	97
Пильницкая декларация	98
Намерения Екатерины II в отношении Польши	98
Леопольд II не желает вступать в войну с Францией	98
Новое Законодательное собрание; его состав	99
Политика жирондистов	100
Церковная политика Законодательного собрания	101
Эмигранты, поощряемые князьями империи	101
Рост воинственного духа в Собрании	102
Французская революция - больше, чем национальное движение	104
Начало войны с Австрией и Пруссией	105
Якобинцы воплощают в себе дух подозрительности	106
Характер Робеспьера	107
Административная анархия	109
Неприятности в Авиньоне	110
Жирондисты надеются на лучшее	111
Лафайет осуждает якобинцев	112
Толпа вторгается в Тюильри 20 июня	113
Страна объявлена в опасности; Манифест герцога Брауншвейгского	114
Подготовка к восстанию	115
Восстание 10 августа; отстранение короля от должности	117
ГЛАВА VI.	
ПАДЕНИЕ ЖИРОНДИСТОВ, 1792-1793 ГГ.	
Образование новой Парижской коммуны	119
Сентябрьская резня	121
Оборона Аргонн	123
Заседание Конвента и отмена монархии	124
Жирондисты и Гора	125
Слабость центра	128
Перевыборы Коммуны	129

Завоевание Савойи, Майнца и Бельгии	130
Вопрос об аннексии Бельгии	131
Открытие Шельды и приказ генералам провозгласить суверенитет народа	134
Цели союзников	135
Министерство Питта в Англии	136
Взгляды на Французскую революцию в Англии	137
Суд и казнь Людовика XVI.	139
Война с Англией; французы изгнаны из Бельгии	141
Учреждение Революционного суда; поражение Неервиндена	143
Партийные разногласия в Конвенте	144
Учреждение Комитета общественной безопасности	145
Депутаты в командировке	146
Законы против эмигрантов и негоциантов	147
Политика Горы	148
Экономическая ситуация	149
Народные средства, против которых выступали жирондисты	151
Коммуна возглавляет движение против жирондистов	153
Изгнание ведущих жирондистов	155
ГЛАВА VII.	
КОММУНА И ТЕРРОР, 1793 ГОД.	
Состояние общественного чувства	156
Жирондистские и роялистские движения; сопротивление в Лионе и Тулоне	157
Общее подчинение Конвенту	158
Война в Вандее	159
Успехи вендийцев	160
Успехи союзников	161
Прохлада между Австрией и Пруссией	162
Убийство Марата	163
Кровожадные тенденции правительства	165
Растущая сила Комитета общественной безопасности	166
Власть Коммуны	167
Мнения Эбера и Шометта	168
Введение воинской повинности	170
Законы о максимуме	171
Законы против спекуляции	172
Депрессия в торговле и сельском хозяйстве	173
Закон о "подозреваемых лицах"	175
Активизация деятельности Революционного суда	176
Казнь королевы и жирондистов	177

Поклонение Разуму	178
Введение революционного календаря	180
Сдача Лиона	181
Уничтожение вендской армии	182
Террор в департаментах	183
Террористы составляют незначительное меньшинство	186
ГЛАВА VIII.	
ПАДЕНИЕ ГЕБЕРТИСТОВ И ДАНТОНИСТОВ, 1793-1794 ГГ.	
Состояние армии	188
Военные реформы Карно	189
Кампания в Бельгии и на Рейне; победы Хондшота и Ваттиньи	191
Союзники изгнаны из Эльзаса Хошем и Пишегрю	192
Законодательство Конвенции	193
Финансовые меры Камбона	195
Растущие настроения против Коммуны	196
Робеспьер нападает на эбертистов	197
<i>Старый кордельер</i>	199
Эбертисты нападают на дантонистов	200
Влияние Робеспьера на якобинцев	201
Робеспьер покидает дантонистов	202
Казнь эбертистов и дантонистов	204
ГЛАВА IX.	
ПАДЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА, 1794 ГОД.	
Деспотизм Комитета общественной безопасности	204
Цели Робеспьера	205
Цели Сен-Жюста	206
Финансовая цель продолжения террора	207
Систематизация террора	208
Возобновление войны в Вандее	209
Гаагский договор между Англией и Пруссией	209
Восстание в Польше	210
Разногласия между Англией и Пруссией	211
Союзные войска изгнаны из Бельгии	212
Поклонение Верховному существу, учрежденное Робеспьером	214
Активизация деятельности Революционного суда	215
Позиция Робеспьера	216
Разногласия в Комитете общественной безопасности	217
Мятеж термидора	219
Казнь робеспьеристов	220

ГЛАВА X.

ПАДЕНИЕ МОНТАНЬЯРОВ, 1794-1795 ГГ.

Реакционное движение в Париже и департаментах	221
Стороны в Конвенте	222
Повторное включение в состав Конвента исключенных депутатов-жирондистов	223
Отмена законов о максимуме и страдания в Париже	225
Восстание Жерминаля 12	226
Реакция в Париже и департаментах	227
Публичное отправление всех форм культа, разрешенных Конвентом	228
Белый террор	229
Восстание в Прериале 1	230
Проскрипция монтаньяров	231

ГЛАВА XI.

БАЗЕЛЬСКИЙ ДОГОВОР И КОНСТИТУЦИЯ 1795 ГОДА.

Завоевание Голландии Пишегрю	232
Внешняя политика Конвента	233
Внешняя политика Тугута	235
Внешняя политика Екатерины II; союзы между Россией и Австрией	236
Внешняя политика Англии; успехи на море и завоевание французских колоний	237
Внешняя политика Пруссии; мир, заключенный в Базеле между Пруссией и Францией	238
Позиция испанского правительства; мирный договор между Францией и Испанией	240
Война на Западе; Хоше назначен главнокомандующим	242
Экспедиция эмигрантов в Киберон	243
Позиция Конвента; его непопулярность	245
Смерть дофина	245
Конвенция санкционирует использование церквей для католического богослужения	246
Положение духовенства; партии между ними	247
Конвент разрабатывает Конституцию 1795 года	248
Специальные законы, принятые для поддержания Республиканской партии у власти	249
Восстание Вандемьера 13 подавлено Наполеоном Бонапартом	250
Закон 3 брюмера, исключаящий отношения эмигрантов с чиновниками	250
Пять директоров; позиция нового правительства	251
ИНДЕКС	255

КАРТЫ.

Европа в 1789 году *На лицевой стороне титульного листа*

Карта Франции в провинциях	9
Революционный Париж	43
Карта Франции в департаментах	65
Карта Бельгии	132
Карта Рейна	190
Карта Киберона	241

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Vendémiaire	сент.	окт.
Брюмера	окт.	ноябрь
Frimaire	ноябрь	Дек.
Nivose	Дек.	январь
Плювиоз	Январь	фев.
Вентоза	Фев.	Март
Зародышевый	Мар.	Апрель
Флореаль	Апрель	Май
Прериал	Май	Июнь
Мессидор	Июнь	Июль
Термидор	Июль	Авг.
Фруктидор	авг.	сент.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Даты, относящиеся к военным или иностранным делам, выделены курсивом, чтобы обратить внимание читателя на связь между ними и событиями внутри страны.

1774

Вступление на престол Людовика XVI - министерство Тюрго.

1776

Отставка Тюрго - министерство Неккера - *Американская декларация независимости.*

1778

Франция вступает в союз с Америкой.

1781

Отставка Неккера.

1783

Министерство Калонна.

1787

Собрание нотаблей - министерство Бриенна.

1788

Второе министерство Неккера.

1789

- 5 мая. Заседание Генеральных штатов.
- 17 июня. Принятие титула Национального собрания.
- 20 июня. Клятва на теннисном корте.
- 23 июня. Король прибывает в Собрание, чтобы повелеть разделить ордена.
- 14 июля. Взятие Бастилии.
- 4 августа. Отмена феодальных прав.
- 6 октября. Король доставлен в Париж.

1790

- 14 июля. Праздник Федерации.
- 27 ноября. Присяга, наложенная на духовенство.

1791

- 2 апреля. Смерть Мирабо.
- 20 июня. Бегство в Варенн.
- 17 июля. Резня на Марсовом поле.
- 27 августа. *Декларация Пильница.*
- 30 сентября. Окончание работы Учредительного собрания.
- 1 октября. Заседание Законодательного собрания.

1792

- 20 апреля. *Объявление войны королю Венгрии и Богемии, влекущее за собой войну с Пруссией.*
- 13 июня. Увольнение министров-жирондистов.
- 20 июня. Король подвергается толпе в Тюильри.
- 26 июля. *Манифест герцога Брауншвейгского.*
- 10 августа. Свержение монархии.
- 24 августа. *Капитуляция Лонгви.*
- 2-7 сентября. Сентябрьская резня.
- 20 сентября. *Пушечная канонада при Вальми.*
- 21 сентября. Заседание Конвента.
- 22 сентября. Провозглашение республики.
- 6 ноября. *Победа при Жеммапсе, за которой последовала оккупация Бельгии, Савойи, Ниццы и Майнца.*
- 19 ноября. Конвенция предлагает помощь всем народам, стремящимся к свободе.
- 2 декабря. *Французы изгнаны из Франкфорта.*

15 декабря. Конвенция приказывает своим генералам совершить революцию в тех странах, где они находятся.

1793

21 января. Казнь короля.

1 февраля. *Объявление войны против Англии и Голландии.*

3 марта. *Миранда изгнана из Маэстрихта.*

9 марта. Учреждение Революционного суда.

18 марта. *Поражение при Неервиндене, за которым последовала потеря Бельгии.*

6 апреля. Учреждение Комитета общественной безопасности.

2 июня. Изгнание жирондистов.

3 июля. Убийство Марата.

8 июля. *Капитуляция Майнца, Конде и Валансьена.*

23 августа. Декрет о левитации всех мужчин, способных носить оружие.

8 сентября. *Победа при Хондшоте.*

17 сентября. Великий закон о максимуме и закон против подозреваемых.

7 октября. *Взятие Лиона.*

16 октября. Казнь королевы.

16 октября. *Победа при Ваттиньи.*

31 октября. Казнь жирондистов.

10 ноября. Поклонение Разуму в Нотр-Даме.

10 декабря. *Взятие Тулона.*

12 декабря. *Уничтожение вендской армии при Ле-Мане.*

1794

24 марта. Казнь эбертистов.

5 апреля. Казнь дантонистов.

Апрель. *Восстание в Польше.*

18 апреля. *Победа при Туркуэне.*

1 июня. *Битва при 1 июня.*

8 июня. Праздник в честь Верховного существа.

26 июня. *Победа при Флерюсе, за которой последовала эвакуация Бельгии союзниками.*

28 июля. Казнь робеспьеристов.

12 ноября. Закрытие Якобинского клуба.

8 декабря. Семьдесят три правых депутата приняты в Конвент.

24 декабря. Отмена законов о максимуме.

1795

Янв. *Вторжение в Голландию.*

8 марта. Повторный прием в Конвенцию уцелевших депутатов-жирондистов, запрещенных 2 июня 1793 года.

1 апреля.	(Зародыш 12) Восстание низших классов против Конвента.
22 февраля.	Конвентом разрешено публичное отправление всех форм культа.
20 мая.	(Prairial 1) Второе восстание низших классов против Конвента.
5 апреля.	<i>Заключен Базельский мирный договор между Францией и Пруссией.</i>
8 июня.	Смерть дофина.
12 июля.	<i>Заключен мирный договор между Францией и Испанией.</i>
21 июля.	<i>Поражение эмигрантов при Кибероне.</i>
23 сентября.	Провозглашение Конституции III года. (1795).
5 октября.	Восстание средних слоев против Конвента (Вандемьер 13).
26 октября.	(4 брюмера) Заседание нового законодательного органа.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

ГЛАВА I. ФЕОДАЛИЗМ И МОНАРХИЯ.

Монархия во Франции.

Как и вся Западная Европа, Франция в средние века управлялась феодальной знатью, владевшей своими землями от короля. Нигде в Западной Европе в X веке власть короля не была меньше, а власть дворян - больше. Поэтому вся тяжесть их власти ложилась на крестьян в их поместьях и на жителей маленьких городков, разбросанных по всей стране. Феодальный дворянин, если он был *сеньором*, то есть господином поместья, управлял всеми жителями своего поместья. Их имущественные претензии рассматривались в его судах, и они подлежали его юрисдикции за преступления, совершенные или предположительно совершенные ими. Возможно, сеньор был не худшим тираном, чем многие короли и князья, о которых мы читаем в истории; но он всегда был рядом, в то время как Нерон или Иван Грозный находились вдали от массы своих подданных. Он знал всех своих подданных в лицо, имел свои собственные страсти, которые мог удовлетворить среди них, и мстил тем, кто ему лично не нравился. Освободиться от этого господства, должно быть, было единственной мыслью тысяч несчастных.

Освободиться от ига своими силами было невозможно. Ближайшим союзником, на которого они могли рассчитывать, был король. Он тоже был против господства дворян, поскольку, пока они могли безнаказанно игнорировать его приказы, он был королем только по имени. На самом деле он был лишь одним дворянином среди многих, но с более высоким титулом, чем у остальных.

Жителям городов было легче объединиться и противостоять власти сеньоров, чем сельским жителям. За счет торговли они приобретали богатство, а вместе с ним и влияние. В XII веке

они объединились в муниципальные сообщества и, бросив вызов своим сеньорам, обратились к королю с просьбой помочь им добиться независимости. С этого времени и до конца XVII века власть монархии укреплялась с каждым поколением. Король был отправителем закона и порядка, а врагами закона и порядка были феодальные дворяне. Когда в 1661 году Людовик XIV взял власть в свои руки, его воля стала законом. Правосудие осуществлялось парламентами или судами, действовавшими от имени короля. Дела провинций управлялись *интендантами*, действовавшими по его поручению. Ни один дворянин, каким бы богатым или высокопоставленным он ни был, не смел противиться его власти. С откровенным весельем своего народа дворяне сами принимали это положение, толпились при его дворе или встречали смерть в его войсках. Он мог сказать, не боясь противоречий: "Я - государство".

К несчастью для своего народа, он не мог сказать "я - нация". При нем монархия одержала победу над своими врагами, но не выполнила свою задачу. Народ хотел от своих королей большей работы, хотел, чтобы они продолжали идти по пути, проторенному их предками. Это желание было слишком слабо выражено, чтобы дойти до ушей Людовика. Он думал о воинской славе и придворных зрелищах, а не о жалобах своего народа. Он сверг власть дворянства в той мере, в какой она угрожала его собственной. Его не интересовало, хватит ли у них сил на жестокие преступления вдали от великолепного Версальского дворца. Его правнук, мерзкий, распутный Людовик XV, еще меньше думал об исполнении обязанностей короля, отца своего народа. Монархия находилась в упадке не потому, что была намеренно тиранической, а потому, что перестала выполнять свой долг. Французский народ не был республиканцем. Им нужно было правительство, а правительства в истинном смысле слова не было.

Социальное положение Франции.

Вследствие того, что король свернул с пути, проторенного его предками, во Франции возникло такое положение вещей, какого не было ни в одной другой стране. Нигде дворяне как класс не делали так мало для служения своим соотечественникам, но нигде они не обладали большим социальным влиянием или большими привилегиями. Нигде меркантильные и торговые классы не были сравнительно более богатыми и интеллектуальными, но нигде не проводилось более жесткого различия между благородными и плебеями или буржуа. Наконец, ни в одной стране, где, как во Франции, масса крестьян была свободными людьми, владельцы вотчин не сохраняли столько прав над жителями своих поместий и при этом жили в таком полном отрыве от них.

После того как дворяне утратили политическую власть, они оказались отрезанными от всякого здорового общения со своими подданными. Во Франции все сыновья и дочери дворян были дворянами, и их семьи не смешивались с семьями других сословий, как семьи английских пэров. Дворяне считали службу в администрации ниже своего достоинства; напротив, никто, не имевший дворянского происхождения, не мог получить звание офицера в армии. Крупные лорды стекались в Париж и Версаль, где расточали свое состояние на экстравагантную жизнь; мелкие дворяне, люди, которые в Англии заняли бы положение деревенских джентльменов, часто из-за бедности были вынуждены жить в своих замках, где они жили в изоляции, не имея общих интересов с соседями, но упорно цепляясь за свои права собственников и феодалов. Феодальные права.♦ Эти феодальные права варьировались в каждой провинции, но были трех общих видов. (1) Права, которые возникли, когда сеньор был еще и правителем - например, право отправлять правосудие, хотя теперь он почти всегда уступал его тому, кто больше заплатит; право взимать пошлыны на ярмарках и мостах; исключительное право на рыбную ловлю и охоту. (2) Крестьяне на

положении крепостных встречались только в Эльзасе и Лотарингии, но по всей стране все еще существовали права, которые выдавали подневольное происхождение. Так, крестьянин мог молотить кукурузу только на мельнице сеньора, а виноградарь давить виноград только на прессе сеньора; и каждый человек, живущий в вотчине, должен был работать на сеньора безвозмездно столько-то дней в году. (3) Наконец, суды постановили, что в тех случаях, когда крестьянин удерживал землю у владельца фьефа, существовала презумпция, что владелец сохранял право принуждать к обработке и уплате ежегодных пошлин. Земля, находящаяся в таком владении, называлась *sensitive*, что напоминало английский *copyhold*.

Предоставление земли на таких условиях не прекращалось с конца Средневековья и вплоть до революции. Удерживаемые пошлыны часто были незначительными. Один арендатор мог заплатить небольшую меру овса, другой - пару цыплят. Тем не менее, платежи часто были достаточно многочисленными, чтобы составлять основное содержание многих дворян. Владельцы этих *цензов* обладали, однако, всеми правами собственников. Их нельзя было лишить собственности до тех пор, пока они платили положенные пошлыны, и они могли продавать и передавать землю без согласия владельцев фьефа. Владения на таких условиях были распространены во всех частях Франции, и хотя площадь каждого *надела* часто не превышала пары акров, вполне вероятно, что до революции по меньшей мере пятая часть земли таким образом перешла во владение крестьянства.

Существование феодальных прав привело к трем результатам, крайне пагубным для национального процветания. Оно препятствовало хорошей обработке земли; мешало заселению страны людьми среднего класса, которые предпочитали жить в городах, не признавая социального превосходства, на которое претендовал сеньор; и, наконец, оно было постоянным источником раздражения для всего сельского населения. Права, причитающиеся сеньору как правителю, и права подневольного происхождения затрагивали всех жителей фьефа, независимо от того, занимали они землю или нет. Земледелец страдал на каждом шагу - в запрете сажать то, что ему вздумается; в запрете уничтожать оленей и кроликов сеньора, которые бродили по его полям и пожирали зеленую кукурузу; в пошлыне, которую он платил за разрешение охранять урожай во время его роста и продавать его после сбора; и во многих других отношениях. За несколько веков такая система стала как чрезмерно сложной, так и совершенно не приспособленной к существующим социальным условиям. Иногда на один и тот же участок земли претендовали полдюжины разных людей. Владение вотчинами и владение феодальными правами, или большей их частью, постоянно разделялись. Бедность побуждала сеньора-резидента продавать свои права, которые, купленные горожанином, переходили из рук в руки на рынке, как и любое другое имущество, и были тем более желанны, что обладание ими считалось признаком социального превосходства. Владельцы, не являющиеся горожанами, занимались сельским хозяйством, а люди среднего достатка были суровы и требовательны в своих сборах. Крестьянин, невежественный и бедный, но бережливый и хитрый, с любовью привязанный к своему участку земли, оспаривал предъявленные ему требования платить подати то этому человеку, то тому, в силу уступок, происхождение которых в огромном количестве случаев полностью терялось. Бесчисленные судебные тяжбы приводили к тому, что в сознании крестьянина накапливалось горькое чувство обиды как на судью, так и на сеньора, одного из которых он обвинял в пристрастности, другого - в хищничестве и вымогательстве.

Церковь.

Сохранение феодальных отношений между сословиями, когда ни правительство, ни общество не покоились на тех же основах, что и в феодальные времена, могло принести

только вред. На привилегии и преимущества по праву рождения претендовали дворяне, не считаясь ни с принципами справедливости, ни с общественной пользой. Со всех сторон, в армии, на флоте, в адвокатуре, по-прежнему сохранялось различие между дворянином и буржуа. Но ни один институт не пострадал от привилегий дворянства так сильно в моральном плане, как церковь. Церковь была богатой, самоуправляемой корпорацией, имевшей годовой доход более 8 750 000 фунтов стерлингов и содержавшей около 130 000 человек, включая монахов и монахинь. Это огромное богатство было несправедливо распределено и в значительной степени использовалось не по назначению. Как правило, все высшие должности предназначались для безродных дочерей и младших сыновей знатных семей. Епископы и аббаты, наслаждавшиеся богатством, были дворянами; приходские священники, которым едва хватало на пропитание, были мещанами и крестьянами. Таким образом, церковь изобиловала злоупотреблениями и не оказывала должного морального влияния. Ее богатство вызывало зависть среднего класса, а роскошная и распутная жизнь, которую вели многие прелаты и обладатели синекур, позорила церковную профессию. Надежды на реформы не было, поскольку низшее духовенство, заинтересованное в их проведении, было отстранено от участия в управлении церковью.

Правительство и администрация.

Подобные злоупотребления взывали к руке реформатора. Материальным результатом социального беспорядка было обнищание и упадок. "Всякий раз, когда вы натываетесь на великого сеньора, - писал английский путешественник, - вы непременно обнаруживаете, что его собственность представляет собой пустыню..... Отправляйтесь в его резиденцию, где бы она ни находилась, и вы, вероятно, обнаружите ее посреди леса, очень хорошо населенного оленями, кабанами и волками. О! Если бы я хоть на день стал законодателем Франции, я бы сделал таких великих господ скипами". Король обрел власть благодаря услугам, которые он оказывал народу. Когда он переставал приносить пользу, как это было с тех пор, как Людовик XIV вверг нацию в череду войн честолюбия, неизбежно должен был нанести вред. Благосостояние масс зависело от действий центрального правительства, а центральное правительство жертвовало их благосостоянием ради благосклонности высших классов. Поэтому управление находилось в хаосе, а правительство, внешне могущественное, на самом деле было сильным только тогда, когда ему приходилось иметь дело с раздавленным и беспомощным крестьянином и ремесленником. Генеральные штаты, которые в некотором роде отвечали нашему английскому парламенту, в последний раз собирались в 1614 году. В течение последних двух столетий королевский совет занимался подрывом местных свобод и созданием централизованной системы управления. Работа была проделана настолько тщательно, что ни одно приходское дело, вплоть до повышения тарифа или ремонта церковного шпиля, не могло быть осуществлено без разрешения из Парижа. Абсолютное и централизованное, правительство было также чрезмерно произвольным. Под предлогом государственной необходимости оно отказывалось от долгов, разрывало контракты, отменяло законы и отменяло права собственности без всяких угрызений совести. Выдача ордеров, называемых запечатанными *письмами* (*lettres de cachet*), предписывавших заключение указанного лица в какую-либо государственную крепость, была обычным способом применения наказания. Однако, каким бы суровым и произвольным ни было обращение с отдельными людьми, правительство стремилось избежать столкновения с высшими сословиями в целом. Со всех сторон оно оставляло в силе институты Средневековья, местных чиновников и муниципальные собрания, существование которых во многих случаях увеличивало тяжесть местных обвинений и препятствовало попыткам улучшить положение рабочих классов. Точно так же высшие судебные инстанции, парламенты, как и раньше, были вынуждены вмешиваться в административные дела.

Привилегии, пока не подвергавшиеся нападкам, соблюдались. Особые права провинций, городов или классов сохранялись и часто расширялись.

Привилегированные сословия.

Войны Людовика XIV и оргии Людовика XV поглощали все больше и больше денег. На трудящиеся классы, и без того перегруженные налогами, постоянно ложилось все большее бремя налогов. Таким образом, король становился угнетателем этих классов, и угнетение было тем сильнее, что высшие классы, которые были в состоянии платить налоги, вносили гораздо меньше своей справедливой доли в это бремя.

Дворяне и духовенство, называемые двумя высшими сословиями, стояли, в силу своих привилегий, как материальных, так и почетных, отдельно от остальной части народа. Дворяне не платили прямых налогов в той же пропорции, что и их соотечественники, а в случае с *taille*, тяжелым налогом на имущество, их привилегия приближалась почти к полному освобождению. Духовенство, за исключением нескольких пограничных провинций, лично не платило никаких прямых налогов. Буржуазия рассматривалась как низший класс. Те, кто был способен, приобретали дворянские звания и привилегии путем покупки, и таким образом возникло дворянство должностей и королевского происхождения, которое, хотя и смотрело свысока на старое дворянство меча, пользовалось теми же денежными иммунитетам. Те, кто остался по другую сторону линии, глубоко возмущались социальным превосходством, на которое претендовало дворянство в силу своих привилегий. Верхняя часть буржуазии, однако, сама была привилегирована в немалой степени. Живя в городах, купцы, лавочники и профессиональные работники могли избежать службы в ополчении и сбора *повинностей*, от которых в деревне освобождались только дворяне. Они также приобретали у правительства мелкие должности, созданные для того, чтобы их можно было продавать, за которые не взимались серьезные пошлины, но владение которыми давало их обладателям частичное освобождение от уплаты *хвоста* и акцизов, а также другие привилегии подобного характера.

Более крупные

ФРАНЦИЯ В ПРОВИНЦИЯХ 1769-1789.

Longmans, Green & Co., London, New York, Bombay, Calcutta & Madras.

Налоги.

Как ни тяжелы были налоги, как ни несправедливо их распределение между классами, они еще больше усугублялись отсутствием административного единства, характером некоторых налогов и методом их начисления и сбора. Внутренние таможенные пошлины мешали торговле, порождали контрабанду и повышали цены на все предметы питания и одежды. Три с половиной месяца уходило на перевозку товаров из Прованса в Нормандию, которые, если бы не задержки, вызванные введением пошлин, можно было бы доставить за три недели. Таможенные пошлины взимались с такой строгостью, что ремесленники, пересекавшие Рону по пути на работу, должны были платить за продукты, которые они носили в кармане. Акцизы взимались с предметов самого широкого потребления, таких как свечи, топливо, вино, и даже с зерна и муки. Некоторые провинции и города были привилегированы в отношении определенных налогов, и, как правило, именно на беднейшие провинции ложилось самое тяжелое бремя. Одним из самых незаконных налогов был *гabelle*, или налог на соль. Из этого налога, который был фермерским, две трети всей суммы взимались с трети королевства. Цена варьировалась так сильно, что одна и та же мера, стоившая несколько шиллингов в одной провинции, стоила два или три фунта в другой. За спиной у налоговиков стояла небольшая армия чиновников для пресечения контрабанды, а также специальные суды для наказания тех, кто не подчинялся фискальным правилам. Эти предписания были очень скудными и досадными. На севере и в центре Франции *гabelle* была фактически налогом на опрос; продажа соли была монополией крестьян; никто не мог использовать другую соль, кроме той, что продавалась ими, и каждый человек старше семи лет был обязан

покупать семь фунтов ежегодно. Однако эта соль, покупка которой была обязательной, могла использоваться только для чисто кулинарных целей. Если фермер хотел засолить свинью или рыбак - рыбу, он должен был купить дополнительную соль и получить свидетельство о том, что такая покупка была сделана. Тысячи людей, либо неспособных заплатить налог, либо пытавшихся обойти законы хозяйства, ежегодно подвергались штрафам, тюремному заключению, отправлялись на галеры или вешались. Главный из имущественных налогов, *хвост*, причинял не меньше страданий, чем *габель*, и был также губителен для сельского хозяйства. На двух третях Франции *хвост* представлял собой налог на землю, дома и промышленность, который ежегодно пересчитывался не по фиксированной ставке, а в зависимости от предполагаемых возможностей провинции, прихода и отдельных налогоплательщиков. В результате при малейших признаках процветания размер налога повышался, и таким образом приход за приходом, крестьянин за крестьянином опускались на один и тот же мертвый уровень нищеты.

Состояние народа.

При описанном здесь положении вещей Франция отступила назад в богатстве и численности населения. Среди трудящихся классов царила глубокая нищета. Ремесленники не могли прожить на свою зарплату, крестьяне и мелкие собственники постоянно нищали, невежество становилось все более густым. Правительство, часто отменяя законы, проявляя нетерпимость и жестокость, способствовало тому, что народ стал незаконным, суеверным и свирепым. Протестанты подвергались гонениям. Тысячи из них были изгнаны из страны или расстреляны войсками. Уголовный кодекс был варварским, а жестокое битье колесом было обычным способом предания преступников смерти. Только с помощью очень грубых методов удавалось поддерживать фискальный порядок и собирать налоги. Если *хвост* и *габель* не были уплачены, имущество неплательщика продавали через голову, а его дом разбирали по крышам и дверям. Во всех случаях, когда речь шла об администрации, правосудие, которое получали крестьяне и ремесленники, осуществлялось административными чиновниками, которые сами были участниками дела. Голод был подобен болезни, жертвы которой исчисляются сотнями. Как правило, фермером становился бедный и невежественный крестьянин, живущий из рук в руки, жалкий в жилье, одежде и питании.

Англичанин Артур Янг, путешествовавший по Франции в 1788-1789 годах, рассказывает, как он проезжал мили и мили по местности, некогда возделанной, но затем заросшей липой и метлой; и как на небольшом расстоянии от больших городов не было видно никаких признаков богатства или комфорта. Здесь нет мягких переходов от легкости к комфорту, от комфорта к богатству; вы сразу переходите от нищеты к изобилию. Страна заброшена, а если в ней и есть джентльмен, то его можно найти в какой-нибудь жалкой дыре, чтобы сэкономить деньги, которые с избытком тратятся на столичную роскошь". Тот же путешественник рассказывает, что, когда он поднимался на холм в Шампани, к нему присоединилась бедная женщина, которая жаловалась на тяжелые времена. По ее словам, у ее мужа был лишь клочок земли, одна корова и маленькая бедная лошадка, но при этом он должен был заплатить одному сеньору франка (42 фунта) пшеницы и трех кур, а другому - четыре франка овса, одну курицу и один шиллинг, кроме того, очень тяжелые *талы* и другие налоги. У нее было семеро детей, и коровье молоко помогало варить суп. Сейчас говорили, что кто-то из великих людей должен что-то сделать для таких бедняков, но она не знала, кто и как, но Бог пошлет нам лучшее, "потому что таль и права у нас растут". Эту женщину на расстоянии можно было принять за шестидесяти-семидесятилетнюю, настолько согбенной была ее фигура и настолько изборожденным и закаленным трудом было ее лицо, но она сказала, что ей всего двадцать восемь лет".

Поскольку из-за тяжести налогов фермерство не приносило никакой прибыли, невозможно было обеспечить хорошее возделывание земли. Капитал, вложенный в землю в Англии, был по меньшей мере вдвое больше, чем во Франции. Поэтому, в то время как в Англии голод был неизвестен, во Франции производство едва равнялось потреблению, а дефицит был постоянным. Один неудачный сезон заставлял фермера покидать свои земли и вместе с семьей просить милостыню или воровать. Всякий раз, когда хлеб дорожал выше трех полупенсов, фунтовые люди голодали. Хлебные бунты постоянно происходили то в одной, то в другой провинции, а страна кишела нищими, разбойниками, браконьерами и контрабандистами. Тысячи этих изгоев были заключены в тюрьмы, отправлены на галеры или повешены, но никакие меры не могли уменьшить их число, а причины, порождающие их, оставались неустраненными. Адекватных средств для обеспечения обездоленных не было. Существовало несколько госпиталей и других благотворительных учреждений. Епископы, крупные сеньоры и монастыри часто поддерживали жизнь сотен людей в периоды нехватки средств. Однако больницы были немногим лучше чумных домов, куда свозили больных и немощных, чтобы они умерли, а частная благотворительность была частичной и недостаточной. Не существовало и общей системы помощи бедным. С целью поддержания доступной для населения цены на хлеб, торговля кукурузой была подвержена множеству правил и ограничений. Иногда правительство делало закупки иностранной кукурузы, которая перепродавалась по заниженным ценам. Иногда цены на кукурузу и другие продукты питания были фиксированными. В городах цена на хлеб обычно регулировалась в зависимости от цены на кукурузу полицейскими, что было не лишней мерой предосторожности, когда торговля хлебом находилась в руках закрытой корпорации. Вряд ли можно было придумать более порочный способ облегчения положения, но отказаться от него было непросто. Произвольные меры по снижению цены на кукурузу часто приводили к ее повышению, а в случае успеха лишь снижали производство и приводили к еще большему дефициту, поскольку сокращение прибыли и без того перегруженного кукурузой производителя в действительности облагало его дополнительным налогом. С другой стороны, не менее верно было и то, что до тех пор, пока сохранялся существующий порядок, незначительное повышение цены фунта хлеба означало голодную смерть для массы ремесленников, а также для тысяч сельскохозяйственных рабочих и мелких собственников, не занимавшихся выращиванием кукурузы. Привыкшие рассчитывать на то, что правительство обеспечит их дешевым хлебом, в каждый сезон нехватки они требовали снижения цен и, если власти не шли навстречу, прибегали к бунтам и грабежам.

Вольтер.

Бедствия трудящихся классов сами по себе являются достаточной причиной для революции; но революция происходит только тогда, когда есть идейные люди, способные повести за собой неграмотные массы. Во Франции образованные классы восприняли революционные идеи, а литераторы, которые их озвучивали, стали лидерами мнений и оказали огромное влияние на свое и последующие поколения. Первыми появились вольтерьянцы во главе с Вольтером (1694-1778). В течение столетия стремительно развивались все отрасли знаний - история, юриспруденция, математические и физические науки. Идея прогресса была определенно сформулирована, а знания были признаны главным фактором, способствующим достижению добродетели и счастья. Для увеличения и распространения знаний было необходимо признание двух принципов - религиозной терпимости и свободы печати. Однако оба эти принципа находились в прямом противоречии с принципами, на которых основывался авторитет Римско-католической церкви - единство веры и культа, подчинение философии и науки теологии, подчинение разума учению традиции. Протестантские священнослужители были преданы смерти в 1762 году, а в 1765 году парень,

осужденный за святотатство, был повешен, а его тело после этого сожжено. Однако подобные акты нетерпимости и жестокости были осуждены общественным мнением, и между церковью и выразителями новых идей неизбежно возникло жестокое столкновение. Вольтер сделал делом своей жизни уничтожение веры в богооткровенную религию. В стихах и прозе, в исторических сочинениях, в письмах и памфлетах десятками, с грубой наглостью или притворным уважением, он выставял церковь на посмешище, возмущение и презрение, как великого врага просвещения и человечества. "Самая абсурдная из империй, - писал он, - самая унижительная для человеческой природы - это империя священников; и из всех империй священников самая преступная - это империя священников христианской религии".

Энциклопедисты.

Вольтер сам был скептиком. За ним шли люди, отрицавшие веру в личного Бога и бессмертие души. Дидро (1713-1784) и д'Алембер (1717-1783) с неутомимой энергией издавали "Энциклопедию", или словарь универсальных знаний, прививая, по крайней мере косвенно, атеистические взгляды и стремясь, уничтожая невежество и суеверие, подорвать всю ткань христианской теологии. До конца своей долгой жизни, в 1778 году, Вольтер был самым выдающимся человеком во Франции, а скептические и атеистические взгляды были общепринятыми и открыто исповедовались мужчинами и женщинами из высшего и среднего классов. Триумф новой философии был обусловлен не только силой иронии или аргументацией ее сторонников. Скандальные злоупотребления внутри Церкви подготовили почву для ее принятия. У нападавших не было эффективного оружия, с помощью которого можно было бы отразить нападение. Церковь была лишена реформаторской энергии и прозелитического рвения. На руку государства она не могла рассчитывать с той же уверенностью, что и в прежние времена. Правительство было не в состоянии подавить новое движение, да и не готово было всерьез предпринять такую попытку. Чиновничий класс, вышедший из среднего, был, как и все остальные, пронизан новыми идеями. Периодические аресты авторов и печатников, изъятие типографий и прессов лишь усиливали ярость нападков и делали запрещенные книги более востребованными. Духовенство было тем более открыто для нападков, что оно было заинтересовано в сохранении привилегий и злоупотреблений, причинявших жестокие страдания трудящимся классам, в то время как новая философия была направлена на уничтожение всего, что стояло на пути материального прогресса и счастья масс. В противовес церковной доктрине о естественной испорченности человеческой природы, ее приверженцы учили, что человек рождается добрым, и что неправильные поступки являются результатом невежества; прививали важность образования всех классов, и отказывались признавать пределы совершенствования, на которое способны как отдельные люди, так и раса. Часто сопровождаемое чувственным взглядом на жизнь, который соответствовал распутству, распространенному среди высших классов того времени, это высокое мнение о человеческой природе развивало уважение к человеку как к человеку, независимо от социального положения, расы или вероисповедания, и страстную ненависть к неравенству, основанному на таких различиях. ♦ Экономисты. ♦ Школа политических экономистов, отталкиваясь от теории, что все люди изначально имеют равные права, и каждый человек свободен использовать свое время, свои руки и свои мозги в соответствии со своей выгодой, продемонстрировала принципы свободной торговли и объявила полную свободу сельского хозяйства, полную свободу торговли и промышленности, полную свободу прессы истинными основами национального процветания. Апеллируя к абстрактным принципам справедливости, гуманности и права, вольтерьянцы и экономисты обрушили огонь язвительной критики на существующие законы, обычаи и институты. Они разоблачали злоупотребления и страдания, связанные с

применением пыток, крепостным правом и работорговлей, с чрезмерной централизацией и вмешательством в торговлю и сельское хозяйство, с тесными гильдиями, феодальными повинностями, внутренними таможами, с *taille* и *gabelle*, и требовали проведения реформ, которые должны освободить торговлю и промышленность, уничтожить сословные и провинциальные привилегии, ввести единство в управлении и равенство прав между человеком и человеком.

Руссо.

Вольтерьянцы отличались нападками на церковь и христианство, экономисты - тем значением, которое они придавали свободе личности. Ни те, ни другие не считали невежественные и угнетенные массы способными действовать самостоятельно, и оба смотрели на королевскую власть, просвещенную свободной прессой, как на инструмент, с помощью которого должны быть проведены реформы. Руссо был писателем иного склада. Вместо того чтобы боготворить знания, он объявил необученного крестьянина и ремесленника выше философа и культурного человека. Только они, по его словам, сохранили ту природную доброту сердца, которая была присуща людям в давно ушедшие времена, когда социальное неравенство, праздность и роскошь были неведомы. Руссо выступал также против атеистических тенденций того времени, заявляя, что вера в личного Бога и бессмертие души необходима для того, чтобы сделать жизнь угнетенных людей приемлемой. Его равнодушие к знаниям и культуре заставляло его считать, что только сами массы способны возродить Францию, если, конечно, возрождение еще возможно. Общество, по его мнению, изначально было основано на договоре, по которому каждый гражданин в обмен на защиту личности и собственности отдавал себя в руки общей воли. Законы, таким образом, были выражением общей воли; короли были всего лишь слугами народа, и не они, а народ был сувереном. Что бы ни было не так во Франции или в других странах, вина лежала исключительно на обществе и правительстве, и если когда-нибудь праздность и роскошь исчезнут, а народ вернет себе утраченный суверенитет, тогда и только тогда, как в первобытные времена, люди будут счастливы и добродетельны. "Человек рождается свободным", - гласили первые слова "Общественного договора", книги, в которой утверждались эти теории, - "и везде он в цепях".

ГЛАВА II.

ФРАНЦИЯ ПРИ ЛЮДОВИКЕ XVI. (1774-1789).

Когда необходимость реформ была продемонстрирована группой влиятельных и блестящих писателей, чьи произведения стали популярным чтением дня, было неизбежно, что желание перемен должно было расти, поскольку новые идеи распространялись в более широких кругах, а страдающие от злоупотреблений становились все более и более живыми, осознавая свою несправедливость. Подымаемые общественным мнением, существующие порядки не могли долго продержаться, и перед Францией встал жизненно важный вопрос: какими средствами должны быть достигнуты перемены. Вольтерьянцы призывали короля взять дело в свои руки, и после смерти Людовика XV в 1774 году появилась возможность, что молодой Людовик XVI попытается восстановить путь, который покинули его предшественники, и, освободив народ от его тягот, будет стремиться к благополучию всей нации. Министерство Тюрго. ♦ Тюрго, новый генеральный контролер, выполнявший функции министра финансов и министра внутренних дел, представлял партию реформ и во всех своих действиях руководствовался сильной любовью к знаниям и страстным желанием принести пользу своим согражданам. Он не был, как писатели его времени, простым теоретиком, но и

опытным и успешным администратором, который в течение тринадцати лет был интендантом бедной провинции Лимузен. Теперь, когда он получил более высокую власть, целью Тюрго стало улучшение положения народа во всей Франции путем проведения реформ, основанных на принципах равенства и свободы личности, которые провозглашали вольтерьянцы и экономисты. Главными его реформами были отмена ограничений на внутреннюю торговлю кукурузой и вином; отмена *корвея*, или принудительного неоплачиваемого труда крестьян для ремонта дорог, который он заменил земельным налогом, подлежащим уплате всеми владельцами, как привилегированными, так и нет; и, наконец, отмена гильдий, дающая свободу каждому, как бы беден он ни был, заниматься тем ремеслом, которым он хочет, и повышать свое состояние в соответствии со своими способностями. Помимо этих, наиболее важных мер, Тюрго провел множество менее значительных реформ, направленных на освобождение труда и промышленности, удешевление продуктов питания и одежды, облегчение бремени бедняков путем уравнивания налогов и отмены фискальных злоупотреблений и *синекур* должностей, обогащавших денежную аристократию Парижа и придворное дворянство. Однако реформы, которые осуществил Тюрго, были лишь малой частью тех, которые он задумывал. Он стремился перестроить всю систему налогообложения, перенести все таможи на границу, отменить *габель* и заменить ее новым налогом на землю всех собственников без исключения, постепенно отменить феодальные повинности, предоставить гражданские права протестантам и, наконец, децентрализовать управление путем создания провинциальных собраний, которые должны были избираться всеми землевладельцами без различия сословий. Не успел он приступить к работе, как она была преждевременно прервана. Сразу же образовалась яростная оппозиционная партия, в которую вошли придворная знать, высшее духовенство, чиновная аристократия, фермеры, занимавшиеся *сбором габеля* и других косвенных налогов, судьи в парламенте, мастера гильдий и государственные чиновники - словом, все те, кто извлекал выгоду из существующих злоупотреблений и чьи особые привилегии подвергались нападкам. "Все боятся, - писал ему один из друзей Тюрго, - либо за себя, либо за своего брата, либо за своего друга".

Людовик XVI.

Выстоит ли Тюрго или падет, полностью зависело от решения короля. Людовик XVI был благонамерен, совестлив и искренне желал править на благо своих подданных, но ему не хватало качеств, которые необходимы принцу, призванному управлять страной в период великого национального кризиса. Он был лишен уверенности в себе, нерешителен в действиях, не способен оценить реальную ценность людей или понять реальное значение событий и мер. Он не мог управлять даже собственным двором. Простой в своих вкусах, застенчивый и сдержанный, он проводил самые счастливые часы на охоте или в компании кузнеца, осваивая искусство изготовления замков. Неудивительно, что такой король метался между противоречивыми мнениями, когда те, кто окружал его трон и с кем он ежедневно общался, обвиняли его министра в насилии и несправедливости, а также в вынашивании проектов, разрушающих монархическое правление. "Король, - говорил Тюрго, - превыше всего, для блага всех". Людовик никогда не мог подняться до такого представления о своем положении. Тюрго сделал бы его правителем людей, равных перед законом и обладающих равными правами граждан. Как ни стремился Людовик облегчить бремя низших классов, он так и не смог представить себе, что благородные находятся на одной ступени с простыми людьми. Единственным человеком, которому он доверял, была его жена Мария Антуанетта, дочь императрицы Марии Терезии, и с роковой слабостью он часто уступал ее желаниям вопреки собственному здравому смыслу. Ее выдали за него замуж еще ребенком и оставили расти без наставлений и руководства в развращенной атмосфере версальского двора. В

возрасте девятнадцати лет, когда она стала королевой, она была яркой и живой, но невежественной и легкомысленной женщиной, чьи дни проходили в непрекращающемся круговороте формальностей и рассеянности. Она использовала свое влияние на мужа, чтобы получить для своих друзей пенсии и должности, не имея ни малейшего представления о том, что причитается ей как королеве в окружении легкомысленного и интригующего двора, ни о том, чем она обязана голодающим и страдающим массам, которые лишились своих заработанных тяжелым трудом средств для обогащения праздной и расточительной знати. Когда министры пытались обуздать ее расточительность или каким-либо образом препятствовали ее склонностям, они вызывали ее негодование, опасное пропорционально той власти, которую она могла осуществлять над королем. Ее неприязнь к Тюрго стала причиной, которая в конце концов привела к его отстранению от должности. Австрийский посол Мерси, сообщая Марии Терезии об этом событии, использовал слова с более глубоким смыслом, чем он сам осознавал. "Генеральный контролер, - сказал он, - имеет высокую репутацию честного человека и пользуется любовью народа; поэтому несчастье, что его увольнение отчасти дело рук королевы. Такое использование ее влияния может в один прекрасный день навлечь на нее справедливые упреки как ее мужа, так и всей нации".

Тюрго был величайшим государственным деятелем, которого Франция видела со времен Ришелье. Он ясно понимал экономические и социальные проблемы, от которых страдала страна, и средства, которые необходимо было применить для их решения. Лучшие идеи эпохи нашли место в его емком сознании, и все, что он пытался сделать, в конечном итоге должно было быть осуществлено, хотя и другими средствами, чем те, которые он предполагал. Людовик показал свою неспособность понять, что его первейшая обязанность - сделать себя исправителем несправедливости и несправедливости и действительно представительным королем, который может сказать: "Я - народ". После неудачи Тюрго революция, то есть перемены, сопровождаемые насилием и потрясениями, стала неизбежной.

Реформаторское движение - европейское.

Реформаторское движение, представителем которого во Франции был Тюрго, не ограничивалось только этой страной, а было, по сути, европейским движением, влияние которого ощущалось, пусть и слабо, даже в самых отсталых государствах. Короли и государственные деятели под влиянием вольтеровских идей придерживались скептических взглядов и интересовались материальным положением своих подданных. Было замечено, что если монополии обогащают отдельных лиц, то они препятствуют развитию торговли и промышленности; что если пошлины взимаются между провинциями одного королевства, то обмен товарами может осуществляться лишь с трудом; что если дворяне не платят свою справедливую долю налогов, то доходы государства страдают, а рабочие классы становятся непосильным бременем. Завистливые взгляды бросали на территориальные богатства католической церкви, протестовали против разрастания монастырей и праздной жизни их обитателей. Во многих государствах предпринимались попытки усилить власть короля путем уничтожения провинциальных и сословных привилегий. Идея о том, что государь правит ради блага нации, была принята, по крайней мере, в теории, самыми самодержавными европейскими князьями. В России Екатерина II., в Пруссии Фридрих II. приглашали к своим дворам и покровительствовали французским философам. В Испании Аранда, в Тоскане Манфредини, в Португалии Помбал стремились уменьшить привилегии дворян и духовенства и ослабить узы, в которых держались промышленность и торговля. В Савойе были отменены феодальные повинности, а владельцы получили компенсацию. В Парме, в Брауншвейге и других итальянских и немецких государствах проявились аналогичные тенденции. Но хотя

реформаторское движение, заложенное Вольтером и экономистами, не ограничивалось Францией, нигде больше народ не испытывал сильного желания к реформам. В Германии, в Испании, в Италии новые взгляды ограничивались немногими теоретиками и государственными деятелями и не проникали под поверхность общества. Причина заключалась в различии социальных условий. За пределами Франции дворяне, как правило, жили дома в своих поместьях, по-прежнему верша правосудие над крестьянами и крепостными. Средний класс не интересовался государственными делами, а посвящал свои силы научным и литературным занятиям. Низшие классы, все еще находясь в зависимости от высших, не испытывали живого недовольства своими привилегиями. Поэтому князья-реформаторы никогда не могли провести больше нескольких отдельных изменений без опасности поднять восстание. Дворяне и духовенство, как только их привилегии оказывались под угрозой, выступали против; среднее сословие не стремилось оказать поддержку; низшие классы были готовы следовать примеру дворян и духовенства, чем примеру правительства. Из всех князей своего времени император Иосиф II был самым смелым новатором. В своих наследственных владениях он оскорбил дворян упразднением провинциальных государств, духовенство - закрытием монастырей и отстаиванием принципов веротерпимости, народ - изменениями в религиозных службах. В Бельгии вспыхнуло восстание под руководством дворян и духовенства (1789). И в Галиции, и в Венгрии дворяне грозили взяться за оружие, и некоторое время казалось, что австрийское владычество распадется на части.

Англия.

В Англии преобладали те же идеи, что и на континенте, но социальное и политическое состояние страны было таково, что позволяло проводить реформы более постепенно и с гораздо меньшим количеством насильственных изменений, чем это было возможно во Франции или Австрии. Английский народ на протяжении веков составлял единую нацию. Никакие резкие линии разделения не отделяли один класс от другого. Законы были одинаковы для всех: младшие сыновья дворян приравнивались к простолюдинам, а деревенские джентльмены заседали в парламенте наравне с купцами и торговцами. Свободная пресса готовила почву для перемен, позволяя обсуждать вопросы, представляющие всеобщий интерес, а свободные институты давали политический опыт и учили правящие классы необходимости вовремя уступать общественному мнению. Парламент, представлявший интересы только землевладельцев и коммерсантов, принимал эгоистичные законы и не спешил признавать или исправлять несправедливость, причиненную непредставленным классам; но грубое угнетение низших сословий, подобное существовавшему во Франции, было неизвестно в Англии. Сельские джентльмены заботились о делах прихода и графства. Основу сельского населения составляли сельскохозяйственные рабочие, которых при недостатке заработной платы содержали за счет бедняцких ставок. Налоги на землю, причитающиеся лорду манора, хотя и были далеки от исчезновения, существовали основном в виде денежных платежей, затрагивая лишь сравнительно небольшое число людей. Хотя те же защитные принципы, которые преобладали на континенте, господствовали и в Англии, какие бы ограничения ни накладывались на людей при выборе профессии, а также на промышленность, торговлю и сельское хозяйство, здесь можно было найти гораздо больше свободы, чем в других странах. Страна была самой процветающей в Европе, и богатство быстро накапливалось. Особый прогресс был достигнут в системе земледелия благодаря введению севооборота и искусственных удобрений. Заработная плата выросла, хлеб подешевел, и все классы на какое-то время приобщились к общему процветанию.

В Англии множество выдающихся людей, философов, государственных деятелей и филантропов, восприняли новые идеи и стремились воплотить их в жизнь. В 1776 году Адам Смит опубликовал книгу "Богатство народов", в которой провозгласил принципы свободной торговли. Младший Питт, занявший пост президента в 1783 году, был его учеником. Он предложил отменить ограничения на торговлю Ирландии с Англией и намеревался уменьшить власть аристократии путем реформы избирательной системы. В 1787 году между Англией и Францией был заключен Торговый договор, призванный расширить торговлю между двумя странами. Однако наиболее важные меры, выдвинутые Питтом, не прошли через парламент. Отчасти это было вызвано фракционной оппозицией вигов, отчасти - сильными консервативными инстинктами правящих классов, а отчасти - тем, что среди населения в целом не было особого недовольства или желания перемен.

Министерство Неккера.

Однако если Англия медленно продвигалась вперед, то реформы, проведенные однажды, опирались на надежный фундамент. Совсем иначе обстояло дело с теми, которые проводились от имени абсолютных принцев на континенте. После отставки Тюрго пятьдесят из семидесяти гильдий, которые он упразднил, возродились, а крестьяне были вынуждены под ударами возобновить свой труд на дорогах. Преемником Тюрго стал Неккер, женеvский банкир (октябрь 1776 года). Он не был государственным деятелем, как Тюрго, с определенными целями, но был способным финансистом и гуманным человеком, придерживавшимся филантропических настроений того времени и стремившимся облегчить положение народных масс. Война с Англией усугубила трудности правительства. В 1778 году Людовик, неохотно следуя общественному мнению, оказал помощь английским колониям в Америке в их борьбе за независимость. Покрыть расходы на войну можно было только тремя способами: увеличением налогов, экономией и займами. Первое было невозможно, второе - возможно лишь в ограниченной степени, поэтому Неккер был вынужден прибегнуть к займам. Открытые им кредиты были быстро заполнены, поскольку люди среднего класса, которые были главными кредиторами, считали, что их интересы в безопасности, пока он руководит финансами. Но государственный долг значительно увеличился, а перспективы на будущее, с учетом не проведенных реформ в системе налогообложения, делали их еще более мрачными. Хотя Неккер не пытался вводить радикальные меры, которые вызвали оппозицию у Тюрго, его отмена sinecur и другие административные изменения вызвали недовольство тех же классов. Парижский парламент, примеру которого последовали двенадцать провинциальных парламентов, стал главным органом сопротивления. Эти парламенты или судебные палаты были, по сути, мощными юридическими корпорациями, в которые входили многие сотни людей. Судьи принадлежали к должностной знати и были независимы от правительства, так как занимали свои должности по праву покупки и не могли быть лишены их без доказательства проступка. Кроме судебной, они выполняли и определенную политическую функцию, поскольку эдикты королевского совета не имели силы закона до тех пор, пока не были зарегистрированы парламентом. Во времена Людовика XIV это право регистрации было простой формой. Если Парижский парламент не решался исполнить его желания, он устраивал так называемое ложе правосудия, когда лично являлся в суд, и по его приказу регистрация была обязательной. Но теперь, когда королевская власть оказалась в пренебрежении, парламенты оказывали длительное сопротивление, и прежде чем правительству удавалось добиться регистрации своих эдиктов, прибегали к запугиванию и даже к применению военной силы. Пытаясь провести реформы, Неккер неизбежно ввязывался в ссоры с парламентами, а обнаружив, что король оказывает лишь полусерьезную поддержку, сложил с себя полномочия (1781).

Стремление к политической свободе.

Людовик мог избавить себя от сиюминутных неудобств, отказавшись от министра, который ему надоед, но не имел власти остановить ход событий. Те, кто ссужал деньги правительству, глубоко возмущались падением Неккера, поскольку верили, что он сможет обеспечить регулярную выплату процентов по государственному долгу. Желание социальных перемен сопровождалось желанием перемен политических. Руссо говорил, что народ суверенен, и по мере того как некомпетентность короны в проведении в жизнь национальной воли становилась с каждым последующим министерством все более очевидной, идеи, давно смутно витавшие в умах людей, набирали силу и последовательность. Дело американских колоний было воспринято с огромным энтузиазмом. Декларация независимости (4 июля 1776 года), в которой, в соответствии с принципами, изложенными в "Общественном договоре", утверждалось, что все люди созданы равными и наделены естественным правом свержения несправедливого правительства, была воспринята как провозглашение универсальной истины, пользу от которой могут извлечь как французы, так и колонисты. Тем временем правительство во Франции с каждым годом становилось все более слабым и беспомощным. Война с Англией закончилась в 1783 году, но финансовые затруднения усилились. Калонн, ставший в том же году генеральным контролером, продолжил систему заимствований Неккера без его оправдания и сохранил свой пост, воздерживаясь от действий, направленных на оскорбление привилегированных классов. Требования королевы и двора были удовлетворены, и злоупотребления, уничтоженные Неккером, вновь дали о себе знать. "Если это возможно, мадам, - сказал покорный министр, когда королева потребовала от него денег, - это будет сделано; если это невозможно, это будет сделано". Но такое расточительство доходов не могло продолжаться вечно. Кредит Калонна рухнул, и в качестве последнего средства он был вынужден предложить реформу всей системы управления и налогообложения. С помощью огласки он надеялся преодолеть сопротивление. Он созвал чрезвычайный совет или собрание знатных лиц, назначенных королем (февраль 1787 года), и представил им свои предложения, полагая, что при существующем положении дел они не посмеют отказать в поддержке. Но это собрание, состоявшее почти целиком из привилегированных лиц, оказалось непокорным. Большинство выступило против предложенных реформ, а те немногие, кто их одобрил, решили, что они должны быть проведены собранием, представляющим нацию.

Бриенна.

Калонн уступил место (1787) Бриенну, архиепископу Тулузскому, кандидату королевы; но новому министру не оставалось ничего другого, как принять планы своего предшественника, и правительство оказалось вовлеченным в непрерывную борьбу с парламентом. Парламент скрывал свое неприятие принципа равенства налогообложения, отрицая право короля вводить новые налоги без согласия нации, и требовал созыва собрания Генеральных штатов. Правительство, со своей стороны, стремилось к популярности, сочетая эдикты о повышении займов и налогов с реформаторскими мерами. Но оно не могло получить никакой поддержки. Изменчивая политика, которую оно так долго проводило, попытки реформ, которые то предпринимались, то отменялись, то вновь предпринимались, разрушили доверие как к его власти, так и к его доброй воле. Поэтому, хотя парламенты защищали привилегии дворян и духовенства, их сопротивление вызывало одобрение, поскольку оно давало самое верное средство заставить короля опустить руки и не оставляло ему иного выхода, кроме как призвать на помощь нацию. Наряду с равенством слово "свобода" было у всех на устах. Те самые дворяне, которые так долго противились административным и экономическим переменам, сами стали яркими сторонниками перемен политических. Боясь

короны больше, чем нижестоящих классов, и не замечая полной изоляции своего сословия, они рассчитывали стать одновременно лидерами политической революции и защитниками собственных интересов. На самом деле у привилегированных орденов не было иного выбора, кроме как либо подчиниться по своему усмотрению королю, либо присоединиться к народным призывам к собранию Генеральных штатов. Самовольные попытки Бриенна освободить корону от зависимости от парламентов провалились, натолкнувшись на сопротивление всех сословий, и поставили страну на грань фактического восстания. В армии царило недовольство. Крестьяне и ремесленники, воодушевленные ожиданием лучших времен, были более готовы, чем раньше, подняться на восстание против местных властей, и их было не так легко подавить. Надвигалось государственное банкротство. Дефицит доходов составлял более 2 000 000 ливров, и не хватало денег, чтобы выплатить проценты по государственному долгу. В этих условиях Луи неохотно уступил требованиям, выдвигаемым со всех сторон. Он объявил о своем намерении созвать Генеральные штаты и, чтобы вернуть доверие, восстановил во главе финансов своего бывшего и по-прежнему популярного министра Неккера (авг. 1788 г.).

Неккер отозван на пост.

Возвращение Неккера на пост было встречено бурными аплодисментами от одного конца Франции до другого. На его финансовые способности полагались, чтобы предотвратить банкротство, и было известно, что он всегда выступал против двора и что теперь он желал собрания Генеральных штатов. Но его популярность объяснялась только этими причинами, а не какими-либо доказательствами, которые он давал или мог дать о своей пригодности направлять королевскую политику. Так как он не понимал истинных причин надвигающейся революции, он был не в состоянии умерить ее жестокость.

Памфлеты и каиры.

Надежды и желания каждого класса нашли свое выражение сначала в памфлетах, а затем в *кайерах* или петициях, составленных избирательными собраниями для представления в штаты. Важность и необходимость реформ признавалась в целом, за исключением тех случаев, когда особые интересы или сословные предрассудки делали людей противниками перемен. Так дворяне боролись с консервативными тенденциями церковников, церковники - с консервативными тенденциями дворян. Под давлением общественного мнения дворяне в большинстве своем заявили о готовности признать принцип равенства налогообложения. Но дальше соглашений дело не пошло. Между двумя привилегированными сословиями и основной массой народа образовалась пропасть, преодолеть которую не было никакой надежды. Цель, которую дворяне преследовали на собрании Штатов, заключалась в установлении конституционной монархии, основанной на аристократических институтах и обеспечивающей политическое и социальное господство их собственному порядку. Целью среднего и рабочего классов было полное уничтожение всех различий, которые давали дворянам и церковникам особое положение в государстве. Представители высших сословий должны были не только нести свою справедливую долю налогов, но и подчиняться тем же законам и стоять во всех отношениях на одном уровне с массой своих сограждан. Памфлет, написанный аббатом Сьесом, который дал четкую формулировку мыслям в умах людей, приобрел для своего автора европейскую известность. Что такое, спрашивал он, "третье сословие"? Все. Чем оно было до сих пор в государстве? Ничем. Затем он стал доказывать, что Третье сословие, иными словами, народ Франции, за исключением дворян, сам по себе образовал полноценную нацию; что им выполнялась вся полезная работа; что дворянство было лишь наростом, мешавшим росту и развитию национальной жизни. Третье сословие -

это, по его словам, скованная и угнетенная нация. Чем бы она была без дворянства? Свободной и процветающей нацией.

Нация Съеса была двадцатипятимиллионной. Первые два ордена насчитывали вместе около 1 500 000 человек. То, что они составляли меньшинство, само по себе не было основанием для их подавления. Разум и справедливость могут быть на стороне меньшинства с тем же успехом, что и на стороне большинства. Но аргументы Сийеса в сложившихся обстоятельствах были совершенно обоснованными и неопровержимыми. Дворяне не представляли национальных интересов и давно перестали быть органами, через которые нация выражала свои желания. На осуществление политических полномочий они не имели ни малейшего права. Их привилегии и предрассудки годами стояли на пути к общему благу. Они не имели опыта политической жизни и, как правило, не имели опыта даже в вопросах управления и администрации. Их положение среди сограждан было положением изолированной касты; словом, отсутствовали все те узы связи, которые заставляют людей доверять другим и принимать их в качестве лидеров.

Привилегии духовенства и его претензии на власть как особого ордена встречали столь же мало поддержки, как и привилегии знати. Духовенство и миряне должны были стоять на совершенно одинаковых позициях в отношении гражданских и политических прав. Совокупное влияние скептических и либеральных идей заставляло людей стремиться к изъятию из Церкви всех принудительных средств поддержания власти. Пресса должна была быть свободной, богослужение - свободным, а нонконформисты - пользоваться всеми гражданскими и политическими правами. Равенство должно было преобладать как в Церкви, так и в государстве. Управление церковью должно было быть реорганизовано на демократической основе, а власть Папы, как главы церкви, должна была ограничиться чисто духовными вопросами. Хотя провинциальные дворяне завидовали великим лордам и желали лишиться их всех преимуществ, которыми те обладали по сравнению с ними самими, все же дворянство в целом по-прежнему составляло касту, все члены которой, за исключением небольшого меньшинства, были едины в отстаивании прав и требовании привилегий в противовес остальному народу. Духовенство, напротив, хотя и было объединено общими интересами как церковники, раздиралось теми же сословными противоречиями, что и миряне. Высшее духовенство, все знатного происхождения, предлагало сохранить власть в своих руках и провести церковную реформу изнутри; в то время как куры, вышедшие из народа, требовали вмешательства государства, как единственного средства обеспечить себе полное представительство в церковных советах и справедливую долю в распределении церковного имущества.

Двойное представительство Третьего сословия.

Вопрос, вокруг которого в это время разгорелась дискуссия, заключался в том, какую форму должны принять Генеральные штаты, поскольку от их решения зависело, будет ли политическое верховенство принадлежать первым двум орденам или Третьему сословию. Дворяне и духовенство требовали, во-первых, чтобы каждый из них был представлен таким же количеством депутатов, как и Третье сословие; , во-вторых, чтобы депутаты каждого ордена заседали сами по себе в отдельной палате, и чтобы каждая палата голосовала отдельно. Буржуазия, поддерживаемая народом, со своей стороны отрицала право двух первых орденов на отдельное представительство и требовала, чтобы в любом случае депутаты Третьего сословия были равны по численности депутатам дворян и духовенства вместе взятым, и чтобы все три ордена заседали вместе, образуя единую палату. Спор вызвал сильное проявление партийных чувств, что привело к беспорядкам и кровопролитию. Парламенты, которые раньше были популярны за то, что оспаривали королевскую власть,

теперь подвергались улюлюканью и толпам за то, что поддерживали требования дворян и духовенства. Если бы в этот момент Людовик четко и безоговорочно встал на сторону народа, корона могла бы обрести огромную популярность и влияние. Буржуазия, какими бы демократическими ни были ее теории правления, была горячо привязана к монархии и преданна личности короля. Но Людовик, отвергнувший Тюрго, снова оказался неспособен стать лидером нации. Созывая Штаты, он действовал не по политическим соображениям, а под влиянием обстоятельств, которые не мог контролировать. Он ожидал от депутатов Третьего сословия помощи в обложении дворян налогами и в проведении административных реформ, но не мог понять, что они рассчитывают на то, что он вместе с ними уничтожит все остатки старой феодальной системы и установит полностью демократическое правление. В том, что касалось непосредственно вопроса, король зашел настолько далеко, насколько это отвечало его собственным целям, и не дальше. Приняв совет Неккера, он согласился, чтобы депутаты от Третьего сословия были равны по численности депутатам от духовенства и дворянства. Вопрос о том, должны ли депутаты после заседания заседать тремя палатами или одной, остался нерешенным.

ГЛАВА III. СОБРАНИЕ В ВЕРСАЛЕ.

Король и революция.

Генеральные штаты были открыты королем в Версале при огромном стечении народа 5 мая 1789 года. В них участвовало около 1200 депутатов, из которых около 300 представляли духовенство, 300 - дворянство, а остальные 600 - Третье сословие. Если король хотел сохранить за собой руководство делами, ему необходимо было сразу же заявить о создании единой палаты. Привилегированные ордена могли лишь вовлечь корону в свою гибель, в то время как за депутатами Третьего сословия стояла нация. Однако Людовик не был готов принять перемены, которые предполагало создание единой палаты, - отмену всех сословных различий и поглощение дворян Третьим сословием. Неккер, хотя и был более осведомлен о необходимости поиска народной поддержки, так же мало понимал реальную ситуацию, в которой находилось правительство. Он хотел в конечном итоге установить конституцию с двумя палатами и считал самой неотложной работой на данный момент восстановление финансов. Он не понимал, что гражданское и политическое равенство - это то, к чему стремились депутаты Третьего сословия; и что пока они не убедятся, что правительство будет на их стороне, они не будут обращать внимания на простые финансовые или административные реформы. На открытии Штатов, после продолжительного выступления по вопросу о финансах, Неккер посоветовал депутатам назначить уполномоченных, чтобы решить, какие вопросы они будут обсуждать на общем заседании, а какие - в трех отдельных органах.

Намерение министра, вероятно, состояло в том, чтобы депутаты трех орденов заседали и голосовали вместе только при обсуждении финансовых и административных вопросов. Все остальные вопросы должны были обсуждаться тремя сословиями отдельно, а в случаях, когда они не могли прийти к согласию, окончательное решение должно было оставаться за королем.

Опыт, правда, говорит в пользу того, что в обычное время законодательные собрания целесообразно делить на две палаты. Но в 1789 году перед Генеральными штатами стояла не обычная законодательная работа. Ничего хорошего не могло быть достигнуто до тех пор, пока не будет отменено привилегированное существование дворян и духовенства; а поскольку верхняя палата в то время могла состоять только из дворян и духовенства, такая палата наверняка помешала бы Третьему сословию сделать то, чего от него ожидала нация. Поэтому было напрасно надеяться, что политика Неккера принесет стране удовлетворение и позволит королю сохранить власть. Добиться лидерства в Собрании он мог, лишь безоговорочно заявив о необходимости создания единой палаты. Но чтобы пойти на такой шаг, Людовик должен был быть не таким, каким он был на самом деле. Хотя он хотел преодолеть оппозицию привилегированных орденов короне, он рассматривал их существование как неотделимое от монархии. Он не мог представить себе монархию, основанную на демократических институтах и сильную пропорционально оказанному ей доверию. Воспитание, окружение, привычки, само чувство долга не позволяли ему порвать с прошлым и принять положение народного короля. Однако все пережитки старого феодального порядка были обречены на гибель, какую бы позицию ни занял Людовик; и было бы хорошо, как для него, так и для Франции, если бы он сразу же сложил с себя власть или был низложен. Ведь если бы он отказался возглавить атаку на привилегированные порядки, она была бы предпринята с еще большей жестокостью, и правительства, в истинном смысле этого слова, не было бы. Во многих частях страны уже царили беспорядки и мятежи. Крестьяне отказывались платить налоги и феодальные повинности. Образованные люди с подозрением относились к намерениям правительства. Чиновники были бессильны действовать жестко в противовес общественному мнению. Повсюду царило сильное волнение. В каждом городе и деревне люди с нетерпением ждали скорейшего исполнения желаний, нашедших свое выражение в *кайерах*, составленных для представления в Штаты.

Мирабо.

Если Людовик не мог предсказать будущее, то и большая часть его подданных тоже. Среди толпы депутатов, собравшихся в Версале, был только один, маркиз Мирабо, который понимал истинный смысл революции и с точностью предвидел, как будут развиваться события. Этот замечательный человек был наделен от природы огромной энергией, умственной и физической. Еще в юности он успел оставить свой след - добрый или злой, где бы он ни находился. Он влезал в долги, дрался на дуэлях, поддерживал порядок среди голодных крестьян, ел, пил и работал вместе с ними, завоевывал расположение людей, настроенных против него предвзято, и покорял сердца женщин. Его отец, согласно моде того времени, поддерживал отцовскую власть, получая от правительства *грамоты*, предписывающие заключить сына в тюрьму. Мирабо находился в заточении то в одной, то в другой крепости по несколько месяцев подряд. В ранней юности, в возрасте двадцати восьми лет, он попал в Венсенский донжон, государственную крепость, где обитал в темной, скудно обставленной комнате и не общался ни с кем, кроме своего тюремщика. Его проступки против общественного порядка не были легкими, ведь он бросил собственную жену ради жены другого мужчины. Но в своих пороках Мирабо был лишь образцом того поколения, к которому принадлежал, и настоящая причина его заключения лежала в другом. Книги и бумага были разрешены ему как милость. Без книг, - писал он, - я был бы мертв или безумен". Он читал и писал пятнадцать часов из двадцати четырех. После более чем трехлетнего заключения ссора между ним и его отцом была улажена. В 1780 году он вышел на свободу, подорванный здоровьем, измученный долгами и очерненный славой, но обладавший большим запасом знаний, готовым пером, беглым языком и государственным гением, с которым не мог соперничать ни один человек во Франции. Однако гений не был

основанием для продвижения по службе. Человек, имевший достаточно весомый интерес при дворе, мог подняться до самых высоких церковных или государственных постов, какими бы способностями он ни обладал и какие бы пятна ни лежали на его прошлой жизни. У Мирабо не было никаких интересов при дворе, а Людовик и его советники не доверяли талантам, и единственный государственный деятель, которым обладала Франция, занимал положение беспринципного авантюриста, стремящегося любыми доступными средствами пробиться в министерство. Не было ничего удивительного в том, что столь явная жертва произвола властей оказалась заядлым врагом существующего порядка. Но Мирабо не желал ослаблять или унижать королевскую власть из-за обиды, нанесенной ему лично. Он обладал слишком сильными способностями к осуществлению власти. Кроме того, он слишком хорошо видел суть ситуации. Он понимал то, чего в то время не понимал никто, кроме него самого, - что истинной целью французского народа было уничтожение всех сословных различий и что монархия могла бы стать очень сильной, если бы только короля можно было заставить принять новые принципы правления в соответствии с демократическим духом эпохи. Если бы он стоял во главе дела, то сразу же созвал бы Генеральные штаты и возглавил бы атаку на привилегированные порядки. Лишенный возможности участвовать в управлении государством, он отомстил, атакуя его со всех сторон. Ему было предложено использовать свое перо, чтобы уничтожить популярность парламентов. "Я никогда, - ответил он, - не стану воевать с парламентом, кроме как в присутствии нации". Колеблющаяся и шаркающая политика министров; их тщетные попытки провести реформу только с помощью королевской власти; их попытки избежать или отложить собрание Штатов; и, наконец, их отказ, после того как они были вынуждены призвать нацию к себе на помощь, заявить о своей поддержке одной палаты, вызвали его презрение и негодование. Он не только ясно понимал, что для сохранения монархии необходимо прежде всего подавить привилегированные ордена; он также ясно понимал, что второе дело, если, конечно, оно не было столь же важным, - это организация правительства, а это неосуществимо, пока между короной и народом существует недоверие. Когда состоялись выборы, отвергнутый по собственному приказу, он занял место представителя Третьего сословия в Эксе. В Версале он стал объектом внимания всех наблюдателей. Необузданность его молодости, долгое заключение, ссоры с отцом, тяжбы с женой, его сочинения и красноречие принесли ему дурную славу во всей Франции. С собранием Штатов Мирабо понял, что появилась возможность заявить о своей власти. "Наконец-то, - говорил он, - мы будем судить о людях по ценности их ума".

Название Национального собрания, принятое Третьим сословием.

Неизбежные последствия отказа короля объявить себя против привилегированных порядков последовали незамедлительно. Между депутатами возникли разногласия по поводу того, какую форму должен принять законодательный орган. Небольшое меньшинство дворян выступало за союз, а большое меньшинство духовенства, состоявшее почти полностью из приходских священников, должно было выбирать между союзом с Третьим сословием и зависимостью от своих церковных начальников. Вопросы, поставленные на карту, были слишком важными, чтобы компромисс был возможен, и поэтому, пока народ с нетерпением ждал разрешения жалоб, Третье сословие отказывалось приступать к делам, пока к нему не присоединятся два других. Политическое возбуждение усилилось среди средних слоев, раздражение и недовольство - среди низших. Зима была одной из самых холодных и долгих за всю историю человечества. Цена на хлеб росла, а бедствия, которые, как ожидали страдальцы, должны были исчезнуть с первым собранием сословий, все увеличивались. Всегда было трудно предотвратить беспорядки в Париже в периоды политических волнений или нехватки продовольствия, а теперь обе причины объединились, чтобы вызвать беспорядки. В Фобур-Сент-Антуан и других бедных кварталах города проживало большое

количество ряженных, нищих и обездоленных рабочих, многие из которых были приезжими из страны, в значительной степени привезенными в Париж в надежде найти хлеб или работу, и чьи страсти можно было легко привести в действие с опасными последствиями; в то время как памфлетисты и уличные ораторы, лишённые чувства ответственности и полные страстного желания обеспечить триумф Третьего сословия, не сдерживали своих слов, пытаясь вызвать народное негодование против высших порядков. Депутаты, отмеченные как противники союза, подвергались толпам и давке в Версале, а их имена выставлялись на всеобщее обозрение в Париже. Позиция столицы придала сил депутатам Третьего сословия, которые окончательно разрубили узел, приняв название Национального собрания, пригласив к себе дворян и духовенство и заявив о намерении приступить к делам без тех, кто откажется это сделать (17 июня).

Королевское заседание 23 июня.

Принятие этого титула противники унии считали актом узурпации. Придворные дворяне и церковники обратились к королю с просьбой поддержать авторитет своей короны, вмешавшись в защиту их прав. Депутаты Третьего сословия, по мнению, ухватились за суверенную власть, на которую они не имели права. Пока еще не было прямого столкновения между короной и депутатами Третьего сословия. Длительная неэффективность короля, действительно, уничтожила веру в королевскую власть как инструмент управления. Люди верили в себя и верили в нацию. Они требовали свободы для отдельных людей и требовали, чтобы нация управляла собой. И все же, какими бы демократическими ни были господствующие теории, большая часть французского народа была глубоко привязана к монархии как форме правления и до конца предана личности короля. Если желание установить демократическую конституцию было очень сильным, то, во-первых, не было другого средства уничтожить высшие порядки, а во-вторых, предотвратить их возрождение. Если бы Людовик встал на сторону народа, он мог бы, как предвидел Мирабо, оказать огромное влияние на ход дел. Если бы он отказался, номинальный суверенитет остался бы за ним, но люди позаботились бы о том, чтобы в его руках не было реальной власти. Людовик был честно готов уступить стране конституционные права, которые должны были установить пределы королевской власти и защитить лица и имущество его подданных от произвола. Но он не хотел, насколько это было в его силах, допустить отмены сословных различий или перехода реальной власти от него и его совета к представителям нации. Таким образом, хотя депутаты Третьего сословия пытались скрыть этот факт от самих себя, им пришлось вести борьбу как с короной, так и с дворянством. Людовик, опасаясь за свою власть, теперь думал сохранить ее, открыто выступив на стороне дворян и духовенства. Мария-Антуанетта, менее терпеливая, чем ее супруг, с крайним негодованием и возмущением наблюдала за поведением Третьего сословия. Возбужденным придворным казалось, что королю так же легко навязать свою волю представителям нации, как в прошлом его предшественники навязывали свою Парижскому парламенту. Было решено, что король должен провести королевское заседание или спиритический сеанс и объявить о своих намерениях собравшимся сословиям. Тем временем депутатов Третьего сословия не пустили в их зал под предлогом того, что необходимо подготовиться к приему короля. Полностью ожидая отпуска, они отправились на соседний теннисный корт, где в один голос, воздев руки к небу, поклялись никогда не расходиться до установления конституционного правительства. На улице собралась плотная толпа. Все подходы к суду были перекрыты, и одного депутата, отказавшегося принести присягу, с трудом удалось спасти от возмущения (20 июня). Дело высших орденов теперь было ослаблено дезертирством из их рядов. Большое количество куре, а также несколько дворян присоединились к депутатам Третьего сословия. Это само по себе, если бы Людовик был хорошо проинформирован, могло бы предостеречь его от курса,

который он намеревался выбрать. 23 июня он прибыл в ратушу, где по его приказу собрался весь состав депутатов. Там, устами своих министров, он объявил им, что они должны собраться тремя отдельными орденами. Получив предварительно его согласие, они могут образовать одно собрание для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес; из него, однако, были исключены все животрепещущие вопросы дня, церковные, социальные и конституционные. Неккер, не одобрявший произвольную форму, в которой выражалась королевская воля, спас свою популярность, отказавшись присутствовать на этом мероприятии. Перед тем как удалиться, Людовик приказал всем разойтись и собраться на следующий день в своих отдельных палатах. В случае неповиновения он сам возьмет на себя обязательство обеспечить счастье своих подданных. "Только так", - сказал он, - "я обеспечу счастье своего народа". После его ухода большинство дворян и высшее духовенство покинули зал; но депутаты Третьего сословия, а также многие курии остались на своих местах. Церемониймейстер де Брезе спросил председателя Бейли, слышал ли он приказ короля. Да, сударь, мы слышали приказ, вложенный в уста короля, - ответил Мирабо, повторяя слова, которым рукоплескала вся Франция, - и позвольте вам сообщить, что если ваше дело - выгнать нас, то вам лучше попросить приказа применить силу, ибо мы покинем свои места только под ударом штыка". Перед тем как разойтись, непокорные объявили, что их лица неприкосновенны за все, что они сказали или сделали как депутаты.

Объединение трех орденов.

После такого неповиновения королевской власти королева и двор с радостью добились бы роспуска штатов. Однако на пути к этому стояли трудности. Финансовые затруднения правительства все еще не были устранены. Кроме того, королю было явно невозможно заставить подчиниться своим приказам, если только он не был готов прибегнуть к военной силе, а последствия этого были весьма сомнительны. В армии, как и в других учреждениях старой системы, преобладали классовые различия. Офицеры, все знатные, жили в роскоши, в основном на привилегии, сделанные за счет людей. Люди, обманутые в жаловании, плохо питавшиеся и подвергавшиеся суровой дисциплине, горько возмущались своими обидами, презирали и ненавидели своих офицеров. Если бы была предпринята попытка применить запугивание, существовала большая вероятность того, что будет оказано сопротивление, что Париж восстанет, а войска откажутся стрелять в повстанцев. Людовик так и не решился на решительные действия, и на время депутаты Третьего сословия остались в наслаждении победой. Король сам попросил дворян и церковников, которые все еще держались в стороне, отказаться от дальнейшей борьбы, и таким образом после семинедельной задержки три сословия были окончательно сформированы как единое собрание.

Волнение в Париже.

Пагубные последствия этой задержки были уже слишком очевидны. Со времени собрания сословий волнение в Париже распространялось изо дня в день. Правительство, не имея возможности использовать произвольные и насильственные средства для наведения порядка, уже не могло эффективно исполнять свои обязанности, поскольку ему не доверяли. Политическая свобода грозила быстро перерасти в анархию. У народа, веками не привыкшего к самоуправлению, не существовало никаких моральных ограничений. Не было ни политической организации, ни стандартов политической морали. Не было ни признанных лидеров, обремененных чувством ответственности, ни журналов с характером, который можно было бы поддерживать. Апелляции делались к самым низким страстям, слухи и клевета распространялись без сомнения в их правдивости или справедливости. Чем яростнее и горьче был язык, тем увереннее оратор или журналист добивался слушания и влияния.

В саду, окруженном книжными и кофейными лавками, примыкавшем к Пале-Роялю, дворцу герцога Орлеанского, который, хотя и состоял в дальнем родстве с королем, перешел на сторону народа, агитаторы, расположившись на стульях и столах, рассуждали перед возбужденной толпой о суверенитете народа и обличали противников единой палаты в народном гневе. Сюда не могли войти ни полицейские, ни сторонники притязаний знати и духовенства, кроме как под угрозой жестокого и грубого обращения. Эта лицензия была тем опаснее, что тяжелые времена делали людей более готовыми к совершению преступных действий. Тем не менее, торговцы, купцы и другие представители среднего класса, которые в обычных обстоятельствах первыми ощущают на себе последствия насилия толпы, считали замыслы двора гораздо более опасными, чем ораторское искусство Пале-Рояля. Ведь если двор требовал сохранения сословных различий, то демагоги Пале-Рояля требовали их отмены, гарантированной установлением свободной и демократической конституции.

Крупнее

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПАРИЖ

Лонгманс, Грин и Ко. Лондон, Нью-Йорк, Бомбей, Калькутта и Мадрас.

Падение Бастилии, 14 июля.

Правительство, под предлогом поддержания порядка, расквартировало вокруг и в Париже и Версале полки швейцарских и немецких войск, находящихся на службе Франции. Королева и двор хотели если не немедленно распустить Собрание, то заставить его переехать в какой-нибудь провинциальный город, где депутатов легче было бы заставить принять условия, предложенные королем 23 июня. Неккер, поддержанный меньшинством своих коллег-советников, выступал против любых планов запугивания Собрания; но он не имел влияния на короля и был ненавистен королеве и братьям короля, графам Прованса и Артуа, о проектах которых он оставался в неведении. Людовик рассчитывал на войска, чтобы овладеть столицей, но не хотел прибегать к военной силе, если только не в целях самообороны. Тем временем соседство с ними усилило волнение в Париже, и средние слои оказались меж двух

огней. С одной стороны, они опасались вооруженного захвата города и объявления военного положения, с другой - восстания народных масс, которое могло закончиться крушением всей власти. Выборы депутатов Третьего сословия проходили по двум степеням. Париж был разделен на шестьдесят округов, в которых заседали 120 выборщиков, избравших двадцать депутатов в Генеральные штаты. Эти выборщики, желая побудить правительство вывести войска, предложили создать гражданскую гвардию для поддержания порядка. Однако было нелегко получить согласие правительства на такую меру, которая предоставила бы в распоряжение столицы вооруженные силы. Национальное собрание, охваченное страхом, что против него самого будет применено насилие, неоднократно просило короля отдать приказ о выводе войск. Людовик отказался и в то же время отстранил Неккера от должности, приказав ему немедленно покинуть королевство (11 июля). Именно на присутствие Неккера в совете народная партия полагалась как на гарантию того, что сила не будет применена против Собрания или столицы. Соответственно, новость о его отставке, переданная на следующее утро по адресу, привела Париж в движение. Все поверили, что войска немедленно пойдут вперед, и революция будет подавлена в крови. В Пале-Рояле молодой человек, Камиль Десмулен, вскочив на стол, воскликнул: "Граждане, они сместили Неккера с поста. Они готовят святого Варфоломея для патриотов. К оружию! К оружию! В качестве знака призыва возьмите зеленые кокарды, цвет надежды". Для кокард были сорваны листья с окрестных деревьев. На самом деле у Людовика был только один путь, которого он мог последовательно придерживаться после отстранения Неккера от должности. Он должен был применить силу для подавления оппозиции, идя на любой риск. Но на решительные действия не было никаких шансов. Король отстранил Неккера от должности, не решив, что он будет делать после этого. Не было ни разработанного плана, ни взаимопонимания между различными властями. Полк немецкой кавалерии ворвался сначала в процессию, шествовавшую по улицам с бюстом Неккера, а затем в сад Тюильри, разгоняя толпу, которую собрали волнение и любопытство. После того как кровь была пролита, а тревога и ярость населения возросли, больше не предпринималось никаких попыток подавить восстание. Офицеры армии боялись действовать без разрешения и не могли доверять своим людям, многие из которых дезертировали из своих полков. Французские гвардейцы, численностью 3600 человек, в полном составе перешли на сторону народа. Брусчатка была вырвана для возведения баррикад. Поднялся крик о необходимости оружия; пики изготавливались тысячами; оружейные мастерские были разграблены, военные склады вскрыты, а мушкеты и порох с триумфом унесены.

В течение следующей ночи и дня (13 июля) были подожжены шлагбаумы, где взимался акциз, открыты тюрьмы, разграблены булочные и винные лавки. Власти не было, и никто не подчинялся. Выборщики, заседавшие в гостинице де Виль, узурпировали все полномочия, которые могли, и осуществляли их в окружении разъяренной толпы, рискуя жизнью. По их призыву буржуазия начала оперативно создавать организованное ополчение в каждом из шестидесяти округов. Ранним утром следующего дня, 14 июля, ярость народа была направлена против Бастилии, великой государственной крепости и тюрьмы на Фобур-Сент-Антуан, "башни" Парижа, где на протяжении столетий заключенные, часто не обвиненные в преступлениях, коротали свои жизни. Ее комендант, маркиз де Лонэ, уже давно поднял разводные мосты и приготовился к обороне, наблюдая за нарастанием мятежа. Его гарнизон был невелик и состоял всего из тридцати двух швейцарцев и восьмидесяти двух старых французских солдат или инвалидов. Но массивные стены крепости и ее двойной ров надежно защищали ее от нападения недисциплинированной толпы. Призванный к сдаче депутацией из отеля де Виль, де Лонэ ответил, что предпочел бы поджечь пороховой магазин и взорвать крепость до небес. Население тысячами стекалось к этому месту, и вскоре крепость была окружена толпой. Одному старому солдату удалось перерезать цепь,

удерживающую разводной мост внешнего рва. Раздался крик триумфа. Нападавшие бросились через упавший мост, но столкнулись со вторым рвом и несокрушимыми стенами крепости. Французские гвардейцы, захватив с собой пушки, присоединились к осаждающим, но все попытки форсировать ров оказались безуспешными. В течение пяти часов не прекращался мушкетный огонь. Сотня нападавших лежала мертвой, и только один из гарнизона, когда Бастилия неожиданно и внезапно сдалась. Инвалиды отказались от дальнейшего сопротивления и вынудили де Лонэ сдаться. Юлин, офицер, возглавлявший французскую гвардию, принял предложенные условия - помилование и неприкосновенность для всех. Но он не мог обеспечить их соблюдение. Масса людей позади ничего не знала о том, что делали те, кто был впереди. Разъяренная и неуправляемая, толпа ворвалась в крепость, оттесняя тех, кто шел впереди, и нанося беспорядочные удары. Шесть человек из гарнизона были убиты. Де Лонэ был отправлен с эскортом французских гвардейцев в Отель-де-Виль. По дороге эскорт был отброшен в сторону, а старик зверски убит. Его голову, насаженную на пику, с триумфом пронесли по улицам. Поздно вечером в Версаль пришла весть о том, что Бастилия пала. "Но, - сказал Людовик, - это же восстание". Сир, - ответил его осведомитель, герцог Лианкур, - это не восстание, это революция".

Учреждение муниципалитета и национальной гвардии в Париже.

Великая революция действительно свершилась. Падение Бастилии означало крах старой монархии, в которой король один представлял нацию. Людовик заявил Собранию, что, если ему не подчинятся, он обеспечит счастье своих подданных без его помощи, и Париж ответил на это восстанием в поддержку Собрания против него самого. Распад армии безошибочно показал его слабость и бессилие противостоять национальной воле. Его брат, граф Артуа, и другие непопулярные придворные, известные своей особой враждебностью к народному делу, бежали из страны в отвращении и тревоге. Самому Людовику ничего не оставалось, как уступить все, что от него требовали. Он приказал вывести войска и отозвал Неккера на пост. Ассамблея отправила восемьдесят восемь своих членов сообщить эту радостную новость в Париж. Их приняли с энтузиазмом и в сопровождении тысяч национальных гвардейцев отправили в Отель-де-Виль, где выборщики выполняли функции временного муниципалитета. Два депутата были выделены для особых почестей. Молодой и популярный дворянин Лафайет, который сражался в Америке против англичан, а после заседания Ассамблеи поддерживал дело Третьего сословия, был избран путем аккламации главнокомандующим нового ополчения или национальной гвардии. Бейли, математик, который был президентом Третьего сословия во время принятия присяги на теннисном корте, таким же образом был избран мэром Парижа. К синему и красному цветам Парижа, которые сначала носила национальная гвардия, по предложению Лафайета был добавлен белый, цвет Франции. Этот новый флаг, по его величественному заявлению, должен был обогнуть весь мир. Так был учрежден знаменитый триколор, ставший для Франции эмблемой революции.

Людовику оставалось только признать эти новые революционные власти, которые сделали столицу его королевства независимой от него и его правительства. Оставив королеву рыдать в Версале в тревоге за свою безопасность, он отправился в Париж, сопровождаемый лишь некоторыми членами Собрания и несколькими национальными гвардейцами. У шлагбаума Пасси мэр Байи вручил ему ключи от города, те самые, которые по непохожему случаю были вручены Анри IV, когда Париж сдался ему. "Он, - сказал Байи Людовику, - покорила свой народ. Теперь народ покорила своего короля". Прибыв в Отель де Виль, Людовик закрепил на шляпе трехцветную кокарду и вышел на балкон перед зданием. Тысячи людей, собравшихся снаружи, громко аплодировали ему, и крики "Vive le Roi" смешались с криками "Vive la

Nation". Энтузиазм, проявленный в его пользу, не был нереальным. Среди присутствующих не было более сильного желания, чем желание совершить революцию в соответствии с короной.

Восстания в провинциях.

Пока в Париже бушевали политические распри, в провинциях народ, жаждущий облегчения, брался за работу по исправлению своих несчастий. Со времени заседания Штатов по всей стране десятками вспыхивали беспорядки. Налоги взимать отказывались, барьеры для сбора таможенных и акцизных пошлин сжигали, сборщиков изгоняли, рынки грабили, муниципальных чиновников заставляли под угрозой жизни устанавливать цены на кукурузу и хлеб. Известие о великом восстании 14 июля придало смелости агитаторам и подлило масла в огонь. В Париже уличные толпы, подстегиваемые голодом, не без труда удерживались от того, чтобы не повесить на ближайшем фонарном столбе подозрительные предметы. Фулон, офицер правительства, обвиненный, правда или ложь, в том, что он сказал, что люди, если голодны, могут есть траву, был жестоко убит. Его зятя, Бертье, постигла та же участь. Многие другие люди спаслись, но лишь немногим. Тем не менее, благодаря усилиям нового муниципалитета и национальной гвардии, жизнь и имущество в столице были в большей безопасности, чем во многих провинциях. Восстания, сопровождавшиеся грабежами и убийствами, произошли в Страсбурге, Руане, Безансоне, Лионе и других провинциальных городах. На востоке, в Эльзасе, Франш-Конте, Лотарингии, Бургундии и Дофине, сельское население стремилось решить вопрос о феодальных услугах, сжигая вместе с резиденциями и титулами сеньоров. В Маконнэ и Божоле банды крестьян за две недели разграбили и сожгли семьдесят два сельских дома. По стране распространилась паника при сообщении о том, что разбойники, подстрекаемые врагами революции, движутся в поход, чтобы уничтожить урожай. Поднялся всеобщий крик о необходимости вооружения; примеру Парижа последовали; средние классы объединились для восстановления порядка; были созданы временные муниципалитеты и национальные гвардии. Однако достигнутый порядок все еще оставался весьма шатким. Муниципальные служащие постоянно подвергались опасности стать жертвами насилия толпы, а в сельских районах национальные гвардейцы часто вступали в схватку с бунтовщиками.

Таким образом, результатом восстания 14 июля и восстаний в провинциях стала полная дезорганизация всего старого механизма управления. Королевские офицеры, где они оставались, не могли осуществлять власть. Армия была охвачена мятежом, народ вооружен. Новые народные власти как бы сами собой возникли по всей стране, и Национальное собрание, вместо королевского совета, стало центром управления, насколько оно вообще существовало.

Декреты от 4 августа.

Собрание было гораздо более обеспокоено восстаниями в провинциях, чем восстанием 14 июля. Падение Бастилии обеспечило политическую власть средним классам. Поджоги деревенских домов и отказ платить налоги и феодальные повинности ударили по всем и подточили основу, на которой покоился весь каркас общества. Пока на юго-западе и в центре, где феодальные повинности были менее обременительными, бунты были единичными, а кровопролитие редким, но была вероятность того, что движение, если его не остановить, распространится на всю страну. Несправедливость существующего порядка, при котором провинции, города и отдельные лица получали привилегии без учета общественной пользы, ущерб, наносимый сельскому хозяйству феодальными повинностями, и деспотичный характер многих прав, осуществляемых сеньорами, были

продемонстрированы снова и снова и признавались со всех сторон. На вечернем заседании 4 августа Собрание зарубило на корню старый порядок, приняв декреты, основанные на принципах единства государственных институтов, равенства перед законом и свободы личности. Не было ни одной провинции, города, сословия или корпорации, чьи особые интересы не затронули бы эти декреты. Отчасти они были делом замысла, отчасти - энтузиазма момента. Ни один голос не прозвучал против. Дворяне, епископы, куры, представители городов и провинций наперебой предлагали отменить привилегии и права, стоявшие на пути к общему благу. Декреты объявляли феодальный порядок уничтоженным, лишали сеньоров исключительного права охоты, содержания кроликов и голубей, отменяли крепостное право и подневольные повинности; отменяли также все особые привилегии провинций, городов и корпораций и предоставляли их всем гражданам, независимо от рождения, гражданского, военного и церковного положения; и, наконец, отменяли десятину, выплачиваемую церкви, и давали обещание провести церковную реформу в будущем.

Эти указы не были практическими законами, а лишь изложением общих принципов, в соответствии с которыми впоследствии должны были быть проведены реформы. Так, масса феодальных повинностей должна была выплачиваться до тех пор, пока не будет выплачена компенсация владельцам; старые налоги должны были выплачиваться до тех пор, пока не будет введена новая система налогообложения, основанная на принципах равенства. Столь поспешное законодательство не смогло унять недовольство, только усилило нежелание народа терпеть бремя, о несправедливости которого публично заявляло само Национальное собрание.

Состав Собрания.

Собрание, на котором лежала задача основать новый порядок на руинах старого, не имело ни политического опыта, ни признанных принципов деятельности. В ее состав входило около 290 представителей дворянства, из которых 140 были провинциальными дворянами, 20 судьями высших судов, а 125 принадлежали к придворной аристократии. Духовенство выдвинуло 200 кур и только 100 епископов, аббатов и других сановников. Несколько более 600 депутатов представляли Третье сословие, из которых 4 были церковниками и 15 дворянами. Подавляющее большинство составляли люди, независимые от правительства. Наиболее широко была представлена профессия юриста. Здесь было 360 судей, барристеров и различных служителей закона. Палата была устроена как театр, с полукругом сидений, обращенных к креслу президента, под которым находилась трибуна, откуда произносились все речи.

Реакционные правые.

Четыре основных направления мнений разделили Собрание на четыре части. Большинство дворян и высшего духовенства сидели по правую руку от президента, образуя правую часть Собрания. Их позиция была реакционной, в пользу привилегированных орденов. Слияние трех орденов было осуществлено против их воли и вопреки королевской власти, поэтому они считали, что деятельность Собрания не имеет под собой никаких оснований, и рассчитывали при первом же случае отменить ее. Здесь офицер Казалес красноречиво и преданно защищал монархические принципы правления; аббат Мори с яростью и умением отстаивал интересы высшего духовенства; а д'Эспремений, судья Парижского парламента, - институты старого порядка.

Правый центр.

Вторая секция состояла из депутатов всех трех орденов. Они были защитниками свободы личности и парламентского контроля, но выступали против создания демократических институтов. Они не верили в долговечность монархии без аристократии и аристократических институтов и стремились к тому, чтобы на смену убогому дворянству пришла аристократия богатства. Для осуществления политических прав они требовали высокого имущественного ценза и, копируя конституцию английского парламента, создали бы законодательный орган, состоящий из двух палат, в обеих из которых должны были преобладать земельные интересы. Они отвергали мятеж как средство борьбы и прекрасно понимали опасность, в которой с 14 июля находились все власти, - попасть под власть толпы. Восстановление порядка было, с их точки зрения, делом первостепенной важности, и они, соответственно, желали, чтобы Собрание, вместо обсуждения конституционных вопросов, сразу же обратило свое внимание на реформу налогов и другие законы, направленные на исправление положения, и чтобы в то же время министры были уполномочены применять принудительные меры для наказания бунтовщиков и поддержания общественного спокойствия. Сторонники этих взглядов, сидевшие рядом с реакционными правыми, составляли лишь незначительное меньшинство. Их наиболее способными ораторами были два депутата от Третьего сословия - Мунье и Малуэ, а также два дворянина - Клермон-Тоннерр и Лалли-Толлендаль.

Центр и левые.

Третья и самая многочисленная секция, составлявшая центр и левую часть Ассамблеи, состояла из курьезов и депутатов Третьего сословия, а также дворян и высшего духовенства. Несмотря на значительные разногласия, царившие в этом корпусе из семи-восьми сотен человек, два чувства были общими для всех - страсть к равенству и стремление к самоуправлению. Поэтому никакие схемы, рассчитанные на то, чтобы передать власть в руки крупных землевладельцев, не находили у них поддержки. Однако они не были ни чистыми демократами, ни республиканцами по убеждениям. Их реальной целью было правительство средних классов. К монархии как форме правления они были не только привязаны, но и считали ее сохранение необходимым для придания стабильности конституции, которую они собирались создать. Среди наиболее видных представителей этой стороны дома были Туре, Мерлин из Дуэ и другие выдающиеся юристы, маркиз Мирабо, Лафайет, аббат Сийес, два брата Ламеты - оба дворяне и офицеры, а также молодой и красноречивый барристер Барнав.

Крайние левые.

Четвертая секция, заседавшая на крайне левом фланге, который следует отличать от левого, состояла из нескольких депутатов, всего около двадцати или тридцати человек, которые были чистыми демократами и в чью программу входило избирательное право для мужчин и право всех граждан занимать должности без имущественных или иных требований. Идеальной формой правления для них была республика, которая, по их мнению, была совместима только со свободными и демократическими институтами. В то же время они и не помышляли о создании такого правительства во Франции. Возможность избавиться от трона еще не приходила им в голову. В Собрании их мнение считалось преувеличенным, а их влияние - незначительным. Среди них были Петион и Робеспьер, чьи имена впоследствии приобрели широкую известность.

Ни одна из этих четырех групп, за исключением последней, не образовывала, собственно говоря, партии, члены которой обычно голосовали единым фронтом. Не было ни согласованных действий, ни партийной дисциплины, ни признанных лидеров. Галереи часто заполнялись возбужденной и шумной публикой, которая прерывала дебаты и угрожала

непопулярным ораторам. Каждый депутат голосовал независимо, и на него могло повлиять то, что в данный момент преобладало - красноречие, энтузиазм, страх или предрассудки. Провинциальное дворянство угрюмо следовало за придворной знатью и при каждом удобном случае выказывало свою враждебность. Депутаты, принадлежавшие к центру и левым, постоянно голосовали на противоположных сторонах. В зависимости от того, о чем шла речь, один и тот же человек придерживался более или менее демократических взглядов. Так, Лафайет, хотя, как правило, находился в оппозиции к Малуэ, желал, как и тот, учреждения законодательного органа, состоящего из двух палат, будучи твердо убежден в преимуществах этой системы благодаря своей привязанности к американским институтам. Наиболее передовая группа центра и левых, возглавляемая Барнавом и Ламеттами, сидела левее всех, рядом с Бузо и Робеспьером, с которыми они нередко голосовали.

Причины, давшие перевес левым.

В сформированной таким образом палате различные причины часто давали преимущество группе, которая следовала за Барнавом и Ламеттами. События 23 июня (стр. 39) подорвали доверие к королю, и, хотя на словах это не выражалось, всегда преобладал страх, что Людовик впредь будет использовать все предоставленные ему полномочия для восстановления старого порядка. Реакционные правые также отказывались сотрудничать со сторонниками системы двух палат, такими как Малуэ и Мунье, тем самым отталкивая от себя менее демократичных членов центра и подталкивая их к левым. Дворяне и церковники, выступавшие против объединения трех орденов, вместо того чтобы стремиться к созданию конституции, основанной на монархических принципах, сделали своей политикой ослабление работы Собрания и усиление элементов беспорядка как самого верного и быстрого средства для порождения реакции. Иногда они воздерживались от голосования или участия в дебатах, иногда прерывали дебаты, в других случаях голосовали вместе с левыми против конституционных правых. Министерство было слишком слабым и разобщенным, чтобы оказывать влияние на Собрание. У него отсутствовало первое необходимое условие для завоевания доверия - заявленная и открытая политика. Неккер, чьи принципы и цели по большей части совпадали с принципами и целями Малуэ и Мунье, всегда получал горячую поддержку от них и их друзей. Но гордый и раздражительный, привыкший командовать, а не руководить, он не воспользовался возможностями, которые ему представились для формирования министерской партии. Придумывая способы избежать банкротства, он не смог даже представить Собранию сколько-нибудь полный отчет о состоянии финансов. Реакционные правые, которые так и не простили ему рекомендации о двойном представительстве Третьего сословия, и крайние левые, которые ему не доверяли, при каждом удобном случае нападали на него. Его популярность стремительно падала, а положение в министерстве становилось все слабее по мере того, как обострялись его отношения с Собранием. Мирабо, самый влиятельный человек в палате, был его врагом. Масса депутатов, не доверяя правительству и подвергаясь угрозе со стороны правых, обращалась за поддержкой к народу и, желая сохранить популярность, тем охотнее принимала меры, к которым их призывала ультрадемократическая пресса. Их умы не тревожил ни яростный язык парижских демагогов, ни бунты и кровопролитие во многих провинциях. Единственной целью, которую они неуклонно держали в поле зрения, было создание конституционного правительства на таких основах, которые сделали бы реакцию безнадежно невозможной; по сравнению с этим восстановление порядка было для них делом второстепенной важности. Они не боялись народа. Следуя односторонней философии своего времени и не принимая во внимание дремучее невежество низших классов, гордость и предрассудки высших, они верили, что создание свободной конституции, сопровождаемое принятием законов, способных исправить положение,

положит конец революции в течение нескольких месяцев и сделает страну законопослушной, процветающей и довольной.

Политика Мирабо.

Насколько тщетны были эти мечты тех, с кем он заседал и голосовал, Мирабо прекрасно понимал. Он видел народ невежественным и легковверным, не доверяющим среднему классу и готовым следовать указаниям того, кто обещал ему больше; средний класс не привык принимать участие в управлении и разделился на фракции, которых объединяла лишь общая ненависть к аристократическим институтам. В таких условиях Мирабо не доверял политическим способностям своих соотечественников и не верил в прочность любой конституции, которая возлагала на нацию всю работу по управлению и правительству. Но, с другой стороны, он не стремился, подобно Малуэ, основать сильную монархию на аристократических институтах. Настоящей аристократии не существовало, а страсть к равенству была непреодолимой по той самой причине, что она оправдывалась неспособностью тех классов, которые до сих пор претендовали на то, чтобы возвыситься над своими соотечественниками. Правительство, которое Мирабо считал единственно подходящим для требований времени, было конституционной монархией, основанной на принципах равенства и свободы личности, опирающейся на доверие среднего класса и оказывающей влияние на формирование общественного мнения. Местная администрация должна была находиться под контролем центрального правительства; министры должны были иметь места в законодательном органе; король, в случае разногласий между ним и законодательным органом, должен был иметь право отказывать в согласии на законопроекты и апеллировать к избирательным округам путем роспуска. Мирабо предсказывал, что если недоверие, которое Ассамблея испытывала к Людовику, не рассеется, то трон будет свергнут парижским населением. Чувство опасности обострило его желание получить место в совете. Он обладал многими качествами, которые подходили ему для выполнения задачи, к которой он стремился, - одновременно властвовать над Людовиком и добиться большинства в Собрании, чтобы оно следовало его указаниям. Он хорошо разбирался в характере, владел своим нравом, умел внушить людям свою веру и увлечь тех, кто был настроен против него. Как оратор он был непревзойденным. Эффект, который он производил на слушателей, был настолько силен, что ему аплодировали сами противники. Но на его пути было много недостатков. Он пришел в Ассамблею с дурной репутацией, которая говорила против него. Его жизнь и сейчас была буйной и распутной, он был известен своими долгами и недобросовестными действиями. Его коллеги-депутаты, боявшиеся, что корона приобретет влияние на Ассамблею путем коррупции, даже находясь под чарами его гения, с недоверием относились к его политической честности. Лафайет отказался иметь дело с человеком, которого он считал распутником. Барнав и Ламетты были соперниками Мирабо в борьбе за популярность и завидовали тому влиянию, которое порой позволяло ему оказывать его превосходное красноречие. Со стороны правительства, у которого не было шансов преодолеть кризис под любым другим руководством, он не получал никакой поддержки. Неккер боялся и ненавидел его как опасного и беспринципного демагога и отвергал его замашки; королева же испытывала сильное отвращение ко всем дворянам, выступавшим на стороне народа. "Я верю, - сказала она однажды, - что мы никогда не будем доведены до болезненной крайности, чтобы искать помощи у Мирабо".

Находясь в таком положении, Мирабо делал все возможное, чтобы ослабить и унижить правительство, рассчитывая, что в течение нескольких месяцев король будет вынужден признать его притязания на должность. Он никогда не упускал возможности подорвать популярность Неккера и, горячо защищая то, что считал важнейшими прерогативами

монархии, поддерживал влияние на Собрание и население яростными нападками на дворян, духовенство и двор.

Декларация прав человека.

Первым законодательным актом Собрания после декретов 4 августа (с. 50) стала Декларация прав человека, в которой в общих чертах были изложены цели, которые преследовала большая часть Собрания. Этот манифест принципов революции провозглашал, что люди имеют естественные и неотъемлемые права на свободу, собственность и безопасность, а также право сопротивляться тирании; что люди рождаются равными в правах; что все граждане равны перед законом и могут занимать все должности без каких-либо различий, кроме добродетели и таланта; что нация является суверенной, а законы - это выражение общей воли. В соответствии с этими принципами Декларация объявила об отмене всех орденов и корпораций, провозгласила свободу печати и свободу вероисповедания.

Право вето было предоставлено королю.

После принятия Декларации прав человека последовали дебаты о форме нового законодательного органа. Предложение о создании двух палат было отклонено 499 голосами против 89. Новый законодательный орган должен был собираться каждые два года. Вопрос о том, должен ли король иметь право отказывать в своем согласии на декреты или накладывать на них так называемое вето, вызвал большое волнение как в Версале, так и в Париже. Ультрадемократические агитаторы и журналисты заявляли, что допустить короля к участию в законодательной власти - значит нанести ущерб суверенитету нации. Отношения, существовавшие между Людовиком и Собранием, были совершенно ложными. Депутаты центра и левые стремились избежать столкновения с ним, но знали, что он лишь по принуждению следует за ними. Исходя из того, что нация вправе сама выбирать форму правления, они считали само собой разумеющимся, что Людовик должен без вопросов и критики санкционировать все конституционные постановления. Но они не смели доверить королю, которого они отстранили от участия в создании новой конституции, полномочия, которые он мог бы впоследствии использовать для ее подрыва. По вопросу о вето был принят компромисс, и король получил право не принимать один и тот же декрет в течение двух заседаний легислатуры подряд (20 сентября).

Нехватка хлеба.

Пока собрание обсуждало права человека, все причины, порождавшие преступления и беспорядки, продолжали действовать. После сбора урожая цена на хлеб оставалась высокой. Отчасти это было вызвано недостатком урожая, но в большей степени - вмешательством в торговлю кукурузой. Ассамблея, действуя в соответствии с теорией свободной торговли экономистов, отменила все постановления, препятствующие свободному обороту кукурузы и муки. Но народ, невежественный, недоверчивый и ожесточенный, использовал оказавшуюся в его руках власть, чтобы более методично проводить в жизнь старую систему, угрожая муниципальным служащим личной расправой, если они не примут мер для обеспечения снабжения рынков. Расхищение кукурузы во время транзита и закупки, производимые государственными органами, останавливали обычную торговлю и создавали видимость нехватки даже там, где кукурузы было в изобилии. В каждом крупном городе хлеб продавался по заниженной цене, муниципалитеты возмещали убытки пекарям. Чтобы снабдить Париж, в город под военным конвоем ввозились партии муки, производились крупные закупки иностранной кукурузы, правительство выделяло

средства, и таким образом хлеб продавался по цене около трех полпенсов за фунт. Но хлеб, если он и был дешевым, был дефицитным. Покупатели часами стояли в длинных рядах или *очередях* у дверей пекарен, и те, кто приходил последним, часто уходили с пустыми руками. На муниципалитет и национальную гвардию была возложена задача поддержания порядка. Национальная гвардия сформировала организованную полицию. Большинство служили добровольцами, но 6 000 человек, в состав которых входили французские гвардейцы, получали зарплату и размещались в казармах. Офицеры избирались солдатами. Лафайет, главнокомандующий, был храбрым и рыцарским солдатом, чей энтузиазм во имя свободы и равенства не был связан с мотивами личного обогащения. Он был очень популярен среди своих солдат, но его влияние на них ограничивалось узкими рамками. Гвардия, состоявшая в основном из представителей среднего и низшего среднего классов, сохраняла характер гражданских войск, имевших сильные политические пристрастия и способных в любой момент взять собственный курс.

6 октября.

В течение сентября идея отправиться в Версаль и привезти королевскую семью в Париж бродила в умах беднейших жителей города. Ходили слухи, что король намерен бежать. Голодные люди верили, что их страдания вызваны исключительно происками реакционных дворян и церковников и что хлеб будет в изобилии, если король однажды прочно обоснуется среди них. Все, что предлагалось в Париже, было известно в Версале. После июльской революции Людовику предлагали отступить в Мец и другие города. Принять этот курс, не прибегая к оружию, было невозможно. Королева была согласна, но Людовик предпочел пустить события на самотек, чтобы не дать повода своим подданным бросить ему упрек в том, что он разжег гражданскую войну и вызвал пролитие крови. Тем временем проводимая политика была схожа с той, что предшествовала падению Бастилии. Парижу бросили вызов, введя из Арраса в Версаль дополнительные силы в тысячу иностранных войск, полк Фландрии, но больше никаких мер для отражения агрессии принято не было. Офицеры королевской телохранителей устроили банкет в честь новоприбывших в дворцовом театре перед многочисленной публикой. Поводом послужила ярко выраженная демонстрация роялистских настроений. Были произнесены оскорбительные слова в адрес Ассамблеи, национальные тосты остались не выпитыми, триколор заменили белыми кокардами. Короля уговорили прийти в театр, а королева с Дофином на руках обошла стол, произнося любезные речи (1 октября). Преувеличенные сообщения о произошедшем распространились по Парижу. Национальные гвардейцы жаждали отомстить за оскорбление, нанесенное триколору, который, как утверждалось, был растоптан ногами. Рано утром 5 октября многие тысячи голодных женщин начали шествие из Парижа в Версаль, останавливаясь и заставляя всех представителей своего пола, которых они встречали по пути, следовать за ними. Вскоре за ними последовали отряды мужчин, и национальные гвардейцы, вместо того чтобы противостоять движению, заставили Лафайета идти во главе толпы. Весь день шел проливной дождь, и по прибытии в Версаль женщины были измождены, постились и промокли. Они окружили дворец и ворвались в зал Собрания, выкрикивая в ответ на речи депутатов: "Хлеба, хлеба, и не так много слов! В течение всего дня прибывали новые отряды, состоявшие как из мужчин, так и из женщин. Королевская гвардия, между которой и толпой раздавались выстрелы, была отведена за дворцовые ворота. Незадолго до полуночи Лафайет, наконец, прибыл во главе организованного отряда из 20 000 человек. Он установил часы у ворот дворца, а затем вошел в него, чтобы немного отдохнуть. Но на рассвете некоторые из толпы ворвались во двор дворца, убили двух солдат телохранителей, которые

открыли по ним огонь, ранили других и ворвались в предбанник опочивальни королевы. Мария-Антуанетта, разбуженная своими женщинами, бежала, спасая свою жизнь, в апартаменты короля. Была объявлена тревога, и национальные гвардейцы прибыли на место вовремя, чтобы предотвратить кровопролитие и отогнать злоумышленников. Людовик, не успевший принять решение о бегстве, пока была возможность, уступил воле народа. Перед дворцом собралась густая толпа, кричавшая: "Короля в Париж!". Людовик вышел на балкон в знак согласия. Народный инстинкт справедливо уловил, что королева гораздо более враждебна революции, чем король. Когда она вышла вслед за мужем с девочкой и мальчиком рядом, снизу раздались голоса: "Никаких детей". Оттолкнув детей, она смело и без колебаний пошла одна, а Лафайет, опасаясь за ее безопасность, попытался замирить ее с народом, наклонившись и поцеловав ей руку. Все шаги теперь были обращены к Парижу. Сначала шла беспорядочная толпа, радуясь захвату королевской семьи и крича, что хлеба будет много, так как они ведут с собой пекаря, жену пекаря и мальчика пекаря. Головы убитых телохранителей, жуткие трофеи их триумфа, несли на пиках. Королевские кареты, окруженные национальной гвардией, следовали за толпой. По прибытии в Париж король и королева были проведены в Тюильри. Ассамблея, которая через несколько дней последовала за королем, была размещена в школе верховой езды по соседству с дворцом.

ГЛАВА IV. КОНСТИТУЦИЯ.

Итоги движения 6 октября.

Движение 6 октября, как и восстание 14 июля, не было преднамеренным. Нехватка хлеба была использована агитаторами, чтобы внушить населению мысль о необходимости привезти короля в Париж. Их целью было поставить и короля, и Собрание под немедленное влияние столицы. Герцогу Орлеанскому в то время приписывали намерение изгнать королевскую семью из Версаля и получить для себя если не трон, то регентство. Герцог, беспринципный и неумный, был неспособен, если бы у него были амбиции, играть видную роль в революции. Обладание огромным богатством обеспечило ему прихлебателей и сторонников, но в целом его презирали, и ни один сколько-нибудь значимый человек никогда открыто не выступал в его поддержку. Депутаты центра и левые, а также муниципалитет и Лафайет рассматривали пребывание двора в Париже как защиту от попыток развязать гражданскую войну путем смещения короля и раскола Собрания. С этого времени королевская семья фактически находилась под охраной Лафайета, чьи войска составляли дворцовую стражу. Двор не видел в этом событии ничего, кроме очередного акта народного насилия, который должен был вскоре вызвать реакцию. После падения Бастилии брат короля, граф Артуа, покинул Францию. Многие придворные вельможи, в том числе и депутаты от реакционных правых, теперь взяли тот же курс, с полной надеждой вскоре вернуться и застать старый порядок вещей восстановленным. Два лидера правого центра, Мунье и Лалли-Толлендаль, покинули столицу, ссылаясь на то, что их жизни угрожает опасность, и, что Ассамблея не была свободной. Действительно, те, кто выступал в защиту непопулярных мнений, подвергались угрозам и оскорблениям, но неправда, что депутаты, сидящие справа, были лишены возможности принимать участие в дебатах и голосовать по своему усмотрению. Напротив, если на галереях часто шумели и ругались, то епископы и дворяне находили возможность не только пространно отвечать своим оппонентам, но и часами мешать ходу заседания одним лишь шумом. Обычная форма голосования,

заклучавшаяся в том, чтобы просто встать и сесть, не позволяла часто публиковать списки разделения. Большая часть важной работы, в которой все могли принимать безопасное участие, выполнялась в частных комитетах, и подготовленные в них проекты законов часто принимались Собранием с незначительными изменениями. Отзыв депутатов лишь способствовал дезорганизации и без того расколотого меньшинства.

Якобинцы.

В то время как правая часть Собрания, вследствие дезертирства, дезорганизации и запугивания, становилась все менее способной оказывать влияние на центр, левая приобрела новые источники силы. С целью согласования совместных действий несколько депутатов собирались в здании на улице Сент-Оноре, принадлежавшем нескольким монахам-доминиканцам, которых называли якобинцами, поскольку церковь Сен-Жак была приписана к ним, когда в XIII веке они впервые прибыли в Париж. В этом здании был организован дискуссионный клуб, названный его основателями Обществом друзей конституции, но получивший известность под именем Jacobins. В него вошли все левые депутаты, а также многие лица, не являвшиеся членами Ассамблеи, среди которых были самые радикальные политики и журналисты Парижа. Какие бы вопросы ни обсуждались в Собрании, они в то же время обсуждались в клубе, где демократическое мнение было более выраженным и выдвигалось с меньшей сдержанностью. Барнав был в клубе более популярным оратором, чем Мирабо, а Робеспьер, который с трудом добивался слушания в Собрании, был выслушан с вниманием и аплодисментами. Таким образом, существование якобинцев дало организацию более демократической партии в то время, когда организации больше нигде не было.

Крупнейшие

ФРАНЦИЯ В ДЕПАРТАМЕНТАХ 1790 ГОДА

Лонгманс, Грин и Ко, Лондон, Нью-Йорк, Бомбей, Калькутта и Мадрас.

Конституция.

Под влиянием вышеописанных факторов, страха перед реакцией, веры в теорию и стремления к популярности, Ассамблея завершила работу над конституцией и провела реформы во всех департаментах государства. Ее работа основывалась на принципах единообразия, децентрализации и суверенитета народа, и все институты, противоречившие этим принципам, были сметены. Старое деление территории на провинции было отменено, и Франция была разделена на восемьдесят три департамента, по возможности одинаковых по площади и названных в честь географических объектов, таких как реки и горы. Восемьдесят три департамента были разделены на 374 округа. В каждом департаменте был выборный административный орган для управления его делами; в каждом округе - выборный административный орган, подчиненный администрации департамента, для управления делами, относящимися к данному округу. Эти органы состояли каждый из генерального совета и постоянного исполнительного органа, называемого директорией. В каждом округе были оставлены без изменений прежние деления, называемые коммунами. Таких коммун во Франции насчитывалось не менее 44 000, некоторые из них были крупными городами, а другие - простыми деревнями. Местные дела этих коммун находились в ведении муниципалитетов. Члены этих муниципалитетов избирались всеми мужчинами, проживающими в коммуне, достигшими двадцати пяти лет и ежегодно выплачивающими в виде прямых налогов, согласно реформированной системе налогообложения, сумму от восемнадцати пенсов до двух шиллингов, равную стоимости трехдневного труда. Мужское избирательное право дало бы 6 000 000 избирателей, в то время как эта квалификация ограничила бы их число примерно 4 300 000. Лица, имеющие право голоса, обязаны были служить в национальной гвардии и назывались активными гражданами, в то время как лишённые права голоса назывались пассивными гражданами. Для выборов административных органов округа и департамента, а также депутатов законодательного собрания была принята система двух степеней. Существовало множество первичных собраний, состоявших из всех активных граждан каждого департамента, каждое из которых выбирало определенное число выборщиков, которые, в свою очередь, избирали административные органы округов и департамента, а также депутатов, представлявших департамент в законодательном органе. Квалификацией для членства в муниципалитете или любом административном органе была ежегодная уплата прямых налогов в размере от шести до восьми шиллингов. Для участия в законодательном собрании требовалась особая, более высокая квалификация - уплата прямых налогов в размере марк, стоимостью около пятидесяти шиллингов.

Судебная реформа.

Новые административные деления служили также и судебными делениями. Старые суды, включая парламенты, один за другим были упразднены. Каждый округ был разделен на кантоны, и первичные собрания в каждом кантоне избирали судей, называемых мировыми судьями (*juges de paix*), для рассмотрения мелких дел. В каждом округе был гражданский, а в каждом департаменте - уголовный суд, судьи которого избирались соответственно избирателями округа и департамента. Судьями могли быть лица, принадлежащие к любой отрасли юридической профессии, которые избирались только на шесть лет. Новая структура сопровождалась большим количеством непосредственно корректирующих законов. Процедура стала более благоприятной для обвиняемого. В уголовных делах был принят суд присяжных по английской системе, причем в каждом департаменте имелось свое большое жюри. Были приняты меры против произвольного ареста и тюремного заключения, а закон

стал единым для всех, без различия лиц. Был составлен новый уголовный кодекс, который выгодно отличался от уголовного права, действующего в других странах. Ересь и магия больше не признавались преступлениями. пытки были отменены, а наказание в виде смертной казни ограничено четырьмя или пятью преступлениями.

Церковная собственность присваивалась государством.

Также были проведены экономические и финансовые реформы. Были ликвидированы внутренние таможи, отменены монополии и торговые ограничения. Однако здесь Ассамблея действовала более осторожно, чем при проведении конституционных и административных реформ. Тариф экспортных и импортных пошлин был изменен, но боязнь навредить французской промышленности помешала принять принципы свободной торговли в регулировании торговых отношений между Францией и другими странами. Восстановление финансов в разгар революции оказалось делом нелегким. Ассамблея откладывала отмену старых налогов до тех пор, пока не будет организована новая система налогообложения, но тем временем тысячи людей отказывались их платить, и доходы пропорционально уменьшались. Чтобы покрыть расходы правительства, Неккер был вынужден брать кредиты, и осенью 1789 года государственный долг достиг примерно 43 750 000 л. Чтобы предотвратить его увеличение и удовлетворить требования кредиторов, Ассамблея обратилась к церковному имуществу. В результате отмены десятины 4 августа доход в размере 5 818 750 л. перешел в руки землевладельцев и сельхозпроизводителей. Церковь, однако, оставалась обладательницей имущества, оцениваемого капиталом более чем в 100 000 000 л., приносящего доход около 3 500 000 л. Все это имущество было объявлено находящимся на службе государства, которое отныне обязывалось обеспечивать духовенство. Земли короны и церкви на сумму 17 500 000 л. были выставлены на продажу, и на эту же сумму были выпущены государственные бумажные деньги в виде банкнот достоинством 44 л., имеющих принудительную валюту и называемых ассигнатами, которые должны были использоваться для оплаты государственных кредиторов и должны были быть получены обратно государством от покупателей земли, выставленной на продажу, и таким образом постепенно изыматься из обращения и уничтожаться.

Высшее духовенство, поддерживаемое дворянами, решительно выступило против этих мер, которые полностью меняли статус духовенства. Духовенство считало себя распорядителем имущества для церковных целей и независимым от влияния государства, тогда как отныне оно попадет в тесную зависимость от государства и потеряет то положение в обществе, которое обеспечивали ему богатство и независимость. Аббат Мори обвинил Собрание в том, что оно вмешивается в права собственности и совершает акт растраты. Но сторонники новых законов составили подавляющее большинство. Скептики и теисты, янсенисты, стремившиеся реформировать церковь в соответствии с примитивными обычаями христианства, юристы, которые лишь следовали правовым традициям старой монархии, утверждая, что интересы государства превыше всего, доносили до епископов, что духовенство - не собственники, а всего лишь управляющие национальным имуществом, которых справедливо лишили доверия, которое они плохо исполняли. Продажей церковных земель Собрание намеревалось не просто восстановить финансы, но из корыстных побуждений привязать тысячи людей к делу революции неразрывными узами, поскольку каждый покупатель церковных земель, каждый держатель ассигнаций, каждый государственный кредитор был бы прямо заинтересован в поддержании нового порядка.

Гражданская конституция духовенства.

За законами о присвоении и продаже церковного имущества последовали законы о реформе церкви. Монастыри и женские монастыри были упразднены, оставшиеся в них обитатели получили пенсию и были предоставлены сами себе, чтобы вернуться в мир или жить в тех домах, которые были им отведены. Специальный кодекс, озаглавленный "Гражданская конституция духовенства", обязывал осуществить в Церкви то, что уже было сделано для государства. Старые епархиальные и приходские деления были отменены. Каждая кафедра превращалась в епископство, а границы приходов менялись в зависимости от удобства. Епископы должны были избираться всеми избирателями кафедры, куре - избирателями каждого округа. Епископы должны были сообщать о своем избрании папе, но не добиваться от него подтверждения своих назначений. Капеллы и церковные суды были упразднены, а в осуществлении своих функций каждому епископу должен был помогать церковный совет, состоящий из капелланов, выбранных из числа куре епархии. Доходы епископов были снижены, а куре - повышены. Все расходы на учреждение оценивались почти в 3 000 000 ливров.

Федерация, 14 июля 1790 года.

Эти изменения были осуществлены лишь постепенно. Муниципалитеты и другие административные органы были избраны весной 1790 года, новые судьи - только осенью, а Гражданская конституция духовенства вступила в силу летом того же года. Огромная нагрузка легла на патриотизм и интеллект страны. Активных граждан постоянно призывали уделять время и мысли государственным делам, участвуя в выборах и служа в национальной гвардии; в то время как на миллион с лишним административных и муниципальных служащих возлагались важные обязанности и огромная ответственность. На них были возложены все местные дела департаментов, содержание дорог и мостов, полицейский надзор, госпиталей, взимание и сбор налогов, продажа национального имущества и вообще выполнение постановлений Ассамблеи. Тем не менее, страна отреагировала с восхитительной энергией. Люди поверили, что вот-вот откроется новая эра свободы и процветания, и появились люди, которые беззаветно посвящали время и деньги выполнению гражданских обязанностей, тяжелых и зачастую опасных. Весной по всей Франции жители разных деревень, городов и провинций собирались вместе, чтобы провести федерации, или праздники единения, в честь новой конституции. 14 июля, в годовщину взятия Бастилии, в Париже состоялась федерация всей Франции, на которой председательствовал король. Каждый департамент прислал свою депутацию национальных гвардейцев, число которых достигло 15 000 человек. Посреди Марсова поля был воздвигнут алтарь, на котором Талейран, епископ Осенний, отслужил мессу и благословил знамена департаментов. Тысячи собравшихся в один голос поклялись быть верными нации, закону и королю. Людовик со своего трона дал клятву поддерживать конституцию, и воздух огласился криками "Да здравствует король". Парижане развлекали гостей, и день завершился в атмосфере всеобщего веселья и ликования. Бастилия уже была снесена с лица земли, и толпы людей пришли потанцевать на месте, где она стояла.

Дворяне и революция.

Радость и энтузиазм, проявленные на празднике федерации, были искренним выражением желания союза, которое испытывала основная и лучшая часть населения, но это желание не имело под собой никакой существенной основы. По мере того как Ассамблея продолжала свою работу, разногласия множились, партийный дух усиливался, и страна, вместо того чтобы наслаждаться порядком и устоявшимся правлением, все больше дрейфовала в сторону анархии. Высшее дворянство не скрывало своего презрения к делам революции и ожиданий, что все будет обращено вспять. Большинство крупных дворян покинули страну и,

обосновавшись в Кобленце или Турине, проскрибировали всех, кто принимал участие в революции, угрожали вторжением и призывали иностранные державы силой восстановить короля в его правах. Те, кто остался во Франции, заняли позицию презрительного неповиновения, протестами и интригами пытались возбудить ненависть к Собранию и вызвать его презрение к стране. Низшие дворяне, если и проиграли в какой-то мере, то значительно выиграли бы от революции, если бы она не получила дальнейшего развития; но различные причины побудили их выступить против нее. Собрание не предприняло никаких усилий, чтобы примирить их, а декрет об отмене титулов и гербов глубоко задел гордость всего ордена (9 июня). Для многих считалось делом чести оставаться верными своей касте, и, по сути, те, кто поддержал революционные законы, попали под социальный запрет. Многие дворяне покинули страну вместе со своими семьями, поскольку их жизнь была небезопасной. Те, кто вооружался на границах, навлекали на всех, кто принадлежал к их ордену, подозрение в том, что они их сообщники. Крестьянство не нуждалось в стимуле, чтобы ополчиться на сеньоров. Хотя Собрание отменило феодальные права подневольного происхождения и те, которые представляли собой суверенитет, оно сохранило до выплаты компенсации владельцам все пошлыны, которые, как предполагалось, имели свое происхождение в соглашении и представляли собой цену, уплаченную за владение землей. Это соглашение было справедливым и, если бы оно было осуществимо, принесло бы пользу почти всем заинтересованным лицам. Но для его осуществления требовалось сильное правительство, а Франция находилась в разгаре революции. Крестьяне, в сознании которых все феодальные права были неразрывно связаны друг с другом, отказывались признавать юридические различия между ними. Кроме того, механизм, предусмотренный Собранием для осуществления права на владение имуществом, вместо того чтобы быть быстрым и простым, был сложным и во многих случаях практически не действовал. Поэтому отношения между крестьянами и сеньорами по мере развития революции становились все более напряженными. В то время как владельцы податей угрожали исками, их должники прибегали к насилию. Сцены, подобные тем, что наблюдались на востоке в 1789 году, теперь на значительной части территории страны. Снова и снова в 1790 и 1791 годах в центре, в Ла-Марше и Лимузене, на юге, в Перигоре и Руэрге, на западе, в Бретани, а также на востоке, в Лионне, Эльзасе, Франш-Конте и Шампани, крестьяне и бродяги группами ходили по стране, сжигая деревенские дома и земельные владения и убивая тех, кто пытался сопротивляться.

Слабость центрального правительства.

Центральное правительство, чьей обязанностью было защищать жизнь и имущество, оказалось бессильным даже попытаться восстановить порядок. Ассамблея, опасаясь, что король воспользуется властью для разрушения ее работы, оставила его без средств принуждения к повиновению законам. Его единственными агентами были административные органы, и у него не было никаких средств заставить их выполнять свои обязанности. Высшая власть в действительности принадлежала административным органам, стоящим ниже всех в иерархической шкале, а именно муниципалитетам. Их насчитывалось не менее 44 000, каждый из которых действовал независимо от другого и, хотя, согласно конституции, был обязан выполнять указания дирекций округов и департаментов, мог безнаказанно их игнорировать. Для поддержания порядка был принят закон о беспорядках, но, чтобы король не мог воспользоваться им для подавления конституционных прав, только муниципалитеты были уполномочены вводить его в действие. Иногда муниципальные чиновники не могли, иногда не хотели вызывать национальную гвардию для насильственного разгона бунтовщиков. В городах в национальной гвардии служила буржуазия, и не было недостатка в образованных людях для занятия должностей. Но в сельских округах не было ни одного жителя, кроме нескольких дворян и курьезов и

необразованного крестьянства. В сотнях случаев мэр и его коллеги не умели ни читать, ни писать, говорили только на своем жаргоне и были неспособны даже понять законы, которые они должны были исполнять. Национальные гвардейцы, вместо того чтобы защищать дворянина и его семью от бед, вместе со своими соседями участвовали в разрушении их жилищ и жестоком обращении со всеми, кого интерес или предрассудки заставляли их считать заговорщиками против революции.

Мятежи в армии.

Хотя линейные войска могли быть вызваны муниципалитетами для помощи в исполнении закона о беспорядках, их присутствие в городах было лишь дополнительной причиной беспорядков. Классовое чувство было сильно выражено в армии, и люди ополчились на своих офицеров, обвиняя их в вымогательстве и угнетении. По всей стране, где бы ни стояли полки, войска бунтовали, требуя более мягкой дисциплины и более высокого жалованья, создавали советы, захватывали военные сундуки и требовали от офицеров отчета о суммах, которые проходили через их руки. Эти частые мятежи настораживали людей, закрывавших глаза на бесчинства крестьян. При поддержке значительного большинства в Собрании маркиз Буйе подавил с большими потерями в живой силе серьезный мятеж, вспыхнувший в швейцарском полку Шатовье, расквартированном в Нанси (31 августа). После этого были проведены реформы как в армии, так и на флоте. Было повышено жалованье военным служащим, а для рассмотрения дел о военных преступлениях были учреждены суды присяжных, состоящие как из солдат, так и из офицеров.

Раскол в церкви.

Высшее духовенство, как и дворяне, было отторгнуто от революции слиянием трех орденов в одну палату, а присвоением церковного имущества и гражданской конституции духовенства сделалось непримиримым врагом. Они обвиняли Собрание в стремлении уничтожить католическую религию, а гражданскую конституцию осуждали как незаконное вмешательство в вопросы церковного управления и дисциплины, которые, будучи вопросами веры, не подлежали компетенции государства. Но эти попытки возбудить вражду против Ассамблеи не имели особого успеха. Интересы основной массы народа были слишком тесно связаны с революцией, чтобы соблазниться на крестовый поход против нее. Крестьянство не возражало против церковных изменений, которые не затрагивали ни глаз, ни ушей. Сама гражданская конституция лишь реформировала церковь на основе, заложенной в *кайерах*. Только на юге, где существование протестантов вызывало религиозную вражду, а население было наиболее фанатичным и нетерпимым, работа Ассамблеи встретила серьезное сопротивление. В Перпиньоне, Тарне, Тулузе и других городах выборы административных органов и закрытие монастырей привели к беспорядкам и человеческим жертвам; а в Ниме, где протестанты составляли треть жителей, улицы в течение трех дней были залиты кровью. Среди низшего духовенства было мало желающих следовать примеру своих церковных начальников. Государство, присвоившее церковное имущество, улучшило их материальное положение и подняло их позиции в Церкви. Две трети монахов решили отказаться от монашеской жизни. Тем не менее, аргументы, приводимые против признания гражданской конституции, будоражили умы куры, а введение Собранием присяги как условия для занятия любой должности или бенефиция, дало в руки епископов, которых потеря доходов привела неукротимой враждебности к революции, оружие, которым они не замедлили воспользоваться, и с помощью которого они создали раскол в Церкви (27 ноября). Эта клятва обязывала присягнувшего быть верным нации, закону и королю, а также поддерживать конституцию. Цель, которую преследовало Собрание, заключалась в том, чтобы заменить епископов, отказавшихся участвовать в проведении новых законов, людьми,

приверженными революции. Однако тот факт, что присяга могла быть истолкована как признание законности гражданской конституции духовенства, положения которой противоречили папской системе, был оставлен без внимания. Папа объявил, что принявшие ее являются раскольниками и отлучены от общения с Церковью. Таким образом, пассивное принятие гражданской конституции было уже невозможно для курий. Из 138 епископов и архиепископов только четверо принесли присягу, а две трети светского духовенства отказались от нее. Однако многие члены регулярных орденов приняли ее, так что в итоге около 60 000 церковников, или половина духовенства Франции, согласились с новыми порядками.

Наложение этой клятвы вызвало разногласия во всех департаментах. Ассамблея предоставила неюристам пенсию и разрешила им служить в приходских церквях. В результате в двух третях приходов Франции было два священника, номинально придерживавшихся одинаковых взглядов, которые боролись за влияние на паству: один - чтобы получить, другой - чтобы сохранить. Конституционный священник представлял унтер-юрора или бывшего настоятеля как заговорщика против законов и конституции; последний представлял нарушителя как раскольника, неспособного совершать таинства, так что люди, вступившие в брак или крестившие детей, в действительности не были ни женаты, ни крещены. Здесь неюродивые рассматривались как враги государства; здесь конституционное духовенство - как враги религии; и та сторона, которая была сильнее, переходила к актам насилия против другой. В целом на севере Франции присяжные имели сравнительно небольшое влияние; и только в некоторых провинциях, где они пользовались поддержкой крестьянства - в Пуату, Оверни, Эльзасе и некоторых частях Артуа, Франш-Конте, Шампани, Лангедока и Бретани, - значительная часть населения проявляла рвение в их защиту.

Какими бы смелыми и радикальными реформаторами ни оказались создатели конституции, монархические настроения и недоверие к политическим способностям полутора миллионов их соотечественников заставляли их временами отказываться от полного воплощения в жизнь теории Руссо о народном суверенитете. Поэтому, в то время как их работа, с одной стороны, подвергалась нападкам со стороны партии реакции, с другой стороны, ее осуждали крайне левые, как противоречащую принципам, которые Ассамблея сама провозгласила в Декларации прав. За пределами Ассамблеи эти взгляды были выражены еще более резко.

♦Бриссо.♦ Один из самых известных журналистов того времени, Бриссо, сочетая с ультрадемократическими тенденциями твердую веру в преимущества индивидуальной свободы, был ревностным выразителем мнений, известных впоследствии как жирондистские. Его идеальной формой правления, которую он стремился установить во Франции, была демократическая республика, где не существовало гражданских или политических различий между людьми; где привычки местного самоуправления и повиновения закону позволяли, без ущерба для общественного порядка, едва заметные действия центрального правительства; где принципы свободной торговли, свободы печати и религиозной терпимости осуществлялись систематически; где образование, уважение к труду, простые и добродетельные привычки жизни преобладали среди всех классов. Исходя из того, что порок и коррупция легко укореняются в больших городах, Бриссо был против того, чтобы столица осуществляла политическое господство над страной. "Без частной морали, - говорил он, - нет ни общественной морали, ни общественного духа, ни свободы". Цель, на которую он указывал, была поистине утопической по сравнению с реальным положением дел во Франции. Тем не менее Бриссо был достаточно доверчив, чтобы верить, что благодаря благотворному влиянию общего образования и свободных институтов ее достижение станет возможным в течение каких-то двадцати-тридцати лет.

Десмулен.

В Камилле Десмулене нивелирующие принципы революции нашли своего самого умелого защитника. Он принадлежал к низшей части среднего класса и, выступая от имени народа, выражал ту острую ревность, с которой люди его жизненного положения относились к имущественным или сословным притязаниям на политические или социальные отличия. Молодой, наивный и восторженный, Десмулен не умел пускать пыль в глаза ни себе, ни другим, и с самого начала заявил, что даже форма монархического правления несовместима с принципами, которых придерживалась его партия. Однако, поскольку Собрание постановило, что Франция должна иметь короля, он выразил готовность снять шляпу, когда Людовик проходил мимо, но отказался признать Марию-Антуанетту королевой и лишь упомянул о ней как о жене короля. Десмулен не был прецизианистом, как Бриссо, и не заботился о моральном облике своих соотечественников. Нападая на людей, которых он называл "реакционерами" и "аристократами", не задумываясь о последствиях, он использовал все подручные средства - иронию, клевету и грубое преувеличение. Преобладающее состояние анархии он высмеивал. Руссо говорил, что люди по природе своей милосердны и прощают, а его ученики оправдывали акты жестокости невежеством и несчастьем. Можно ли было ожидать, спрашивал Десмулен, что после столетий разложения свобода будет достигнута без небольшого кровопускания?

Марат.

Марат, писатель третьего типа, названный по названию своего журнала "Народный друг", не верил ни в один из отличительных принципов того времени. Он не верил ни в доброту человеческой природы, ни в разум как главный рычаг, с помощью которого можно восстановить общество и правительство, ни в политические способности своих соотечественников, и был так же готов бросить подозрение на народных выдвиженцев, как Бриссо на честность людей, поставленных королем. Он не считал ни коммерческую, ни индивидуальную свободу непременно рассчитанными на увеличение счастья и процветания масс. Цель, на которую он указывал, была теневой - демократическое государство, где правит посредственность, а правительство обеспечивает трудящимся нехватку ни труда, ни хлеба. Его средствами были восстановление абсолютной власти и применение силы. Поскольку чиновники были коррумпированы, высшие классы стремились к власти лишь в корыстных целях, а народ был невежественным и легко обманывался, Марат предложил наделить диктатора полномочиями, чтобы установить подлинное равенство, раздавив под ногами обладателей богатства и таланта. Однако, поскольку вероятность принятия этого плана была невелика, он заполнил страницы своего журнала призывами к убийствам и восстаниям, советуя народу обеспечить свое счастье, поднявшись и убивая своих врагов поголовно. Несколько тысяч голов падут ниц, и откроется настоящая эра свободы и процветания.

Источники влияния ультрадемократов.

Кроме Бриссо, Десмулена и Марата, был еще целый ряд писателей, которые на словах заявляли о своей верности конституции, а на деле возбуждали недовольство против нее, ставили под сомнение патриотизм и добросовестность всех, кто не был согласен с ними, и усложняли задачу поддержания порядка. У них были разные цели и разные взгляды на жизнь, но в некоторых вопросах они были едины, и на время только эти единые взгляды оказались на виду. В один голос они упрекали Собрание в том, что оно делит французов на активных и пассивных граждан, лишает последних избирательного права и исключает их из национальной гвардии. Так же они осудили королевское вето на декреты на том основании,

что оно подчиняет волю суверенного народа воле короля. Они осудили Закон о бунте и нападали на Собрание всякий раз, когда давалась санкция на применение военной силы против бунтовщиков. Когда мятеж в Нанси был подавлен с кровью, громкий крик негодования был поднят против Лафайета и других депутатов, которые по этому случаю перешли на сторону народа. Ультрадемократы, несомненно, составляли лишь меньшинство населения. Большинство французов были довольны конституцией и не стремились к более радикальным изменениям, чем те, которые уже были произведены. Однако многие причины позволяли ультрадемократам оказывать влияние, совершенно непропорциональное их численности. Дело было не только в слабости правительства, но и в отсутствии единства между классами, а также в том, что не было класса, способного повести за собой нацию, заручившись ее полным доверием. Подозрение к дворянам было настолько сильным, что они уже почти оказались в положении запрещенного класса. Буржуазия не имела привычки управлять даже местными делами и сама относилась с подозрением к классу, стоявшему ниже ее. Люди, как невежественные, так и недовольные, считали тех, кто в это время находился у власти, ответственными за их несчастья. Если кукуруза и хлеб были дорогими, то муниципального чиновника, который не снижал цены на них, называли аристократом и угрожали его жизни. Представители среднего класса, занятые профессиональной и иной деятельностью, массово уходили из политической жизни. Поэтому ультрадемократы, активные, сплоченные и беспринципные, смогли, хотя и в меньшинстве, выдвинуть себя в качестве представителей Франции и постепенно перехватить управление делами в свои руки.

Влияние, оказываемое якобинскими клубами.

В Национальном собрании, представлявшем Францию в 1789 году, эта партия насчитывала, как мы видели, не более двадцати-тридцати человек, но ее слабость в Собрании полностью компенсировалась силой якобинцев. Это общество превратилось в политический орган, который был не менее влиятельным, поскольку его власть не признавалась законами. В течение 1790 и 1791 годов в большинстве провинциальных городов и даже в простых деревнях были созданы клубы якобинцев. Как правило, они были связаны с головным или материнским обществом в Париже, с которым они поддерживали регулярную переписку. Таким образом, в то время, когда все другие узы сплоченности были разрушены или отпали, по всей Франции, вне рамок конституции, возникла сеть органов власти, направляемых из общего центра в Париже. Клубы, по сути, постоянно вмешивались в работу административных органов, давая советы, которые часто принимали форму диктата или запугивания, и всегда могли, если хотели, устроить демонстрации в пользу своих взглядов. Они олицетворяли тот дух недоверия, который ощущался повсюду и, казалось, пронизывал сам воздух, которым дышали люди; и если более умеренные политики не одобряли часто используемый в них жестокий язык и их допущения к административной власти, они не желали их подавления, потому что их страх перед опасностью из этого источника был меньше, чем страх перед торжеством реакционеров и разрушением дела революции.

В сентябре 1790 года министерство было распущено в результате нападков на него со стороны парижских якобинцев. Неккер, болезненно переживавший потерю популярности, без сожаления покинул страну (сентябрь), а его коллеги, встревоженные выдвинутыми против них обвинениями, вскоре после этого подали в отставку. После этого Людовик назначил на должность людей, известных как противники реставрации старого порядка, но они имели столь же малое влияние на Собрание, как и их предшественники. Правые отказали им в поддержке, потому что они не принадлежали к партии реакции, а левые - потому что их привязанность к существующей конституции была поставлена под сомнение.

Парижская коммуна.

Помимо Якобинского клуба, в Париже существовали и другие механизмы, с помощью которых ультрадемократы постепенно прокладывали себе путь к власти. В сентябре 1790 года Парижская коммуна была реорганизована в соответствии со специальным законом и разделена на 48 секций, каждая из которых имела свое первичное собрание, состоящее из активных граждан. Из 800 000 жителей 84 000 имели право голоса. В каждой из 48 первичных ассамблей, называемых секциями, имелся постоянный комитет, в обязанности которого входило выполнение распоряжений муниципалитета и осуществление полицейского контроля на территории секции. Сам муниципалитет, мэром которого был переизбран Бейли, состоял из генерального совета из 96 человек и исполнительной власти из 44 членов. Он делал все возможное для поддержания порядка и соблюдения конституции. Однако его положение было сложным. Работы не хватало, преступность процветала, тюрьмы были переполнены. Свободой слова и печати злоупотребляли со всех сторон. Не существовало законов, с помощью которых можно было бы законно пресечь политическую агитацию, пусть и принявшую форму измены конституции. В секциях, благодаря уходу в частную жизнь людей умеренных взглядов, ультрадемократам часто удавалось одержать верх. Постоянные комитеты, вместо того чтобы подчиняться муниципалитету, иногда оспаривали у него власть или проводили самостоятельный курс. Все 48 первичных собраний имели право собираться каждый раз, когда восемь человек из их числа выдвигали требование в законной форме. В более бедных районах агитаторы, непрерывно выступая с враждебной критикой, подрывали среди низших классов популярность Ассамблеи, муниципалитета, Лафайета и национальной гвардии. Среди множества народных клубов, основанных в разных частях Парижа, особую известность приобрели "*Кордельеры*" к югу от Сены. Здесь председательствовал Дантон, оратор, выделявшийся среди своих товарищей рвением и энергией, с которыми он включился в борьбу с муниципалитетом.

Политика и смерть Мирабо.

Пока революция шла своим чередом, а ультрадемократическая партия, за которой стояло население, грозила своей активностью и беспринципностью со временем стать полным хозяином политической арены, тем сильнее становилось желание Мирабо войти в министерство и руководить советами короля. Однако вход в совет был ему пока безнадежно закрыт. Чтобы пресечь его амбиции в зародыше, Неккер и его коллеги вскоре после прибытия короля в Париж подстрекали Собрание к принятию декрета о том, что ни один депутат не должен быть министром. Весной 1790 года король и королева были вынуждены вступить в тайное общение с великим оратором. Он давал им советы в письменной форме, а король в обмен на его услуги назначал ему ежемесячные выплаты. Но вскоре Мирабо убедился, что за исключением тривиальных вопросов его советы никогда не выполнялись. Он требовал гораздо более полного и щедрого принятия принципов революции, чем это было возможно для Людовика. Он принимал как абсолютную выгоду, как для короля, так и для нации, падение парламентов, отмену привилегий, уничтожение дворянских и духовных орденов, освобождение земли и труда. Он неустанно убеждал и умолял Людовика завоевать доверие нации, полностью отвернувшись от прошлого и отделив дело короны от дела высших сословий. "Чтобы добиться реакции, - писал он, - нужно уничтожить одним ударом целое поколение или сделать пустой память двадцати пяти миллионов человек". Благороднейшими плодами революции Мирабо считал также свободу вероисповедания, свободу печати и свободу человека от произвола в отношении собственности и личности. Но, ненавидя правительство, которое было произвольным или сбивалось с пути из-за отсутствия средств проверки общественного мнения, Мирабо мало верил в мудрость

коллективных групп людей или в политический интеллект среднего и низшего классов, которые, по его мнению, в конечном счете продадут политическую свободу за порядок, а другой - за хлеб. Поэтому он надеялся, что король станет проводником и лидером нации. Он верил, что если разрушить существующие барьеры недоверия, то средний класс, избавленный от страха перед реакцией в пользу дворянства и церкви, с готовностью согласится на создание сильной исполнительной власти и отмену указов, делающих административные органы независимыми от центрального правительства и исключаящих министров из законодательной власти. Кроме того, у него хватило проницательности понять, что упразднение аристократических институтов и разделение страны на равные части без исторических традиций - меры, разрушающие разнообразие и бодрость национальной жизни и тем самым благоприятствующие осуществлению власти короны. Если не последует рекомендованный им курс, он предсказывал падение трона. "Толпа, - неоднократно говорил он о короле и королеве, - будет топтать их трупы". Отчаявшись заставить существующую Ассамблею отменить свои декреты, Мирабо посоветовал королю покинуть Париж и, сделав все возможное, чтобы привлечь на свою сторону средний класс, обратиться, если потребуется, к оружию. Однако пока он убеждал Людовика в необходимости таких проектов, его крепкое от природы телосложение, перегруженное его усилиями, сломалось, и он умер в возрасте сорока двух лет (2 апреля 1791 года). Ошибочно считать Мирабо неверным своим принципам из-за того, что он вступил в денежную сделку с королем. Он был монархистом до 1789 года и умер им в 1791 году. Но низкая нравственная возвышенность его характера омрачала его суждения и увеличивала трудности на его пути. Взяв деньги короля, он лишился возможности завоевать его доверие. Людовик и Мария-Антуанетта никогда не воспринимали его иначе, как опасного демагога, купленного на деньги. Недоверие, с которым относились к нему его коллеги-депутаты, было небезосновательным. Он был весьма беспринципен в том, какие средства использовал для достижения своих целей, и без колебаний произносил слова, прямо противоположные его настоящему мнению, и поддерживал меры, которые считал вредными, чтобы понизить мнение Ассамблеи в стране и увеличить возможность вызвать реакцию в королевскую пользу. Трудно сомневаться, что сильная досада от того, что его отстранили от министерства, заставила его с большей готовностью отнестись к идее гражданской войны.

Хотя задолго до его смерти ультрадемократы обвиняли Мирабо в двойной игре, они не смогли доказать истинность своих слов, и до последнего великий оратор сохранял свою популярность среди народа. Его останки были погребены в Пантеоне, большой церкви, недавно построенной на южной стороне Сены, которую Ассамблея выделила для особого места погребения французов, которые своими заслугами завоевали честь и признательность своей страны. Огромная толпа образовала его похоронную процессию. Одна дама, раздраженная пылью, пожаловалась на муниципалитет за то, что он не поливает бульвар. "Мадам, - ответила рыбачка, - они рассчитывали на наши слезы". Правда эта история или нет, но она свидетельствует о чувствах того времени.

Позиция конституционалистов.

После смерти Мирабо в Собрании произошла значительная перемена нравов. По мере того как создатели конституции приближались к ее завершению, на них начала давить истина, что ее стабильности угрожает продолжение беспорядков. Они видели, как отказываются платить налоги, как административные органы проводят любой курс, который им кажется правильным, как крестьяне грабят зерно, как уличные толпы преследуют неправосудных, как солдаты отказываются подчиняться офицерам, как падает их собственная популярность, как клубы узурпируют власть, как ультрадемократические журналы дискредитируют

конституцию и беспрестанно призывают народ к восстанию. Теперь, когда была установлена свободная конституция и проведена реформа во всех сферах государственной службы, оправдание такому положению вещей с их точки зрения исчезло. Лафайет, Барнав, Ламеты и другие левые депутаты, которые в 1790 году целенаправленно стремились сделать исполнительную власть слабой, в 1791 году начали опасаться, как бы не перегнуть палку. Однако изменить свой курс им было нелегко. Они по-прежнему искали народной поддержки и придерживались принципов, на которых основывалась конституция, авторами которой они сами являлись. Кроме того, страх перед реакцией по-прежнему давил на них. Реакционная пресса в грубых и жестоких выражениях осуждала всю работу Ассамблеи и угрожала топором или виселицей всем, кто с момента открытия Штатов хоть раз поддержал революционные принципы. Подобные угрозы были не лишены смысла в то время, когда эмигранты собирались в вооруженные банды в Базеле и Кобленце, угрожая вторжением, а брат короля, граф Артуа, призывал иностранные державы восстановить силой оружия власть трона.

Уже собирались первичные собрания для избрания конституционного законодательного органа, когда произошло событие, прояснившее отношения между всеми партиями.

ГЛАВА V. ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ.

Бегство королевской семьи.

Для короля и королевы их положение уже давно стало невыносимым. Они считали конституцию чудовищным произведением, основанным на принципах, разрушающих всякое благое правление. На законы, устанавливающие Гражданскую конституцию духовенства и налагающие клятву на облагодетельствованных церковников, Людовик дал официальное согласие с неохотой, но поскольку он не смог получить санкцию Папы на свои действия, его совесть была спокойна. Королеву сильно подозревали в том, что она использовала свое влияние, чтобы подстрекать мужа против революции. Она была крайне непопулярна. До середины века Франция проводила политику противостояния с Австрией. В 1756 году ревность к Англии и ее союзнику, поднимающейся Пруссии, привела к заключению наступательного и оборонительного союза между Францией и Австрией. Национальное чувство враждебности, однако, не угасло, и незначительная роль, которую Франция играла во внешних делах, объяснялась не упадком монархии, а австрийским союзом. Чтобы скрепить эти узы, сторонники новой системы в 1770 году заключили брак между Людовиком, тогда еще дофином, и Марией-Антуанеттой, дочерью королевы-императрицы Марии-Терезии. Таким образом, с самого своего появления в стране Мария-Антуанетта стала восприниматься с неприязнью, как залог непопулярного союза. Придворные и интриганы, выступавшие против той фракции, которая привела к ее браку, обвиняли ее в том, что она принесла французские интересы в жертву австрийским, и распространяли ложные и скандальные слухи против ее имени. Революционные журналисты осуждали ее как неверную жену и лжекоролеву, предательницу Франции, которая стремится помощью австрийских войск покончить с революцией в крови. Теперь, когда беда уничтожила ее любовь к рассеянности и высветила сильные стороны ее характера, Мария-Антуанетта посвятила всю энергию, на которую был способен ее ум, задаче вернуть мужу и завещать сыну бразды правления. Она находила главное удовольствие в выполнении своих обязанностей жены и матери, а ее величественная осанка производила на всех, кто с ней соприкасался, впечатление высокой оценки ее смелости и ума. Однако, менее готовая, чем ее муж, идти на

уступки и гораздо более склонная к обману, она оказалась дурным советником Людовика. Оба желали, чтобы конституция потерпела крах, и относились к росту беспорядков с безразличием, полагая, что страдания быстро вернут их раскаявшихся подданных к подножию трона. Тем временем Людовик неоднократно публично заявлял о своем удовлетворении конституцией, намереваясь впоследствии отказаться от своих слов, сославшись на то, что он не имеет права выражать свое истинное мнение. Еще зимой был разработан план бегства на восточную границу, но его исполнение откладывалось из-за нехватки денег и войск. Королева рассчитывала на то, что ее брат, император Леопольд, в случае необходимости предоставит в ее распоряжение все австрийские войска, находившиеся в Люксембурге. Она полагала, что если король окажется в безопасности на границе и сможет защитить своих сторонников, большая часть нации сплотится вокруг него, и можно будет заключить соглашение, которое, оставив стране некую форму конституционного правления, поставит королевскую власть над головами всех подданных. Слухи о том, что король намерен бежать, ходили уже несколько месяцев. В апреле национальная гвардия, несмотря на уговоры Лафайета, силой задержала королевскую карету, когда та направлялась во дворец Сен-Клу, расположенный на небольшом расстоянии от города.

Король и королева уже некоторое время готовились к отъезду, хотя день отъезда по разным причинам откладывался. Слуг, которым нельзя было доверять, пришлось уволить, а одежду и другие вещи переправить на границу в готовом виде. В ночь на 20 июня король, переодетый камердинером, его сестра, принцесса Елизавета, королева, двое детей и их гувернантка незаметно покинули Тюильри и в карете на колесах выехали на небольшое расстояние за пределы Парижа. Здесь их ждала большая новая дорожная карета, построенная специально для этого случая, и три солдата телохранителя, одетые в желтые мундиры и готовые выступить в роли курьеров. Местом назначения королевской партии был Монмеди, расположенный недалеко от границы с Люксембургом; маркиз Буйе, командовавший в этом квартале, обязался разместить отряды солдат для охраны пути во всех главных городах и деревнях после Шалона. Когда карета покинула Париж, было уже два часа ночи. Водитель подгонял лошадей быстрым шагом, около восьми миль в час, и около пяти часов пополудни путешественники достигли Шалон-сюр-Марн. На этом самая опасная часть путешествия, казалось, закончилась. На следующей заставе, Пон-Соммевель, Луи ожидал увидеть первый отряд войск Буйе. Прибыв туда чуть позже шести, он, однако, был разочарован. Буйе, действительно, с большим искусством распорядился о переброске войск так, чтобы отряды присутствовали во всех главных местах на дороге, по которой ехала королевская чета; но, к сожалению, на каждой станции командующим не хватало либо рвения, либо способностей, либо и того, и другого. Поскольку карета отстала от ожидаемого времени на три или четыре часа, войска уже отошли от Понт-Соммевель. В Сент-Менеульде Людовик, неосторожно высунувший голову из окна, был узан начальником поста Друэ, который заметил его сходство с изображением короля на ассигнациях. Хотя карета не была остановлена, ее преследовали Друэ и другие, в то время как войска, находившиеся в городе, позволили себя разоружить. Около полуночи карета благополучно добралась до Варенна, небольшого городка, разделенного на две части рекой Эйр. Пока телохранители тщетно искали в темноте эстафету лошадей, которая ждала на дальней стороне моста, Друэ и его спутники въехали в город, разбудили мэра и, используя все повозки и бочки, которые попадались под руку, перекрыли дорогу через мост. Карету остановили, а путешественников заставили сойти и войти в дом, принадлежащий бакалейщику, закупщику коммуны. Он находился недалеко от моста, за которым в казармах стояли шестьдесят гусар. Их офицеры, вместо того чтобы вызвать их по первому сигналу тревоги, ускакали за инструкциями к Буйе, который находился в нескольких милях от них, в Стене. Вскоре прибыли еще пятьдесят или шестьдесят солдат, и

течение ночи все еще можно было разогнать противников атакой и прорваться через баррикаду. Офицеры, не желая делать это под свою ответственность, обратились за командами к Людовику, который отказался предпринимать какие-либо решительные действия. Королева, стоя почти на коленях, умоляла жену прокурора, мадам Сосе, позволить им продолжить путь. Женщина выразила ей сочувствие, но сказала, что у нее тоже есть муж и дети, о которых нужно заботиться. Тем временем баррикады укреплялись, по всей округе звонили тревожные колокола, и к утру город был переполнен национальными гвардейцами, с которыми войска пили. Поэтому был начат обратный путь, и через пять дней после отъезда беглецы вновь вошли в Тюильри в качестве пленников (25 июня).

Раскол между конституционалистами и ультрадемократами.

Когда впервые стало известно о бегстве Людовика, в Париже царила сильная тревога. Ожидалось, что гражданская война, уже организованная, вот-вот разразится и что эмигранты вот-вот пересекут границу. Пленение короля принесло чувство облегчения, но не уменьшило сложности ситуации. В оправдание своего отъезда Людовик оставил после себя документ, в котором он критиковал конституцию с неблагоприятной точки зрения и ставил под сомнение все, что было сделано с октября 1789 года. Таким образом, он не скрывая ни словом, ни делом дал понять, что не намерен править в соответствии с конституцией, и отныне невозможно, чтобы страна доверяла ему. Ультрадемократы в один голос мудро объявили его протест и бегство фактическим отречением от престола. Одни, медлившие с принятием решения, среди которых выделялся Робеспьер, или же желавшие выдвинуть герцога Орлеанского, требовали низложения Людовика и регентства; другие, как Бриссо, Десмулен и Дантон, более сангвиничные и более откровенные, призывали к установлению республики. Кордельеры под руководством Дантона покрыли стены плакатами в пользу республики. Якобинцы, следуя за Робеспьером, остановились на этом и требовали лишь низложения Людовика. Однако, закрыв глаза на несомненный факт неискренности короля, левые и центристские депутаты объединились, чтобы поддержать пошатнувшийся трон. Они понимали, что республиканская партия составляет лишь незначительное меньшинство. Лафайет и Барнав, а также другие депутаты взяли с Людовика честное обязательство сохранить трон. В случае низложения возрастала опасность вовлечения Франции в иностранную войну. Ни смена престолонаследия, ни регентство не представлялись желательными. Братья короля были эмигрантами, герцог Орлеанский - орудием в руках парижских демагогов. Кроме того, существовало опасение, что низложение Людовика приведет к подрыву самой конституции и усилит влияние сторонников чистой демократии. Под влиянием этих мотивов Собрание решило вернуть исполнительную власть Людовику, если он примет конституцию, когда она будет представлена ему в завершенном виде. Республиканская партия попыталась провести демонстрацию против этого решения. В воскресенье, 17 июля, на Марсовом поле собралось большое количество людей, которые подписали петицию с просьбой пересмотреть свои постановления. Само собрание не было незаконным и носило совершенно мирный характер. Однако существовала вероятность, что в течение двадцати четырех часов петиция будет передана в Собрание при поддержке вооруженной и угрожающей толпы. Подстрекаемые монархистами, муниципальные служащие в сопровождении Лафайета и национальной гвардии направились к месту собрания. Прежде чем был зачитан закон о беспорядках или возможен разгон, некоторые роты в раздражении открыли огонь по толпе, убив и покалечив несколько человек, мужчин, женщин и детей. Последовало всеобщее бегство, и о петиции больше не слышали.

Попытка пересмотра Конституции.

Это событие, известное в анналах революции как бойня на Марсовом поле, привело к полному разрыву между теми, кто был настроен на сохранение конституции, и ультрадемократической партией. В рядах якобинцев произошел раскол. Конституционалисты основали новый клуб, *Feuillants*, названный так потому, что он собирался в монастыре, ранее принадлежавшем монахам с таким названием, а ультрадемократы остались в неоспоримом владении якобинцев. Среди конституционалистов или фельянов были Лафайет, Барнав, Ламетты и все самые выдающиеся представители центра и левых. Если бы они могли проделать свою работу заново, то внесли бы существенные изменения в конституцию с двойной целью - сделать ее более приемлемой для короля и дать возможность министерству осуществлять контроль над административными органами. Их главным опасением было то, что после роспуска действующей Ассамблеи к власти придут новые люди, которые, не приложив руку к разработке конституции, не будут заинтересованы в ее сохранении так же, как и они сами. Согласно конституционному закону, те, кто был депутатом, не могли в течение определенного количества лет ни вступать в министерство, ни занимать какие-либо государственные должности, а специальный закон запрещал избирать в законодательное собрание тех, кто был членом нынешнего учредительного собрания. Робеспьер предложил этот последний закон в апреле 1791 года и, чтобы добиться его принятия, призвал депутатов доказать свою бескорыстность. Когда конституционные законы были приняты в полном составе, готовые к окончательному представлению Людовику, в них было внесено несколько поправок, но попытка конституционалистов добиться отмены этих важных дисквалификаций провалилась. Правые голосовали вместе с Робеспьером и Петионом, радуясь падению своих противников.

Работа Собрания.

Людовик, когда ему была представлена конституция, обязался править в соответствии с ней, и депутаты затем разошлись, чтобы дать место своим преемникам (30 сентября). Призванные в течение нескольких месяцев осуществить перемены, которые можно было совершить без потрясений только в течение многих лет, каковы бы ни были их ошибки, они оказали Франции много и много услуг. Одними только юридическими реформами они избавили страну от несметного количества душевных и физических страданий. Своими экономическими и финансовыми реформами они проложили путь к новой эре в сельском хозяйстве и индустриализме. Если под влиянием страстей и предрассудков они порой безрассудно увеличивали число и ярость противников, то все же многое, к чему они были призваны, оставалось еще не сделанным, и когда они закрывали заседания, было мало шансов, что поток революции остановится у очерченного ими предела. Они не нашли ни времени, ни возможности создать общую систему помощи бедным или национальную систему образования. Своими декретами, касавшимися прав собственности, они подрывали корни старого права, но работу по обнародованию нового кодекса они оставили тем, кто пришел после них. Вместе с вотчинами пал закон первородства, но свобода наследования была оставлена в основном неограниченной, хотя при отсутствии завещания все равные по крови родственники наследовали одинаково. Этот принцип равного раздела не был умозрительным изобретением революции, но в отношении земель, находящихся в определенном владении, он уже существовал в некоторых частях Франции. Финансы государства были восстановлены только на бумаге. Все расходы правительства были регламентированы, а гражданский список установлен. Были отменены четыре основные статьи доходов, табачная и соляная монополии, акцизы и пошлины на вино. Ежегодные расходы, включая расходы на церковь, оценивались в 27 900 000 л., из которых 21 350 000 л. должны были быть собраны путем налогообложения. Вместо *хвоста* на был введен налог на

земли и здания в размере 13 125 000 л., устанавливаемый местными советами. Налоги на личное имущество составили 2 625 000 л. Остальные 6 000 000 л. должны были быть собраны с помощью различных форм косвенного налогообложения, таможенных пошлин, гербовых сборов и торговых патентов. Однако за эти два с половиной года революции долг значительно увеличился, а дефицит возрос. Обладатели упраздненных должностей получили значительные компенсации, а реформы, проведенные во всех департаментах, обошлись нации не менее чем в 61 200 000 л., увеличив государственный долг до более чем 87 500 000 л. Между тем народ отказывался платить старые налоги задолго до их отмены Собранием, и теперь лишь с трудом удавалось собрать некоторую часть новых. Чтобы не только расплатиться с государственными кредиторами, но и покрыть расходы правительства, пришлось прибегнуть к новым выпускам ассигнаций, и весной 1791 года бумажные деньги упали в цене примерно на десять процентов. Металлические деньги стали дефицитом, их высылали из королевства или хранили в резерве. Для пополнения оборота были созданы ассигнаты достоинством в несколько шиллингов, и падение их стоимости затронуло все сословия. В сентябре 1791 года в обращении находилось ассигнатов на сумму около 48 125 000 лимонов.

Планы королевы.

Мария-Антуанетта и Людовик, принимая конституцию, преследовали лишь одну цель - обмануть нацию, пока иностранные державы не будут готовы действовать в их интересах. После возвращения из Варенна королева неоднократно призывала своего брата, императора Леопольда, организовать европейский конгресс для урегулирования французских дел. В распоряжении этого конгресса должна была находиться армия, но королева желала, чтобы войны удалось избежать. Она рассчитывала, что страна, находящаяся под страхом вторжения, с радостью примет посредничество короля и согласится на переделку конституции в соответствии с его желаниями. Она стремилась отделить дело короны от дела эмигрантов и конституционалистов. Она с горечью вспоминала оппозицию дворян правительству до 1789 года и глубоко возмущалась их последующим бегством как подлым дезертирством из королевского дела. Их нынешнее поведение мешало осуществлению ее собственных планов и усиливало чувство обиды. Они отказывались признать искренним согласие короля с конституцией; они будоражили страну угрозами вторжения и мести; и, представляя себя защитниками монархии, навлекали на Людовика подозрения в том, что он является их сообщником. "Труссы, - возмущенно писала она, - сначала бросить нас, а потом требовать, чтобы мы думали только о них и их интересах! К союзу с конституционалистами Мария-Антуанетта относилась так же отрицательно, как и к союзу с эмигрантами. Даже если бы они были готовы и способны внести некоторые изменения в конституцию, править на их условиях означало править под их опекой. Поэтому, делая вид, что действует заодно с ними, она с нетерпением ждала того дня, когда сможет спокойно показать свою руку и доказать, что они - ее орудия и дуры.

Состояние Европы.

Однако вероятность того, что европейский конгресс соберется, была невелика; еще меньше было шансов, что нации без сопротивления подчинятся иностранному вмешательству. Европа находилась в тревожном состоянии. Великие державы не доверяли друг другу и не желали действовать сообща. Империя, главой которой был брат королевы, состояла из более чем 300 государств, сильно различавшихся по размерам. Вестфальский мир, заключенный по окончании Тридцатилетней войны (1648), обеспечил князьям все права независимых и абсолютных правителей. Имперские институты находились в упадке. Военная организация империи была очень несовершенна и неэффективна для ее обороны. Сейм

состоял всего лишь из нескольких дипломатов, постоянно заседавших в Ратисбоне, которые были представителями больших государств и которым меньшие доверяли свои голоса. При Фридрихе Великом (1740-1786) Пруссия превратилась в сильную державу, которая выступала в качестве соперника Австрии внутри империи. Во всех важных случаях крупные государства следовали примеру императора или короля Пруссии, а между Венским и Берлинским кабинетами существовал ожесточенный антагонизм. Россия была еще одним государством, которое за последние сто лет возвысилось. Императрица Екатерина II была способной и амбициозной женщиной, которая воспользовалась соперничеством между Пруссией и Австрией, чтобы эффективно вмешиваться в дела Центральной Европы. На протяжении всего столетия все великие державы, руководствуясь честолюбием и желанием укрепить свои границы, проводили политику территориального обогащения. Людовик XIV отторг от империи Эльзас и Лотарингию; Фридрих Великий отторг от Австрии Силезию; в 1772 году Екатерина II, Фридрих Великий и Мария Терезия вместе лишили Польшу некоторых ее провинций; совсем недавно император Иосиф II, сын Марии Терезии, стремился присоединить Баварию к австрийским владениям и заключил союз с Екатериной для разорения Турции. В 1783 году Екатерина получила Крым, расширив таким образом свои владения до Черного моря. При таком положении вещей главная безопасность слабых государств заключалась в ревности, существовавшей между более сильными. Принцип баланса сил требовал, чтобы на карте Европы не происходило больших изменений и чтобы ни одна держава не делала территориальных приобретений, если другие не получат эквивалент. Так, противодействие Фридриха Великого сорвало проект Иосифа по присоединению Баварии. Традиционной политикой Франции была поддержка Швеции, Польши и Турции против агрессии, а готовность, с которой был осуществлен первый раздел Польши в 1772 году, полностью объяснялась упадком, в который впала французская монархия при Людовике XV.

Европа и революция.

В 1789 году, когда собрались Генеральные штаты, Иосиф и Екатерина были вовлечены в военные действия с Турцией, а Англия, Голландия и Пруссия угрожали принять участие в конфликте на стороне Порты. Эта война на востоке и возможность европейского конфликта отвлекали внимание от дел во Франции. Однако в феврале 1790 года предприимчивый и амбициозный Иосиф II умер, а его брат и преемник Леопольд II, принц холодного и осторожного нрава, поставил своей главной целью восстановить порядок в своих владениях, особенно в Венгрии и Бельгии, которые все еще находились в беспокойном состоянии из-за реформ Иосифа. Чтобы обезопасить Австрию от нападения Пруссии, он заключил в июле 1790 года договор с Фридрихом Вильгельмом II, племянником Фридриха Великого, в Рейхенбахе, и, чтобы более освободить свои руки, вступил в переговоры с Турцией. Он не имел ни малейшего желания пытаться восстановить абсолютную монархию во Франции. Континентальные государственные деятели считали, что там, где, как в Польше или Англии, существует конституционная форма монархии, исполнительная власть обязательно слаба и не может действовать энергично и решительно во внешних делах. Поэтому ни Леопольд, ни его канцлер Кауниц не стали препятствовать установлению конституционной монархии во Франции, которую они рассматривали как чистую выгоду для Австрии. Но после бегства королевской семьи в Варенн и проявления республиканских настроений в Париже иностранные принцы стали смотреть на дело Людовика как на дело королей и опасаться, что революционные принципы, распространившись за пределы Франции, сделают их собственные троны незащищенными. Леопольд, желая помочь сестре, искал союза с Фридрихом Вильгельмом и заключил мир с Портой в Систове. В Пильнице состоялась встреча двух союзных принцев, на которой они подписали декларацию, выражавшую их

готовность предпринять вооруженное вмешательство в дела Франции, если другие европейские державы объединятся с ними (27 августа). Практически эта декларация была не более чем угрозой. Ни Леопольд, ни Фридрих Вильгельм не думали о немедленном обращении к оружию. Английский кабинет под руководством Питта уже отказался принимать участие в совместных действиях. Союз между Австрией и Пруссией был пока лишь слабо скреплен и с недоверием воспринимался старой школой как австрийских, так и прусских государственных деятелей. Кроме того, дела на востоке требовали неустанного внимания. Польша, расположенная между тремя могущественными и хваткими соседями, была жертвой вечной анархии. Монархия была выборной, и короля сдерживало свирепое и мятежное дворянство, голосами которого он был посажен на трон. Крестьянство было угнетенным крепостным, а средний класс - лишенным политических прав; борьба короля и знати за власть привела к иностранному вмешательству, и Россия и Пруссия поочередно осуществляли господство в Варшаве. В мае 1791 года патриотическая партия, стремящаяся обеспечить национальную независимость путем создания сильного правительства, добилась принятия новой конституции, урезавшей привилегии дворян и сделавшей корону наследственной. Эта мера сразу вызвала враждебность Екатерины. Она поддержала ее противников и, чтобы беспрепятственно осуществить свои замыслы в Польше, заключила мир с Турцией и попыталась разжечь европейскую войну на западе, поощряя французских эмигрантов и подстрекая немецкие державы к вмешательству в их дела. Однако рвение Екатерины привело к тому, что Леопольд не захотел втягивать себя в военные действия, поскольку события на Висле имели для него гораздо большее значение, чем детали французской конституции. Поэтому, когда в сентябре Людовик согласился править в соответствии с конституцией, он отнесся к нему как к свободному агенту и в надежде, что конституционная партия сохранит перевес, остался глух к мольбам сестры добиться созыва европейского конгресса. Король Пруссии питал лютую ненависть к принципам революции, но польские дела и недоверие к Австрии удерживали его от того, чтобы выступить в качестве защитника дела Людовика. Таким образом, хотя континентальные принцы и согласились с тем, что революционный прилив должен быть остановлен, не было решено ни время, ни средства.

Новая законодательная власть.

В таком положении внешних дел собралось новое Законодательное собрание (1 октября), единственное, которое когда-либо собиралось в соответствии с конституцией, создание которой стоило стольких трудов. Оно состояло из 740 депутатов, представлявших исключительно революционную Францию. В нем не было ни приверженцев старого режима, ни реформаторов с аристократическими наклонностями. Правая сторона состояла теперь из конституционалистов, которые считали, что только при строгом соблюдении конституции можно безопасно провести страну между двойной опасностью реакции и анархии. Не доверяя королю, они считали его гораздо менее сильным противником, чем лидеры парижского населения, и стремились во всех случаях поддерживать его в безудержном осуществлении его конституционных прерогатив. Левая часть Собрания, хотя и была явным конституционалистом, в глубине души лелеяла желание установить более демократическое правительство и упразднить монархию. На этой стороне палаты заседала группа людей, отличавшихся молодостью, талантом и красноречием. Их называли жирондистами, потому что их главные ораторы - Верньо, Генсонне, Гваде и другие, ранее входившие в коллегия адвокатов Бордо, - были возвращены департаментом Жиронда. Эти люди были яркими демократами и республиканцами и в то же время защитниками принципа свободы личности. Они также были скептиками и теистами, наследниками страстного презрения и ненависти Вольтера к католицизму. Бриссо, который теперь имел место в палате, принадлежал к ним, а

его журнал стал признанным органом их партии. Их политика была продиктована главным образом теоретическим отвращением к монархическому правлению и нервным предчувствием последствий предательства Людовика. Однако, учитывая, что общественное мнение было в пользу конституции, они не строили определенных планов по ее уничтожению, а старались добиться принятия мер, призванных раскрыть двуличность короля и ослабить власть трона над привязанностью нации. Депутаты, составлявшие центр Собрания, искренне желали сохранения конституции, но не надеялись на добрую волю Людовика, а потому колебались между правыми и левыми, желая сохранить трон и в то же время боясь оказать исполнительной власти искреннюю поддержку или принять решительные меры для подавления мятежных движений.

Церковная политика.

Важные вопросы требовали решения в законодательном органе. Попытка церковного урегулирования, предпринятая Учредительным собранием, с каждым днем оказывалась невыполнимой. Во многих случаях административные органы прилагали все усилия, чтобы сохранить мир и сохранить церкви открытыми, как для иноверцев, так и для их соперников; но их усилия были безнадежны. Без постоянной военной силы было практически невозможно удержать обе стороны в их законных правах. В некоторых департаментах унтер-офицеры встали во главе восставших крестьян. В других они подвергались оскорблениям и бесчинствам. В Париже они могли совершать мессу только под охраной национальных гвардейцев. Летом 1791 года многие административные органы, ссылаясь на то, что никакими другими способами нельзя сохранить порядок, запретили неюристам служить в приходских церквях и обязали их проживать в главном городе департамента, вдали от своих бывших прихожан. Законодательному собранию ничего не оставалось, как отказаться от введения присяги или довести ее до логических последствий, а тех, кто отказывался ее принимать, рассматривать как врагов существующего порядка. Последний вариант лучше всего соответствовал предрассудкам большинства, которое обвиняло не присягнувших в том, что они являются единственными авторами бед, которые сама ситуация не могла не породить. Некоторые левые предлагали изгнать их в полном составе. Жирондисты ненавидели их как самых фанатичных католиков. Правые слабо пытались, ссылаясь на свободу вероисповедания, оставить все как есть; но центр здесь голосовал с левыми, и был принят декрет, лишавший неюристов пенсий и запрещающий им выступать на публике (25 ноября). Людовик, однако, отказался от своей санкции, и ситуация осталась неизменной.

Внешняя политика.

Вторым и не менее важным вопросом, стоявшим перед Собранием, была политика, которую следовало проводить по отношению к эмигрантам и иностранным державам. Курфюрст Тревесский и другие правители мелких государств, светских и церковных, на Рейне, поощряли и помогали эмигрантам вооружаться против Франции. Эти князья стремились вовлечь в военные действия более крупные государства империи. Их территории были одними из самых плохо управляемых в Германии, и они боялись, что революционные принципы окажутся заразными и затронут их собственных подданных. Кроме того, у многих из них были особые поводы для жалоб. В Эльзасе и Лотарингии они обладали правами сеньоров, закрепленными за ними Вестфальским договором, которых их лишили декреты от 4 августа (стр. 50). Однако этот вопрос мог быть легко урегулирован между Францией и Империей, если бы обе стороны были настроены на сохранение мира.

Принципы внешней политики, которых придерживались кабинеты министров Европы, и теории, провозглашаемые революционерами, находились в прямой оппозиции друг к другу.

Государственные деятели не принимали во внимание национальные силы и стремления, но, стремясь к территориальным приобретениям, готовы были распределять население одной расы и одного языка между разными хозяевами в соответствии с дипломатическими комбинациями. Напротив, доктрина народного суверенитета предполагала право на национальную независимость. Учредительное собрание публично заявило о неприятии французской нацией наступательных войн и доказало свои миролюбивые наклонности, ограничив армию 150 000 человек. Но бегство короля и сближение Австрии и Пруссии вызвали большую тревогу относительно намерений этих держав, а угроза вмешательства в Пильницкую декларацию глубоко оскорбила национальную гордость. Были приняты меры увеличению армии за счет дополнительных сил в 97 000 добровольцев. Законодательное собрание, как и учредительное, отказалось от идей агрессии и завоеваний, но быстро воспыало воинственным рвением. Он дал волю сильным чувствам ненависти к эмигрантам, приняв декрет, осуждающий на смерть как предателей всех французов, которые после конца года все еще будут находиться за границей с оружием в руках против своей страны (9 ноября). Людовик отказался санкционировать этот указ и тем самым усилил подозрения в том, что он является тайным сообщником тех, против кого он был направлен. Жирондисты желали войны с Австрией. Они понимали, что непосредственной опасности нападения со стороны великих держав нет, что и эмигранты, и пособничавшие им принцы, если их не поддержит император, бессильны; но они полагали, что во время войны двуличие короля будет ясно раскрыто, и считали более мудрым курсом, вместо того чтобы ждать нападения, начать военные действия, пока Леопольд еще стремится их избежать. Восторженная уверенность в том, что национальный дух будет до последнего бороться за свою независимость, и ожидание того, что принципы революции быстро распространятся среди других народов и заставят их подняться против своих правителей, заставляли жирондистов не сомневаться в успехе своего оружия. "Давайте скажем Европе, - восклицал пламенный оратор Иснар, - что если кабинеты вовлекают королей в войну против народов, то мы вовлечем народы в войну против королей". Из конституционалистов лишь немногие стремились избежать разрыва. Большинство ожидало войны как средства обеспечения верховенства своей партии и создания мощной армии под командованием Лафайета. Не составляло труда найти повод для ссоры с Леопольдом как с императором, так и с королем Венгрии и Богемии. Ассамблея пригрозила напасть на империю, если не будут рассеяны банды эмигрантов на границе. Затем, сменив позицию, она обвинила Леопольда в нарушении договора 1756 года между Францией и Австрией и заявила, что отказ от всех договоров, направленных против независимости французской нации, то есть его соглашение с королем Пруссии, будет приравнено к объявлению войны (25 января 1792 года). Такое враждебное отношение Собрания ускорило заключение оборонительного союза между Австрией и Пруссией, после чего Леопольд, не желая более откладывать военные действия, подлил масла в огонь, заявив о своем праве на вмешательство во внутренние дела Франции и обвинив Собрание в незаконном преобладании республиканцев и якобинцев.

Начало войны, возможно, удалось бы отсрочить, но вряд ли ее можно было предотвратить. Доктрины социального и политического равенства, провозглашенные французскими революционерами, не были, как аргументы из закона и прецедента, которые в семнадцатом веке были подняты на поверхность в английском Долгом парламенте, адаптированы только к стране, в которой они возникли. Они были применимы ко всем государствам Западной Европы. Поэтому они приобрели всю силу религиозной пропаганды. Как в XVI веке людей не спрашивали, немцы они или французы, а спрашивали, католики они или протестанты, так и теперь их в первую очередь спрашивали, на чьей они стороне - революционных взглядов или нет. Перед этим великим разделением мнений все национальные антагонизмы теряли

сравнительную значимость. Французский революционер не мог долго избегать горячего желания оказать действенную помощь своему брату-революционеру за границей, а немецкий или английский антиреволюционер не мог долго оставаться в стороне от борьбы, в то время как классы во Франции, которым он горячо сочувствовал, были притесняемы и угнетаемы.

Объявление войны.

В этот важный момент министерство было разобщено и не пользовалось доверием Собрания. В то время как Собрание желало войны, Делессар, министр иностранных дел, стремился сохранить мир. Военный министр Нарбонн, друг Лафайета, с такой энергией и энтузиазмом взялся за подготовку к военным действиям, что заручился поддержкой обеих сторон Ассамблеи. Бертран де Моллевиль, морской министр, был реакционером. Людовик из-за неприязни к Лафайету отстранил Нарбонна от должности. Бриссо воспользовался недовольством, которое этот шаг вызвал среди конституционалистов, чтобы выдвинуть против Делессара обвинение в государственной измене за предательство интересов Франции Австрии (10 марта). Это нападение привело к развалу кабинета, и Людовик, единственной целью которого теперь было безопасное течение следующих нескольких месяцев, до прибытия союзников в Париж, назначил на пост людей, представлявших мнения, господствовавшие в Собрании. Ролан и Клавьер, министры внутренних дел и финансов, принадлежали к жирондистам. Дюмуре, министр иностранных дел, был способным, самоуверенным и беспринципным солдатом, жаждавшим отличиться и сделать карьеру. 1 марта Леопольд умер. Его сын и преемник Франциск, молодой человек четырех и двадцати лет, который через несколько месяцев был избран императором, заботился о том, чтобы избежать разрыва, меньше, чем его отец. Новое французское министерство было прежде всего военным министерством, и по официальному предложению короля Ассамблея под громкие аплодисменты объявила войну Франциску, как королю Венгрии и Богемии (20 апреля). Войны часто начинались с минимальными основаниями для обид, но редко с большей опрометчивостью, чем когда Ассамблея таким образом вовлекла Францию в военные действия с Австрией, что неизбежно повлекло бы за собой войну и с ее союзницей Пруссией. Французские крепости не подлежали ремонту, а армия была полностью дезорганизована. С 1789 года сотни офицеров ушли в отставку, дезертировали или были изгнаны своими людьми. Согласно законам Учредительного собрания, офицеры избирались из рядового состава, а повышение в звании происходило в зависимости от выслуги лет. Однако сотни вакансий оставались незаполненными, а дезертирство как в армии, так и на флоте продолжалось. Из 150 000 линейных войск 50 000 еще не были набраны. 97 000 добровольцев, которых было приказано набрать, в большинстве своем были безоружны и необучены.

Робеспьер и якобинцы.

Опасность, грозившая стране, возбуждала со всех сторон подозрительность и недоверие, усиливая ожесточение партийных распрей и угрожая подорвать позиции как конституционалистов, так и жирондистов. Жирондисты, как и конституционалисты, были заинтересованы в дальнейшем изменении основ общественного строя. Если жирондисты придерживались более демократических представлений о жизни и правительстве, то под равенством они понимали только равенство прав и в полной мере были ревностными защитниками принципов внутренней свободной торговли и индивидуальной свободы. Кроме того, они были политическими пуристами и прецизионистами, которые, осуждая аристократию рождения и богатства, стремились основать аристократию таланта и добродетели. Поэтому, едва завладев министерствами, они вступали в резкое столкновение

с теми членами ультрадемократической партии, которые не разделяли их искренней преданности неосуществимым идеалам. К тому времени среди якобинцев уже начал проявляться отличный от них дух. Самый печальный результат длительного осуществления произвольной власти заключается в том, что она делает невозможным взаимное доверие. Наследием старой системы правления для новой Франции стало недоверие. Человек не доверял человеку, а класс не доверял классу. Тысячи людей, которые вступали в революцию, полные сентиментальных надежд и уверенности, теперь бросались в противоположную крайность. Они так мало знали своих собратьев, что не представляли, будто новое равенство будет воспринято с энтузиазмом даже теми, кто больше всех нажил на старом неравенстве; и теперь им казалось, что под каждым нежеланием принять все результаты революции скрывается глубокий замысел предать ее. Совершенная самоуверенность легко порождает самые глубокие подозрения; и те, кто после долгого уединения от участия в практической политике, на которое большинство французов было обречено веками, неизбежно не знали, как сложно устроено современное общество, с готовностью вообразили, что все, кто отличается от них, - предатели своей страны. Это подозрение было направлено не только против короля и тех представителей некогда привилегированных орденов, которые остались во Франции, но и на всех, кто превосходил их по положению или интеллекту. Многие, кого теории Руссо приучили безосновательно верить в чистоту и интеллект масс, научились не менее безосновательно не доверять каждому человеку, который хоть как-то поднимался над общим уровнем и предлагал себя с большей или меньшей квалификацией в качестве точки опоры для окружающего его дезорганизованного общества.

Человек, который в наибольшей степени олицетворял собой это преобладающее недоверие к любому превосходству, в конце концов на какое-то время получил то самое превосходство, которое он сам отрицал как желательное, но которое требовалось в силу самой необходимости человеческой природы. Таким человеком был Максимилиан Робеспьер. Адвокат из Арраса, он был настолько подвержен влиянию учения Руссо, что отказался от выгодной судебной должности, чтобы не быть вынужденным осудить на смерть своего товарища. От таких чувств жалости к человеческому роду до жестокости по отношению к отдельным людям во времена революции всего один короткий шаг. Те немногие, кто стоял на пути вступления народа в землю обетованную, где свобода, равенство и братство должны были стать общепринятыми правилами жизни, вскоре стали рассматриваться как чудовища зла, которых каждый добропорядочный гражданин обязан был смести с лица земли ради очень доброты. Время для такого запрета еще не пришло. Но Робеспьер, хотя он теперь и был исключен из законодательного органа, как член последнего собрания, всегда был начеку в рядах якобинцев, готовый сухим и едким тоном обратить внимание на каждый проступок тех, кто боролся за власть. В его сознании укоренились социальные и политические формулы одного лишь Руссо. Он заботился о равенстве и демократии. Свобода личности переставала его волновать, как только он находил возможность одержать верх над своими противниками, прибегая к оружию абсолютных и деспотических правительств. Он непременно становился опасным и жестоким противником. Его ум был логичен и узок, он был честолобив и завистлив ко всем, кто выше его, коварен и лицемерен, но искренен в достижении своих целей, не способен на сильную привязанность, на великодушный поступок или великодушное решение, и полностью лишен нравственного чувства. Любого, кто вставал на его пути, он сразу же считал личным врагом и предателем

народного дела. По темпераменту он был нервным и осторожным. Он никогда не становился во главе народных движений, всегда оберегал свои высказывания, чтобы они значили много или мало, в зависимости от обстоятельств, а в случае опасности откладывал до последнего момента, чтобы принять решительное участие. Робеспьер выступал против войны, так как считал, что и конституционалисты, и жирондисты вступили в нее с целью добиться для себя господства над Францией. Жирондисты обвиняли его в том, что он сделал себя кумиром народа, он же обвинял их в том, что они стремятся к власти в партийных целях. В итоге он полностью уничтожил ту популярность, которой первоначально пользовались Бриссо, Гваде и другие якобинцы. С тех пор как конституционалисты покинули его в июле 1791 года, общество стало еще более демократичным по своему характеру. Галереи были открыты для публики и обычно заполнялись самыми яркими революционерами, принадлежавшими к низшему и среднему классам. Среди этой публики Робеспьер завоевал полное доверие. Он выдвинул себя в качестве особого представителя народа, чья мудрость и доброта стали его постоянной темой. Он олицетворял недоверие, которое испытывали низшие классы к обладателям чина, богатства и таланта. Сам он был равнодушен к удовольствиям, которые может дать богатство, абсолютно неподкупен, оратор без каких-либо блестящих качеств, но по внешнему виду и языку всегда респектабелен. За Робеспьером, за всегдашним якобинцем и участником атаки на жирондистов, стояли Десмулен и другие, которых оскорбляла точность и исключительность Ролана и Бриссо, а также авантюристы и агитаторы самого низкого сорта, единственной целью которых было проложить себе путь к власти и должностям. Марат в своем журнале открыто обвинял жирондистов и конституционалистов в том, что они продались двору, и включал и тех и других в общий запрет, к которому он неустанно призывал парижский народ.

Административная анархия.

Партийные конфликты, разгоревшиеся в столице, повторились в департаментах. Центральное правительство было бессильно навязать единообразие действий. Ролан, министр внутренних дел, издавал циркуляры, внушающие обязанность повиноваться законам, но слова были бессильны сдержать страсти, которые выпустила на свободу революция. Каждый административный орган следовал своим собственным курсом, в зависимости от того, находился ли он под властью конституционалистских или жирондистских взглядов. В департаментах вокруг Парижа небольшие армии крестьян и разбойников, часто с муниципальными чиновниками во главе, устанавливали максимальные цены на кукурузу и другие продукты питания. В Лангедоке и Гиени повстанческие банды вымогали деньги и грабили деревенские дома. Но нигде административная анархия не была столь велика, а преступность столь распространена, как в четырех департаментах - Гар, Буш-дю-Рон, Воклюз и Лозер, где реакционные и революционные элементы вступили в жестокое столкновение. В Лозере предпринимались попытки возбудить среди крестьянства католическую реакцию, а в Жале был создан вооруженный лагерь, поддерживавший связь с эмигрантами. С другой стороны, муниципалитет Марселя, состоящий из воинствующих ультрадемократов, собрал 4 000 человек, разоружил швейцарский полк в Эксе и национальную гвардию Арля. Авиньон, находящийся под властью толпы, стал свидетелем совершения ужасных преступлений. Комрат Венассин принадлежал папе с 1273 года, а Авиньон, его главный город, - с 1348 года. После заседания Генеральных штатов на этой небольшой территории разразилась гражданская война между сторонниками и

противниками революционных принципов и союза с Францией. Учредительное собрание направило посредников, которые в январе 1791 года заключили мир. В сентябре 1791 года оно, наконец, приняло декрет о присоединении Авиньона и Комтата к Франции. Но было уже слишком поздно, чтобы предотвратить совершение самых жестоких деяний. Силы, собранные французской партией и набранные из самых низких слоев населения, поссорились со своими работодателями - муниципалитетом Авиньона. Несколько человек были заключены в тюрьму без учета возраста и пола. Один из офицеров повстанцев в отместку был зверски убит на улице. Его товарищи, возглавляемые Журданом, разбойником по профессии, в ответ хладнокровно убили шестьдесят и более заключенных - мужчин, женщин и детей, чьи тела они бросили в подземелье под башней папского дворца (октябрь 1791 года). Убийцы, хотя и были сначала заключены в тюрьму, впоследствии добились своего освобождения на основании амнистии, которую учредительное собрание перед своим разгоном приняло, распространив на все преступления, связанные с революцией.

Позиция жирондистов.

Неприкрытая враждебность Робеспьера, крики о максимальной цене на кукурузу, трагедия в Авиньоне, постоянно совершаемые беззакония и преступления встревожили жирондистов и удержали их от открытого разрыва с конституционалистами; Но они продолжали считать внутреннюю измену гораздо более опасной, чем насилие толпы, как для себя, так и для Франции, и, боясь дать исполнительной власти хоть малейшую возможность содействовать наступлению союзников, с ожесточением выступали против применения принудительных мер, как для подавления политической агитации в клубах, так и для удержания административных органов от выхода за рамки их законных функций. Они все еще сохраняли веру в то, что народ подчинится голосу разума, и считали, что если предательство Людовика однажды предстанет в ясном свете, буря революции утихнет с установлением республиканского правительства, и страна без труда вернется на путь закона и мира.

20 июня.

Чувство опасности заставило Собрание с еще большей готовностью прибегнуть к репрессивным мерам в отношении эмигрантов и неюридических лиц. Имущество, недвижимое и личное, эмигрантов было передано в ведение административных органов, а их доходы конфискованы государством. Декрет, на который, однако, король не дал своего согласия, уполномочивал каталогов департаментов изгонять из страны неюроров, отказавшихся принести клятву верности нации, закону и королю (27 мая). Сангвинические надежды на победу быстро развеялись. В апреле была перейдена бельгийская граница, но войска при первой же встрече с врагом в беспорядке бежали, не подчинившись своим офицерам, которых они обвинили в измене. Серван, военный министр, предложил сформировать вооруженный лагерь для защиты Парижа. Однако этот проект встретил серьезное сопротивление, и Собрание постановило (6 июня), что 20 000 добровольцев, набранных в департаментах, должны собраться в Париже, чтобы принять участие в праздновании федерального праздника 14 июля, в третью годовщину падения Бастилии. Реальной целью тех, кто поддерживал этот декрет, было иметь в Париже силы, с помощью которых можно было бы удержать власть над городом, если союзники проникнут вглубь страны. Людовик оставил этот декрет без санкции, как и тот, что был направлен против нелюдей. Агитаторы из секций попытались организовать вооруженную демонстрацию против такого осуществления конституционной прерогативы короля. Хотя вооруженные

демонстрации были незаконны, муниципалитет оказал лишь полусерьезное сопротивление. Байи сложил с себя полномочия осенью предыдущего года. Новый мэр, Петион, был жирондистом. Зимой половина муниципальных чиновников была переизбрана, а из новых членов многие были ультрадемократами. Лафайет, больше не возглавлявший национальную гвардию, командовал на восточной границе. Офицеры гвардии были в основном конституционалистами, но доверие к королю было столь мало, что лишь немногие были готовы действовать энергично и могли отвечать за поведение своих людей. Людовик, раздраженный давлением, оказанным на него Роланом, Клавьером и Серваном с целью санкционирования двух декретов, отстранил трех министров от должности (13 июня). Дюмуре, поссорившийся со своими коллегами, поддержал короля в этом шаге, но перед лицом враждебности Собрания сам сложил с себя полномочия (15 июня). Через три дня в Собрании было зачитано письмо Лафайета. Генерал осуждал якобинцев как авторов всех беспорядков, призывал Собрание сохранить прерогативы короны и заявлял, что его армия не потерпит нарушения конституции (18 июня). Возможно, увольнение министров и написание этого письма были мерами, согласованными между королем и Лафайетом. В любом случае, мотивом короля было возбуждение разногласий между конституционалистами и жирондистами, чтобы ослабить национальную оборону. Однако отставка министров была воспринята жирондистами как доказательство истинности их худших подозрений, и не было принято никаких мер, чтобы предотвратить осуществление проекта вооруженной, а значит, незаконной демонстрации против королевской политики. 20 июня тысячи людей с пиками или любым другим оружием, которое попадалось под руку, в сопровождении нескольких батальонов национальной гвардии прошли маршем от Сент-Антуана к залу Собрания. Депутация зачитала обращение с требованием отозвать министров. После этого вся процессия, мужчины, женщины и дети, танцую, распевая и неся эмблемы, продефилировала через зал. Подстрекаемые своими лидерами, они ворвались в Тюильри. Короля, занявшего место у окна, толпили в течение четырех часов. Чтобы угодить своим непрощеным гостям, он надел на голову красный колпак, который теперь обычно носили якобинцы в качестве эмблемы свободы, в подражание тому, который когда-то носил освобожденный римский раб. Он заявил о своем намерении соблюдать конституцию, но ни оскорбления, ни угрозы не смогли заставить его дать согласие на принятие двух декретов. Королева, отделенная от короля, сидела за столом, на котором лежал Дофин, подвергаясь взглядам и насмешкам толпы, которая медленно обходила дворцовые апартаменты. Наконец, но не раньше ночи, толпа покинула Тюильри, не причинив вреда, и порядок был восстановлен.

Этот мятеж и бездействие, если не попустительство, муниципальных властей вызвали всеобщее возмущение среди сторонников конституции. Лафайет прибыл в Париж и в зале заседаний Ассамблеи потребовал лично то, что до этого требовал письмом (28 июня). Для него, как и для других бывших членов Учредительного собрания, было делом чести оградить персоны короля и королевы от вреда. Были разработаны различные проекты по их вывозу из Парижа, но политика и чувства не позволяли Марии-Антуанетте воспользоваться ими. Их исполнение было сопряжено с опасностью, а цели их авторов были не ее. Единственным отблеском света на горизонте этой несчастной королевы было продвижение союзников. "Лучше умереть, - горько воскликнула она однажды, - чем быть спасенной Лафайетом и конституционалистами!"

Страна объявлена в опасности.

Несомненно, существовала вероятность того, что союзники дойдут до Парижа тем летом, но это чрезвычайно увеличивало опасность внутренней ситуации. По ту сторону Рейна

собралось 80 000 австрийцев и пруссаков. Чтобы противостоять их наступлению, в Меце и Седане было расквартировано всего 40 000 человек, половина из которых были новобранцами, никогда не видевшими огня. Новые министры были конституционными монархистами слабого типа, у которых не было ни энергии, ни решительной политики. Было известно, что армия не в состоянии отразить врага. Жирондистские ораторы нервировали Собрание вопросом, желают ли король и его министры, чтобы она находилась в таком состоянии? Как в Париже, так и в департаментах тысячи честных и патриотичных людей, испытывая отвращение к партийному насилию и не зная, на чью сторону встать, полностью уходили в частную жизнь или отправлялись служить на границу. Чтобы пробудить в народе чувство опасности, Ассамблея объявила во всех муниципалитетах, что страна находится в опасности. Призыв был воспринят с энтузиазмом, и в течение шести недель в армию записалось более 60 000 добровольцев. Герцог Брауншвейгский, главнокомандующий союзными войсками, опубликовал манифест, составленный эмигрантами. Если авторы этого поразительного прокламации намеренно хотели послужить целям тех французов, которые стремились разжечь ревность к войне, они не могли сделать ничего более подходящего для этой цели. Власть требовала от страны безоговорочного подчинения милости Людовика. Все, кто оказывал сопротивление, должны были рассматриваться как мятежники своего короля, а Париж должен был подвергнуться военной казни, если королевской семье будет причинен какой-либо вред.

10 августа.

Якобинцы открыто предложили свергнуть короля. Однако в Собрании их взгляды разделяло лишь небольшое число членов, которых называли "Горой", поскольку они занимали самые верхние скамьи слева. К несчастью, большинство отказалось принять к рассмотрению вопрос, решение которого в том смысле, на который указывали якобинцы, избавило бы от многих будущих страданий как короля, так и народа. В доме Ролана, уволенного жирондистского министра внутренних дел, обсуждались проекты защиты линии Луары в случае, если союзники дойдут до столицы. Мадам Ролан, талантливая, энергичная женщина, руководившая действиями своего мужа, была центром небольшого и бескомпромиссного кружка, готового содействовать уничтожению трона путем насилия. Но ведущие жирондисты - Верньо, Бриссо, Гваде и Генсонне - не желая, чтобы республика была обязана своим происхождением насилию, готовы были поддержать трон, если бы Людовик согласился поставить исполнительную власть в зависимость от законодательной и восстановить в должности покойных министров. Однако их предложения были отвергнуты, а тем временем готовилось второе восстание, целью которого было низложение короля. Объявив страну в опасности, Ассамблея разрешила парижским секциям, а также административным органам по всей Франции собраться в любой момент. Таким образом, секции получили возможность стать полностью независимыми от муниципалитета. В каждом из секционных или первичных собраний имели право голоса от 700 до 3 000 активных граждан, но лишь немногие стремились присутствовать на них, и таким образом постоянно получалось, что небольшое активное меньшинство говорило и действовало от имени апатичного конституционного большинства. Тысячи добровольцев проходили через Париж по пути к границе, некоторые из них были специально задержаны, чтобы принять участие в восстании. Муниципалитет Марселя по просьбе Барбару, молодого друга Роландов, отправил группу из 500 человек, которые впервые исполнили в Париже стихи, прославленные как "Марсельеза". Опасность была тем больше, что у каждой секции была своя пушка и специальный отряд канониров, которые почти все были на стороне революционеров. Напуганная и колеблющаяся Ассамблея не предприняла никаких попыток подавить агитацию, но 8 августа 406 голосами против 280 оправдала Лафайета по обвинению в измене, выдвинутому против него левыми,

на том основании, что он пытался запугать законодательное собрание. Это голосование было приравнено к отказу вынести Луи приговор о низложении. На следующую ночь началось восстание. Центр восстания находился в квартале Сент-Антуан, и его организаторами было небольшое число людей. Мандат, главнокомандующий национальной гвардией, был энергичным конституционалистом, который принял хорошо продуманные меры для защиты Тюильри. Но беспринципность заговорщиков оказалась сильнее его рвения. Вскоре после полуночи комиссары от двадцати восьми секций собрались в гостинице де Виль и заставили Генеральный совет муниципалитета вызвать Мандата к себе, а также разослать офицерам гвардии приказы, противоречащие ранее отданным. Мандат, не понимая, что происходит, повиновался вызову, а по прибытии был арестован и убит. После этого комиссары разогнали законный совет и узурпировали его место. В Тюильри находилось около 950 швейцарцев и более 4 000 национальных гвардейцев. Рано утром появились первые отряды повстанцев. На верность гвардейцев полагаться было нельзя, и королевская семья в сопровождении небольшого эскорта покинула дворец и укрылась в Собрании. Перед отъездом швейцарцам был отдан приказ отражать нападение силой, и вскоре звуки стрельбы разнеслись по Парижу. Король послал швейцарцам приказ отступить, которому они пунктуально повиновались. Одна колонна, проходившая через сад Тюильри, была перестреляна почти до единого человека. Остальные благополучно добрались до Ассамблеи, но несколько человек были убиты по дороге в тюрьму. В течение двадцати четырех часов царила самая страшная анархия. На улицах было совершено множество убийств. Нападавшие, несколько сотен которых погибли, разграбили дворец и убили всех, кого там нашли. Из 749 депутатов только 284 отважились присутствовать на заседании. Собрание наводнили плотные толпы, требовавшие низложения короля. Был принят декрет, объявлявший Людовика временно отстраненным от власти и созывавший Национальный конвент для определения будущей формы правления. Различие между активными и пассивными гражданами было отменено, и было введено избирательное право для мужчин. Ролан, Клавьер и Серван были восстановлены в должностях, а кандидат Горы Дантон назначен министром юстиции.

Трон, который на протяжении стольких веков был символом закона и порядка для французской нации, пал за один день перед атакой неорганизованной толпы. Однако сама легкость, с которой повстанцам удалось свою задачу, заставляет поверить в то, что катастрофа стала результатом давно действовавших причин. В самом деле, трон Людовика со времени встречи Генеральных штатов перестал быть символом закона и порядка. Не имея возможности руководить людьми, которых он когда-то называл своими подданными, Людовик превратился в препятствие на их пути. Вполне естественно, что он почувствовал недовольство ходом событий, которые свели его к тому ничтожеству, к которому только и подходил его характер. Даже в мирное время его номинальная власть раздражала и его самого, и тех, кто по-прежнему называл его королем. С началом войны его положение стало абсолютно несостоятельным. Он не мог не желать добра захватчикам, приход которых избавил бы его от унижений и личных ограничений. Одно лишь подозрение, что он желает им добра, - а такое подозрение было бы трудно заглушить, - вооружило бы против него всех, кто больше всего ценил независимость своей страны, или сделало бы их равнодушными к его падению. Даже если бы он ничего не сделал для помощи захватчикам, его пребывание на троне парализовало бы национальную оборону. Устранение причины этого паралича было первым шагом к реорганизации анархической Франции, которую вторжение сделало настоящей необходимостью. Хотя Людовик был убит жестокой и неуправляемой толпой, покорность Франции акту, совершенному от ее имени, была не просто результатом беспомощности, на которую французы были обречены веками деспотического правления. Это было молчаливое признание того, что Людовик занимает не свое место на троне.

ГЛАВА VI. ПАДЕНИЕ ЖИРОНДИСТОВ.

Покорность страны.

Департаменты пассивно приняли результаты восстания 10 августа. Люди опасались, что, оказывая сопротивление, они могут облегчить продвижение союзников. Лафайет, готовясь защищать дорогу на Париж, отказался признать законность совершенного. Собрание объявило его предателем, солдаты покинули его, и в компании с тремя другими членами покойного Учредительного собрания он бежал через границу, где все четверо были арестованы и заключены в тюрьму австрийцами. Само Собрание потеряло всякий контроль над ходом событий. Люди, которые отказались сделать правильный шаг - свергнуть Людовика, теперь должны были понести наказание. То, что могло быть осуществлено без потрясений со стороны учредительного или законодательного собрания, было сделано в результате бурного взрыва народного гнева. Собрание не смогло взять на себя инициативу, и после своего вопиющего подчинения диктату толпы оно лишилось моральной энергии и силы. Однако толпа, как бы сильна она ни была в разрушении, бессильна в восстановлении. Единственной организованной силой в Париже, способной перевести чувства населения в действие, были шестьдесят или семьдесят комиссаров, разогнавших законный муниципальный совет в ночь перед восстанием. Через несколько дней после этого они увеличили свое число путем новых выборов до 288 человек. Отныне этот нерегулярно избранный орган известен в истории как Парижская коммуна. На данный момент верховная власть практически принадлежала этой новой Коммуне. Она была сильна, потому что знала свой собственный разум, и потому что полностью принимала работу тех своих членов, которые сместили короля, подозреваемого в союзе с иностранным врагом. Среди вновь избранных членов был Робеспьер, единственный, кто до сих пор был замечен. Другие имена, такие как Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа, Эбер и Шометт, теперь впервые стали известны. Из этой массы многие были беспринципными авантюристами, другие - робкими временщиками.

♦ Восставшая Коммуна. ♦ Для некоторых из них занятие муниципальной должности было лишь ступенькой в их карьере наверх. Чем лучше люди уходили с должности или держались в стороне, тем более беспринципные и бессовестные выходили на авансцену. Министрам мешали и не подчинялись, Собранию угрожали, общественное имущество расхищали, производили многочисленные аресты, подавляли свободу слова. Конституционалисты в большинстве своем держались подальше от Собрания, и были приняты законы, которые до восстания были отвергнуты значительным большинством голосов. Неприсягающие должны были покинуть страну в течение пятнадцати дней под страхом десятилетнего тюремного заключения; не облагодетельствованные церковники, на которых клятва никогда не распространялась, подвергались той же участи, если шесть граждан их департамента присоединялись к требованию их изгнания. Имущество эмигрантов конфисковывалось и выставлялось на продажу. Административные органы и муниципалитеты были уполномочены выдавать ордера на арест лиц, подозреваемых в политических преступлениях. Этот закон, который можно сравнить с приостановкой действия закона Хабеас Корпус в Англии, в одночасье уничтожил гарантии против произвольных арестов и тюремного заключения, над созданием которых трудились Учредительное собрание.

И все же, несмотря на царивший террор, положение Коммуны было неуверенным. В департаментах у нее не было сторонников. В Париже она могла рассчитывать лишь на

несколько сотен рук и голосов. Ремесленники Сент-Антуана приняли участие в восстании, чтобы уничтожить трон, но не с намерением передать власть в руки нынешних должностных лиц, большинство из которых были людьми, совершенно неизвестными в славе. Собрание возмущалось их приходом к власти, и не было сомнений, что одним из первых действий Конвента станет попытка установить свою власть над Коммуной.

Сентябрьская резня.

Для достижения политического господства был разработан жестокий план, осуществлению которого способствовало продвижение противника. Союзники, шедшие из Кобленца, прибыли в Лонгви 20 августа. Он сдался через четыре дня. Следующим был осажден Верден. Дюмурье, командовавший вместо Лафайета, находился в Седане с 20 000 человек; Келлерман с еще 20 000 человек - в Меце. Если эти силы не объединятся до сдачи Вердена, путь на Париж будет открыт для врага. Все власти прилагали напряженные усилия, чтобы отправить людей на границу, и Дантон посвятил этой задаче неослабевающие силы и энергию. В министерстве он доминировал над своими коллегами-жирондистами, а его захватывающие призывы вызывали страсть и энтузиазм у любой аудитории, к которой он обращался. "Колокола, которые звонят, - кричал он, когда рекруты спешили на Марсово поле, - это не сигнал тревоги. Это сигнал к нападению на врагов нашей страны. Чтобы победить их, нам нужна дерзость, и еще раз дерзость, и еще раз дерзость, и Франция будет спасена". По его предложению Собрание постановило, что комиссары должны ходить из дома в дом и составлять опись оружия, лошадей и повозок. Этим постановлением Коммуна воспользовалась в своих целях. В течение двух дней и ночей шлабгаумы были закрыты, а многие сотни людей арестованы, в основном дворяне и конституционалисты. Двадцать четыре часа спустя, пока звонили церковные колокола и Дантон призывал граждан в армию, нанятые Коммуной банды убийц посетили тюрьмы и расправились с их заключенными. Работа велась под особым руководством комитета, состоявшего из муниципальных чиновников во главе полиции, к которому присоединились Марат и еще несколько человек, которые, как и он сам, не были членами Коммуны. Помимо политических заключенных, погибло множество обычных преступников, включая женщин и мальчиков, хотя в большинстве случаев женщин пощадили. В двух главных тюрьмах, Аббатстве и Ла Форс, наблюдалось некоторое подобие судебной формы. В Аббатстве дюжина человек назначила себя судьями с председателем во главе. Каждого заключенного по очереди вызывали к ним. Ему задавали один-два вопроса и без дальнейших обсуждений либо оправдывали, либо приговаривали к отправке в другую тюрьму, Ла Форс, что означало смерть. Когда приговоренный проходил через ворота тюрьмы, палачи, стоявшие без дела, обрушивали на его спину и голову удары. Улица была усеяна трупами и залита кровью.

Аналогичные сцены разыгрались в Ла-Форс, где Эбер выступал в качестве председателя трибунала. Резня в восьми тюрьмах продолжалась пять дней и ночей (2-7 сентября), в течение которых, по подсчетам, было убито более тысячи заключенных. Никаких мер по пресечению действий убийц принято не было. Министры и депутаты боялись даже резко осудить Коммуну, чтобы не обратить оружие убийц против себя. У них не было материальной силы, на которую можно было бы опереться. Сантерр, командовавший национальной гвардией, подчинялся Коммуне. Жители Парижа оставались совершенно пассивными, поскольку жестокость партийных разборок уничтожила энтузиазм в отношении политических идеалов и чувство общего долга. В разгар бойни пришло известие о падении Вердена, и неопределенность собственной судьбы убила в людях сочувствие к судьбе тех, кого справедливо или несправедливо обвиняли в попустительстве врагу. Что касается Парижа, то устроители резни преуспели в своем деле. Выборы в Конвент проходили в то

время, когда в городе царил ужас, и от Парижа были избраны двадцать четыре человека, некоторые из которых были соучастниками преступления и ни один из которых не был готов его осудить. Аналогичным образом была предпринята попытка повлиять на выборы в департаментах. Был разослан циркуляр, подписанный Маратом и его коллегами, призывающий страну последовать примеру столицы и убивать предателей. Этот призыв к расправе, однако, имел небольшой успех. В нескольких городах были совершены убийства по наущению агентов Коммуны, но в целом выборы прошли без беспорядков.

Кампания 1792 года.

После сдачи Вердена Дюмуре все еще находился в Седане, а Келлерман - в Меце. Между союзниками и равниной Шампани был только естественный барьер, Аргонский лес, гряда лесистых холмов. К счастью для Франции, союзники медлили со всеми своими действиями. Кампания, вместо того чтобы начаться весной, была отложена до осени, когда сезон был менее благоприятным, а Франция лучше подготовлена к сопротивлению. Герцог Брауншвейгский был осторожным полководцем, завоевавшим свою военную репутацию в Семилетней войне. С 80 000 человек он не считал возможным сохранить свои коммуникации и безопасно занять Париж. Поэтому он предложил захватить крепости на Мёзе и отложить операции против столицы на следующую весну. Но король Пруссии, который лично принимал участие в войне, стремился дойти до Парижа и освободить королевскую семью. После падения Вердена герцог согласился, но продвигался вперед медленно и неохотно. Тем временем Дюмуре стремительными маршами добрался до леса и занял проходы, ведущие через него. Вытесненный с позиций по мере продвижения Брунсвика, он собрал своих людей на равнине и занял позицию у Сен-Менеульда, где к нему присоединился Келлерман. Непрерывно прибывали новобранцы, так что объединенные французские силы насчитывали 60 000 человек. Спустившись на равнину, союзники заняли позицию между французской армией и Парижем. Погода была очень сырой, дороги почти непроходимыми, и армия вторжения с трудом снабжалась хлебом. Размещение гарнизонов в Лонгви и Вердене, а также болезни сократили эффективные силы под командованием Брунсвика до 40 000 человек, и он не мог продвигаться к Парижу, оставляя армию Дюмуре непобежденной позади себя. Король жаждал сражения, но Брунsvик убедил его не пытаться штурмовать французские позиции, а просто открыть канонаду по войскам Келлермана, которые расположились перед войсками Дюмуре на высотах у деревни Вальми (20 сентября). Эта канонада стала поворотным пунктом кампании. Молодые французские новобранцы так хорошо выдержали огонь, что союзники приняли решение об отступлении. После этого австрийские войска были отозваны для обороны Бельгии, и таким образом план Брауншвейга по удержанию линии Мёз стал неосуществимым. Верден и Лонгви были эвакуированы, а пруссаки отступили к Кобленцу (октябрь).

Конвенция.

Законодательное собрание уступило место Конвенту 21 сентября, на следующий день после канонады Вальми. Сразу же был принят декрет об отмене монархии, а следующий день отныне считался первым днем Французской республики. Новая Ассамблея состояла из 749 членов, из которых 186 принадлежали к Законодательному собранию, 77 - к Учредительному, а 486 были новыми людьми. Конституционалисты, путем запугивания или из-за недостатка общественного духа, удерживали от голосования, и среди всех депутатов не было ни одного, кто бы не проголосовал за отмену монархии с настоящим или притворным энтузиазмом. Жирондисты теперь сидели справа, образуя консервативную часть палаты. Верньо, Бриссо, Генсонне и Гуаде были переизбраны, а вокруг них собрался целый комок новых членов, среди которых были Бузо, Петион, Барбару, Луве и другие, разделявшие их взгляды.

Парижская депутация, вместе с примерно тридцатью депутатами от департаментов, теперь образовала Гору, расположившись, как и в прошлом Собрании, на самых верхних скамьях слева. Здесь были Марат и другие руководители массовых убийств, несколько муниципальных чиновников, в том числе Робеспьер, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа, герцог Орлеанский, который, чтобы польстить толпе, теперь называл себя Филиппом Эгалите, Десмулен и Дантон, который оставил пост министра юстиции, чтобы сохранить свое место в Собрании.

Жирондисты и Гора.

С самого начала работы Конвента между жирондистами и Горой была объявлена непримиримая вражда. Чтобы обеспечить независимость Конвента и верховенство своей партии, жирондисты стремились привлечь к ответственности виновных в массовых убийствах и уничтожить господство Коммуны. Они возмущались пятном, брошенным на революцию, и стремились доказать Европе, что резня была делом рук нескольких наемных убийц, а не, как пытались представить парижские депутаты, стихийного восстания народа столицы, чтобы отомстить предателям. Внешне их положение было прочным. Через своих сторонников, занимавших министерства, они руководили правительством и внешними сношениями. Они были полны энтузиазма, блестящи, красноречивы; на их стороне было право, и страна, и Конвенция разделяли их отвращение к совершенным преступлениям. Однако трудности на их пути не были легко преодолимы. Коммуна управляла столицей и имела в своем подчинении банды воров и убийц, преступления которых обязывали их поддерживать Коммуну. Департаменты не принимали участия в восстании 10 августа, но беспрекословно признали его результаты, и преобладание Парижа над ними приобрело силу неоспоримого факта. Общественный дух, кроме того, больше не существовал среди широких масс людей. Первичные собрания были почти безлюдны, и лишь немногие из многих тысяч, чьи имена были записаны в национальную гвардию, несли активную службу. При таких обстоятельствах задача разгрома преступной группировки, которая через Коммуну и секции управляла городом, была в любом случае трудной, а для жирондистов особенно невыполнимой. Они не разбирались в ведении дел и были сильными партийцами, крайне доверчивыми и подозрительными по отношению ко всему, что находилось за пределами их собственного круга. Они стояли на очень узкой почве. Республиканский пыл и ненависть к католицизму делали их суровыми и нетерпимыми ко всему, что касалось реакции. Отвращение к преступности и гордость за свое дело не позволяли им идти на компромисс и иметь дело с людьми, чьи руки, по их мнению, были запятнаны кровью сентябрьской резни. У них не было ни традиций чиновничества, ни большого потенциала, который создает правительство, способное возглавить смятенную нацию. Поэтому они не пытались примириться с конституционалистами, не пытались сломить власть Коммуны, разделив ее лидеров и подкупив ее сторонников деньгами и должностями. Как партия они не внушали доверия. У них не было ни организации, ни союза, и, постоянно расходясь во мнениях между собой, они часто голосовали на противоположных сторонах. Их главный оратор, Верньо, обладал талантом высокого порядка и качествами, в которых партия, как тело, испытывала заметный недостаток - сдержанностью и дальновидностью; но он был человеком уединенных привычек и непритязательного нрава, у которого не было ни вкуса, ни склонности к положению лидера партии. Поэтому жирондисты никогда не выдвигали серию хорошо продуманных мер для достижения своих целей и никогда не могли добиться рабочего большинства в Конвенте. Вспыльчивые ораторы туманно угрожали предать Коммуну суду, делали яростные нападки на всю парижскую депутацию и, выделяя двух наиболее влиятельных ее членов, Робеспьера и Дантона, обвиняли их в стремлении вместе с Маратом образовать триумvirат, а Робеспьера в особенности - в стремлении к диктатуре.

Общие обвинения такого характера не могли быть обоснованы и были легко отвергнуты. Где, спрашивал Робеспьер, оружие и люди, с помощью которых он мог бы добиться диктатуры, а жирондистов он обвинял в стремлении посеять раздор, клевета на Париж. Нелегко было возложить на него даже обвинение в том, что он является автором массовых убийств. Все члены Коммуны, без сомнения, несли непосредственную ответственность за произошедшее, но обвинять в бездействии в качестве доказательства вины вряд ли подобало людям, которые входили в состав законодательного органа в то время, когда Робеспьер находился в гостинице де Виль, и выражали враждебность жирондистам; но до сих пор остается спорным, насколько глубоко он был замешан. Дантон, хотя и не был членом восставшей Коммуны, занимал пост министра юстиции. Он, конечно, не пытался остановить руки убийц, но нет никаких доказательств того, что именно он дал сигнал к пролитию крови, и официально он был не более ответственен, чем Ролан, который был министром внутренних дел. Однако именно к Дантону жирондисты относились с наибольшей подозрительностью и недоверием, именно на него они охотнее всего нападали и именно его стремились раздавить. Для них он был олицетворением порока. Его язык был циничен, он презирал угрызания совести в действиях; преступление не могло его взбунтовать; они считали его продажным и запятнанным кровью, а он презирал их как щепетильных политиков, которые не понимают условий, в которых работают, и которые, будучи слишком щепетильными в выборе инструментов, позволяют власти ускользать из их рук. Тем не менее он желал примирения с ними. Он признавал ценность их бескорыстия и патриотизма и понимал, что чем более узкой и преступной будет основа, на которой покоится республика, тем меньше будет ее прочность, и тем меньше будет возможностей для его влияния. Не руководствуясь мелочными соображениями, лишенный зависти и обиды, Дантон был единственным человеком слева, как и Верньо справа, в чьих речах не было и следа личной неприязни.

Политика центра.

Центр Конвента, часто называемый "равниной", состоял в основном из новичков из департаментов, которые ненавидели Марата и его доктрины и возмущались тиранией, которую осуществляла Коммуна. Но вместо того, чтобы отдать бесспорную победу правым, они придерживались более безопасного курса временной политики между двумя партиями. Они опасались вступать в жестокие столкновения с беспринципной Коммуной и считали преувеличенные обвинения, выдвинутые против Робеспьера и Дантона, плодами яростной партийной ненависти. Неудивительно, что люди, принявшие результаты последнего восстания, колебались, отправлять ли Дантона на эшафот, или сомневались, сможет ли революция, зашедшая так далеко, продержаться без него. Его заслуги в организации национальной обороны были несомненны. Не было человека, способного своим звенящим голосом, бурной жестикуляцией, резким энергичным языком вызвать народный энтузиазм. Жирондисты не были ораторами толпы, но Дантон был в своей тарелке как в Конвенте, так и на улицах.

Перевыборы Коммуны.

Борьба, постоянно возобновляемая жирондистами, но так и не завершившаяся победой, привела к укреплению позиций Горы. На галереях палаты обычно находились приверженцы якобинцев, которые аплодировали депутатам слева и улюлюкали тем, кто был справа. Петиционеры, часто в сопровождении вооруженных толп, вторгались в Конвент, угрожая восстанием, если их требования не будут выполнены. Жирондисты выдвинули проект о предоставлении Конвенту платной гвардии в 4 000 человек, набранных в равных пропорциях из департаментов. Но он так и не стал законом, и в случае разрыва с Коммуной Конвенту не на что было рассчитывать, кроме как на новобранцев, проходящих через Париж по пути к

границе. В итоге был принят закон о пере выборах Коммуны. Однако, поскольку жители города из-за страха или безразличия не пришли на выборы, результатом выборов стало лишь утверждение существующей партии у власти. Хотя с 10 августа в городе действует избирательное право для мужчин, во многих секциях присутствовало не более 150 или 200 избирателей из многих тысяч, имевших право принять участие в выборах. Шометт и Эбер, а также другие члены революционной Коммуны были переизбраны. Новая Коммуна была полностью организована только в июле 1793 года. Тем временем ее Совет в гостинице де Виль, часто сокращенный до двадцати членов вместо девяноста шести, управлял Парижем под руководством Шометта и Эбера.

Завоевание Савойи, Майнца и Бельгии.

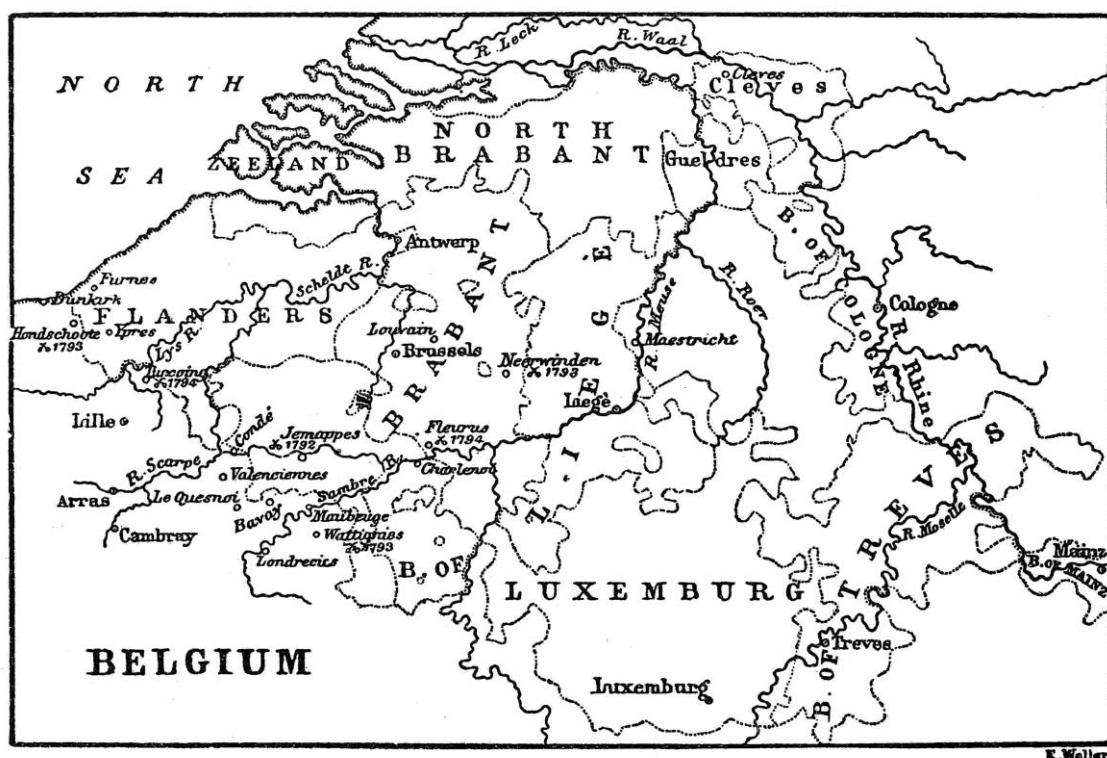
Война усугубила трудности внутреннего положения. Поначалу успех сопутствовал французскому оружию. В сентябре французские войска заняли Ниццу и Савойю, часть владений короля Сардинии, неприкрытая враждебность которого дала Франции повод к объявлению войны. В то время как австрийцы и пруссаки вторглись в Лотарингию, французский генерал Кюстин с 18 000 человек выступил из Эльзаса против небольших светских и церковных государств на Рейне. Нигде не было предпринято серьезных попыток сопротивления. Мелкие правители объявляли о своем нейтралитете или бежали в Кобленц. Важная крепость Майнц капитулировала. С этого пункта Кюстин мог перехватить отступление пруссаков из Лотарингии; но, желая продвинуть свои завоевания дальше, он перешел Рейн и занял Франкфорт, откуда командовал окрестностями (ноябрь). После отступления союзной армии через Аргонны Дюмуре поспешил осуществить проект вторжения в Бельгию, где крепости не подлежали ремонту, а подготовка к сопротивлению была незначительной. У деревни Жеммапс произошло сражение (6 ноября), в котором австрийцы потерпели поражение. Они отступили за Мёз, оставив французов в неоспоримом владении страной.

Внешняя политика Конвента.

Победа при Жеммапсе, первом сражении, была встречена бурными аплодисментами от одного конца Франции до другого. Когда Законодательное собрание объявило войну Австрии, оно представляло Францию как страну, проводящую чисто оборонительную политику, и отвергало завоевательные войны как противоречащие праву каждого народа самостоятельно определять свою судьбу. Теперь, когда Франция владела завоеванными территориями, неизбежно встал вопрос о том, как с ними поступить. Идея чисто дипломатического использования этих территорий и возвращения их в случае необходимости прежним правителям без учета пожеланий жителей не нашла сторонников. Вопрос заключался в том, следует ли оставить жителям реальную свободу выбора формы правления, или же Франция должна повлиять на их решение.

С начала войны Конвент воспыал желанием распространить принципы революции далеко за пределы Франции. Он надеялся, что с продвижением французских армий народы восстанут против своих правителей и что не только континентальные страны, в которых старые аристократические институты были в полном порядке, охотно примут французскую помощь для создания общества и правительства на новой основе, но что даже в конституционной Англии народ будет настаивать на установлении французской системы. Превозносясь над тем, чего они уже достигли, французские энтузиасты недооценили мощь противостоящих им сил и упустили из виду, что в Англии существует сильное чувство национальности, и что при благоприятных для его развития обстоятельствах оно может проявиться даже в тех странах, где оно казалось наиболее мертвым, как в Германии и в Италии. Под влиянием таких грубых побуждений Конвенция нанесла серьезное оскорбление

правительствам, находящимся в мире с Францией, издав прокламацию, предлагающую помощь всем народам, желающим обрести свободу (19 ноября).

БЕЛЬГИЯ

Е. Веллер.

Вопрос об аннексии Бельгии.

Желание распространить революционные принципы сильно повлияло на политику, проводимую Конвентом по отношению к своим завоеваниям. Аннексия завоеванных территорий предполагала проведение в них изменений, уже осуществленных во Франции. Для небольших территорий сохранение политической независимости было практически неосуществимо в условиях столкновения великих держав. Поэтому Конвент быстро склонился к политике насильственной аннексии, которую они пытались скрыть, принимая голосование своих сторонников за выражение народной воли. Существовали и другие мотивы. Пробудилось стремление расширить французскую границу до Альп и Рейна. В случае аннексий финансовые трудности правительства уменьшились бы. Церковное имущество на вновь приобретенной территории становилось национальным достоянием, а обладание новыми ценными бумагами повышало стоимость ассигнаций. В Савойе и Ницце, а также в Льеже и небольших государствах у Рейна царило недовольство, и немалая часть населения желала союза с Францией. Но в Австрийских Нидерландах дело обстояло иначе. Духовенство и феодальная аристократия обладали большим влиянием; существовали формы конституционного правления, и была влиятельная партия, которая стремилась сохранить политическую независимость от Франции, отказавшись от связи с Австрией. Конвентом был принят декрет о присоединении Ниццы и Савойи к Франции, но он не решался аннексировать Австрийские Нидерланды. Его колебания объяснялись не только тем, что лишь меньшинство населения желало союза. Необходимо было учитывать и другие последствия. Попытка объединить Бельгию наверняка вовлечет Францию в военные действия с новым и грозным врагом. На протяжении веков кардинальным пунктом

английской внешней политики было то, что Бельгия должна обладать силой, способной противостоять французской агрессии, и продление войны осуждалось всеми депутатами, которые заботились о восстановлении внутреннего порядка и устоявшегося правительства. Война с Англией серьезно увеличила бы расходы правительства, которые и так покрывались только за счет новых выпусков ассигнаций, а последовавший за этим стремительный рост цен причинил бы страдания рабочим классам и предоставил в распоряжение Коммуны средства для возбуждения недовольства против Конвента. Альтернативный план создания независимой бельгийской республики был желанным для Дюмурье и некоторых членов Конвента. Однако было маловероятно, что этот план сможет предотвратить войну с Англией. Английские государственные деятели были так же не согласны с созданием Бельгийской республики, как и с присоединением страны к Франции. Фактически Конвенция могла сохранить мир, только отказавшись от принципов, на которых она действовала, и дав обещание вернуть Бельгию Австрии. Кроме того, существовала непосредственная причина для ссоры. После того как французские войска оккупировали Бельгию, Конвенция провозгласила свободное судоходство по Шельде, которая по европейскому соглашению, устраивавшему Англию и Голландию, но губительному для торговли Антверпена, была закрыта для торговли. Эта мера вызвала сильное недовольство Англии как усиливающая французское влияние и сама по себе рассматривалась как достаточное основание для объявления войны. Хотя освобождение Шельды соответствовало новым принципам прав наций, не признанным кабинетами, но являвшимся не более чем принципами самой справедливости, оно противоречило договорам, участниками которых были и Англия, и Франция. Декрет от 19 ноября (стр. 131), который французское правительство отказалось отозвать, рассматривался как прямое подстрекательство подданных к восстанию. Принятие нового декрета (15 декабря), предписывавшего французским генералам провозглашать везде, где бы они ни находились, суверенитет народа, подавление существующих властей, отмену феодальных прав и привилегий, стало вторым явным намеком Европе на то, что Франция намерена распространить революционные принципы за пределами своих границ.

Часть Конвента желала, во что бы то ни стало, осуществить немедленную аннексию Бельгии, а затем вторгнуться в Голландию, в соответствии с планом, предложенным Дюмурьезом. Голландия находилась в мире с Францией, но не было никаких сомнений в том, что в случае войны между Англией и Францией статс-дама, которую поддерживало на своем посту английское и прусское влияние, присоединится к коалиции. Однако большинство, возглавляемое жирондистами, не решалось принять этот курс. Хотя в их умах жило желание разжечь революционные движения в других странах, включая саму Англию, они стремились, исходя из чувства внутренней опасности, которое с каждым днем становилось все сильнее, ограничить поле войны и одновременно сохранить мир с Англией и вывести Пруссию из коалиции. Для достижения своих целей министры были готовы отказаться от проекта вторжения в Голландию, позволить королю и его семье покинуть Францию и отложить окончательное урегулирование вопроса о Бельгии до заключения мира. Но ни расположение короля Пруссии, ни английский народ не позволяли прийти к какому-либо пониманию на этих условиях.

Австрия и Пруссия не желали заключать мир.

Принцы-союзники вступили в войну не из чистого рыцарства и не собирались выходить из нее, пока не получат то, что на дипломатическом языке называется репарациями, то есть территориальными приобретениями либо за счет Франции, либо за счет какого-нибудь нейтрального государства. Незадолго до начала военных действий Екатерина II предложила Фридриху Вильгельму второй раздел Польши. Король, хотя и был обязан двумя договорами

сохранять целостность Польши, согласился на это. Таким образом, именно на Польшу он рассчитывал в качестве компенсации, а ее помощь в войне против Франции была ценой, которую он заплатил за согласие императора на его приобретения на востоке. Франциск, со своей стороны, рассчитывал на завоевания во Франции, а также имел в виду возрождение проекта Иосифа о передаче Бельгии курфюрсту Баварии в обмен на эту страну. Изучение карты Европы ясно показывает, что этот обмен был бы выгоден Австрии в плане консолидации ее владений и усиления ее преобладания в империи.

Англия и революция.

В то время как личные чувства Фридриха Вильгельма втягивали его подданных в войну, к которой они не испытывали никакого энтузиазма, общественное мнение в Англии вынуждало правительство занять враждебную позицию. Уильям Питт, поддерживаемый королем, деревенскими джентльменами и средними торговыми слоями, в 1783 году пробился к власти в результате острой борьбы, в которой была свергнута аристократия вигов. Как глава партии тори он исповедовал торизм, сильно отличавшийся от прошлого торизма Харли и Сент-Джона, которые боролись с диссидентами и меркантильным классом, и от будущего торизма Элдона, который должен был бороться с улучшениями. В одном смысле он был английским Тюрго. Он был в первую очередь министром мира, и он взял на себя инициативу, иногда намного опережая общественное мнение своего времени, в продвижении проектов финансовых и экономических реформ. Эти проекты он рассматривал с точки зрения высочайшей государственной мудрости. Он стремился связать Англию и Ирландию торговым союзом, который ему не удалось воплотить в жизнь. Он стремился связать Англию и Францию торговым договором, который расширил связи между двумя странами. Не его вина, что даже парламент, в котором он имел так много сторонников, отверг план парламентской реформы, который мог бы далеко связать класс с классом в самой Англии. И все же, даже несмотря на неудачи, его усилия, направленные на благо, сделали его правительство неприступно сильным. Падшая аристократия вигов, действительно, сильно отличалась от эфетных привилегированных орденов Франции. Среди ее членов и последователей были такие энергичные и масштабные политики, как Фокс и Берк. Его традиции - это традиции людей, воспитанных бороться за свои идеи в открытом свете публичности и поддерживать свое дело аргументами перед своими товарищами. И все же в нем было что-то от тех недостатков, которые сделали континентальную аристократию непопулярной. Она была узкой и исключительной, склонной рассматривать должности и богатства как особые привилегии своих членов. Против такой аристократии Питт выступал как защитник равенства, насколько это позволяли условия английского общества. Представляя короля и средние слои, он выступал за рациональное правительство, основанное на лучших достижениях политической науки того времени. Было невозможно, чтобы в случае начала войны с Францией он продолжил работу над внутренними реформами. События, происходящие во Франции, были лишь поверхностно осмыслены в Англии. Поначалу некоторые виги, вслед за Фоксом, сочувствовали революционному движению, ставившему своей целью установление конституционного правления. Как только во Франции начались беспорядки и насилие, значительная часть вигов, включая большинство крупных землевладельцев, присоединилась к тори и стала относиться к этому движению с недоверием, хотя последние были уверены в Питте, который стремился поддерживать дружбу между двумя правительствами. Ни одна из сторон не осознавала, что революция была вызвана не только политическими, но и социальными причинами и что ее истинной целью было завершить разрушение старого феодального порядка, давно уже медленно приходящего в упадок. Особые причины недовольства, действовавшие во Франции, остались незамеченными. Сравнительное превосходство правительства в Англии

сделало англичан черствыми к прошлым злоупотреблениям Франции. Факт был очевиден: революция объявила войну устоявшимся институтам, а проявила пропагандистские тенденции. Поэтому общественное мнение вскоре решительно выступило против нее. Уже в 1790 году Берк, оторвавшись от Фокса, опубликовал свои "Размышления о Французской революции", в которых его красноречивые заявления против людей, разрушающих преемственность между прошлым и настоящим, помогли перерасти недоверию, уже существовавшему в умах его соотечественников, в страх и ненависть. После падения трона и сентябрьской резни возникла сильная тревога, что распространение демократических принципов приведет к подобным потрясениям в Англии. На самом деле никакой опасности не было. Средние классы не завидовали высшим; народ не голодал. Общества, созданные для пропаганды французских принципов, собрали всего несколько сотен сторонников, что служит убедительным доказательством непоколебимого нрава народа в целом. Однако паника, пусть и необоснованная, была неподдельной. Чтобы обезопасить себя от опасности, правящие классы хотели подавить революцию силой оружия и громко требовали перекрытия Шельды и эвакуации Бельгии в качестве цены за мир.

В то время как его сторонники требовали войны, Питт все еще стремился предотвратить разрыв. В надежде заключить европейский мир он выступил с предложениями о посредничестве в Берлине и Вене. Однако его предложения были восприняты холодно, поскольку и император, и король рассчитывали получить выгоду от продолжения военных действий. Война, таким образом, становилась неизбежной. Французские министры дошли до крайности, когда ради нейтралитета Англии оставили Голландию нетронутой и предложили отложить решение вопроса о Бельгии до заключения мира. Добиться большего от Конвенции было не в их силах, да и не в их желании. Удовлетворить требования Англии, перекрыв Шельду и восстановив старый порядок вещей в Бельгии, представлялось массе депутатов, независимо от партии, как низкий и трусливый отказ от принципа. По мере того как враждебность Англии становилась все более явной, в Конвенте набирала силу партия, выступавшая за немедленную аннексию; а тем временем произошло событие, которое привело к тому, что баланс сил, до сих пор находившийся на стороне Жиронды, перешел на сторону Горы.

Суд и смерть короля.

С момента падения трона король и его семья находились в суровом заточении в Храме, старинном замке, некогда принадлежавшем рыцарям-тамплиерам. После долгих и бурных дебатов Конвент постановил, что Людовик должен предстать перед судом. Обвинение, которое можно было справедливо выдвинуть против него, заключалось в том, что, взяв на себя обязательство править в соответствии с конституцией, он обратился за иностранной помощью, чтобы свергнуть ее. Но за это он был свергнут, и ни страна, ни Конвент не имели ни оснований, ни права мстить ему за попытку освободиться от несостоятельного положения, которое Учредительное собрание потребовало от него принять. Депутаты, однако, оценивали поведение Людовика в свете своих собственных теорий. Они поставили нацию на место короля, а затем обвинили Людовика в измене, поскольку он устроил заговор против воли суверенного народа. Никто не сомневался в его виновности; мало кто сомневался в том, что за это полагается смертная казнь. Многие, однако, даже из тех, кто считал, что его преступление заслуживает смерти, желали не проливать его кровь, а просто удовлетворить свою республиканскую гордость, приговорив его к изгнанию или плену до конца войны. Министры надеялись, что, подвесив меч над его головой, они окажут давление на Пруссию и побудят ее отказаться от союза с Австрией в обмен на свободу королевской семьи. Монтаньяры, или представители Горы, однако, добивались жизни Людовика. Они

жаждали бросить вызов государям Европы и доказать свое стремление к равенству, отправив Людовика на эшафот. "Давайте, - говорил Дантон, - повергнем перед Европой, как перчатку битвы, голову короля". Кроме того, монтаньяры были полны решимости вовлечь большинство своих коллег-депутатов в акт, который должен был объединить их неразрывными узами. Суд мог быть лишь формой; виновность Людовика была предрешена. Вопрос о том, какой приговор должен быть ему вынесен, стал предметом ожесточенного партийного конфликта. Гора пустила в ход все имеющиеся в ее распоряжении механизмы, чтобы запугать Конвент. В клубах и секциях раздавались крики о "крови тирана", а невежественное население учило верить, что существующие высокие цены каким-то оккультным образом связаны с пребыванием Луи в плену. По мере того как процесс затягивался, жирондисты все больше тревожились из-за опасности своего положения и возможности поражения; но не ради Франции и тем более не ради Людовика они были готовы опровергнуть прошлые деяния своей политической жизни, объявив его невиновным. Ведь если бы Людовик не был в сговоре с врагом, где было бы оправдание восстанию 10 августа? Они, как и он, поклялись соблюдать конституцию. Дважды Людовик предстал перед Конвентом: один раз, чтобы выслушать обвинение, второй раз, когда его адвокат выступал в его защиту. Он не оспаривал полномочий Конвента, но отрицал истинность выдвинутых против него обвинений. Конвент единогласно объявил его виновным в измене нации; 361 депутат проголосовал за смертную казнь; 72 - за смерть, но с требованием отсрочки исполнения или других ограничений; 288 - за тюремное заключение или изгнание, оставив, таким образом, лишь большинство в один голос за немедленную смерть, хотя при окончательном голосовании два дня спустя, по новому предложению об отсрочке казни, большинство за немедленную смерть возросло до 60 (17 января). Каждый депутат голосовал вслух, и в течение всего заседания, которое длилось много часов, галереи и коридоры дома были заняты вооруженными приверженцами Коммуны и якобинцев.

С момента заключения в тюрьму все время Людовика уходило на подготовку к смерти. По отношению к своим врагам он не испытывал ни обиды, ни ненависти и воспринял известие о вынесенном ему приговоре со спокойствием и покорностью. 21 января, когда город хранил скорбное молчание, король был гильотинирован на большой площади, известной теперь как площадь Согласия, которая с 10 августа носила название площади Революции.

Война с Англией.

Казнь короля ускорила разрыв с Англией. Питт выслал французского агента в Лондоне из страны. Конвент принял декрет о заключении союза Бельгии с Францией и, не подав ни одного голоса против, объявил войну Англии и Голландии (1 февраля). Примерно в это же время к коалиции присоединились Испания и Португалия, Империя и большинство итальянских государств.

Французы изгнаны из Бельгии.

Своими блестящими успехами французские генералы были обязаны отчасти быстроте своих действий, отчасти - беззащитному состоянию захваченных стран. Зимой Франкфорт штурмовали пруссаки (2 декабря 1792 года), а Кюстин был отброшен к Рейну. Для возвращения Бельгии и территории империи на левом берегу реки Австрия и Пруссия собрали более 200 000 человек, которые сформировали две армии. Северная, под командованием австрийца Кобурга, должна была действовать против Бельгии; южная, под командованием герцога Брауншвейгского, должна была осадить Майнц и вытеснить Кюстина из Пфальца.

Французское правительство разрешило Дюмуре́зу вторгнуться в Голландию, хотя вероятность успеха теперь была невелика. Кобург наступал на Мёз, и голландцы были готовы защищать проход через свои реки. У Дюмуре́за было всего 100 000 человек для обороны и вторжения. Он совершил стремительный марш через западную часть Фландрии до рукава моря, образующего устье Мёз, где его остановила нехватка транспортных средств. Тем временем один из его офицеров, Миранда, охранял линию Мёз и осаждал Маэстрихт. Кобург продвинулся вперед и освободил город. Французские войска, три четверти которых составляли необученные добровольцы, в беспорядке бежали и дезертировали тысячами. Преследование, однако, не заставило себя ждать, и Миранда, собрав свои разрозненные силы, занял сильную позицию под Лувеном.

Революционный суд.

Эти катастрофы отразились на ситуации в столице. Опора жирондистов на Конвент слабела с каждым днем. Они потерпели неудачу во всех своих попытках. Их внешняя политика потерпела крах, и на министерство посыпались упреки в том, что оно не позволило Дюмуре́зу вторгнуться в Голландию, когда это было впервые предложено. Им не удалось спасти жизнь короля, так что вся конституционная партия за пределами Собрания была так же отчуждена от них, как и от Горы. Несмотря на новые муниципальные выборы в Париже, которые они объявили в надежде изменить характер Коммуны (стр. 128), власть по-прежнему принадлежала все той же преступной группировке. Чтобы покрыть военные расходы, пришлось прибегнуть к новым выпускам ассигнаций. Цены непрерывно росли, и недовольство быстро распространялось среди рабочего населения, приученного агитаторами считать правую сторону Конвента причиной как царившей нищеты, так и военных бедствий. Депутаты центра, опасаясь за свою безопасность и не доверяя жирондистам как лидерам, придерживались колеблющегося курса, руководствуясь то своими принципами, то опасениями, то соображениями необходимости. Когда стало известно об отступлении Миранды, была предпринята попытка поднять восстание, направленное против жирондистов. Она провалилась из-за отсутствия единства и поддержки. Но оркестры на службе якобинцев и Коммуны собрались вокруг Конвента, заполнили галереи и угрожали депутатам. Гора воспользовалась случаем, чтобы добиться принятия закона о создании чрезвычайного уголовного суда, который бы судил без апелляции заговорщиков против государства (9 марта). Жирондисты выступили против этой меры, но тщетно; таким образом, Робеспьер и Марат получили готовое оружие для нанесения ударов по головам тех, кто так долго угрожал их собственным.

Измена Дюмуре́за.

Дела в Бельгии приняли еще более тревожный оборот. Дюмуре́е, поспешно вернувшись из Голландии, вновь встретился с Мирандой возле Лувена. Он вернулся, решив порвать с Конвентом. Он не испытывал энтузиазма по отношению к демократическим или республиканским идеалам и был чрезмерно раздражен тем, что Конвент не проводил политику, за которую выступал он сам, - создание Бельгии в виде отдельной республики. Он решил выступить против австрийцев, рассчитывая, что после победы сможет диктовать Конвенту свои условия и выступать посредником между Францией и союзниками. Но долгое упорное сражение, ожесточенно бушевавшее у деревни Неервинден, закончилось поражением и бегством французов (18 марта). Дюмуре́е с остатками своей армии отступил к границе, где попытался выправить свое положение, начав переговоры с Кобургом. Он предложил идти на Париж и посадить на трон дофина, если Кобург обязуется оказать ему моральную и, в случае необходимости, материальную поддержку. В качестве залога доброй воли он был готов впустить австрийские войска в Лилль и Валансьенн при условии, что эти

города будут возвращены Франции по заключении мира. В Париже давно подозревали, что Дюмуреzu нельзя доверять; но ни жирондисты, ни монтаньяры не осмеливались предложить его отставку, потому что у них не было талантливого генерала на его место. После сражения при Нервиндене он не скрывал своих враждебных намерений, а по прибытии четырех депутатов, посланных Конвентом для вызова его в Париж, отдал их в Кобург в качестве заложников за безопасность королевской семьи. Тем временем агенты правительства прилагали все усилия, чтобы обеспечить верность армии, и с успехом. Солдаты отказались предать Францию Австрии, а Дюмуре, чтобы спастись от ареста, укрылся в покоях Кобурга (3 апреля).

Партийные распри в Париже.

Предательство Дюмуреza обострило партийную борьбу в Париже, где жирондисты и монтаньяры стремились навлечь друг на друга злобу пособников предателя. Именно против Дантона жирондисты направили свои самые яростные атаки. Они выдвинули обвинения, которые не имели под собой никаких доказательств и никогда не были доказаны. По их словам, Дантон был подкуплен Людовиком; он неправильно расходовал государственные деньги; в Бельгии он расхитил государственное имущество. Его даже обвинили в том, что он вместе с Дюмурезом замышляет восстановление трона, поскольку в Конвенте он высоко оценил талант этого генерала. Дантон яростно набросился на своих обидчиков, угрожая непримиримой войной. Встречные обвинения и угрозы сыпались справа налево, слева направо. Робеспьер выступил, чтобы представить всю общественную жизнь жирондистов как длинный ряд преступлений, направленных против свободы и республики, и в заключение официально предложил предать Бриссо, Верньо, Генсонне и Гваде, а также Марию-Антуанетту и герцога Орлеанского, как сообщников Дюмуреza, новому уголовному суду (9 апреля).

Комитет общественной безопасности.

Хотя господство, которое когда-то имели жирондисты, было утрачено, их красноречие все еще оставалось силой, и первым депутатом, который предстал перед судом, был монтаньяр Марат, обвиненный в подстрекательстве народа к восстанию (14 апреля). Но эта изолированная победа партии лишь раздражала, но не ослабляла ее противников. Суд, состоявший из судей и присяжных, избранных в Париже, оправдал обвиняемого, и его сторонники с триумфом восстановили его на своем месте. Руководство правительством, которым жирондисты владели в момент открытия конвента, перешло в другие руки. Министерство было разгромлено. Ролан подал в отставку, жалуясь на то, что его не поддерживает конвент. Гор и Жиронда боролись за назначение своих кандидатов, а министры, опасаясь, что их действия будут истолкованы превратно, отказывались сделать хоть один шаг под свою ответственность. Таким образом, колесо правительства, когда больше всего требовались оперативность и секретность, грозило застопориться. Под влиянием тревоги, вызванной изменой Дюмуреza, Конвент учредил Комитет общественной безопасности, состоявший из девяти членов, но впоследствии расширенный до двенадцати, которые подлежали переизбранию каждый месяц и были уполномочены вести тайные совещания, контролировать действия министерства и принимать временные меры, необходимые для национальной обороны (6 апреля). Депутатами, наделенными этими широкими полномочиями, были Дантон и еще восемь человек, принадлежавших к Горной и Равнинной партиям. С этого момента министры опустились до положения главных

секретарей своих ведомств, а Комитет общественной безопасности возглавил исполнительное правительство.

Комитет общей безопасности.

Примерно в это же время особое значение приобрел второй комитет, созданный ранее. Это был Комитет общей безопасности, в ведении которого находились меры, принимаемые для раскрытия политических преступлений. Первоначально жирондисты имели в нем большинство, но вскоре после смерти короля он был реорганизован и теперь состоял из двенадцати монтаньяров.

Депутаты в миссии.

Непосредственной целью Конвента при учреждении Комитета общественной безопасности было создание исполнительной власти, достаточно сильной для быстрого ввода в бой крупных армий. Сейчас под ружьем находилось около 200 000 человек. Для предстоящей кампании было решено довести это число до 500 000; 300 000, таким образом, должны были быть найдены в течение нескольких недель. Все национальные гвардейцы в возрасте от восемнадцати до сорока лет были реквизированы. Каждый департамент должен был предоставить определенный контингент; если добровольная система не обеспечивала требуемого количества, прибегали к призыву. В большинстве департаментов призыв к солдатам был воспринят с энтузиазмом, но в некоторых рвения не хватало, и повсюду возникали большие трудности с получением денег и оружия. Чтобы поставить местные власти под непосредственный контроль правительства, Конвент принял непосредственное участие в управлении и направил в каждый департамент депутатов, уполномоченных принимать все необходимые меры для ускорения сбора рекрутов и снабжения армий. Эти люди создавали специальные комитеты в качестве своих агентов, заставляли продавать кукурузу, лошадей и оружие, а также увольняли административных чиновников, чья привязанность к республике вызывала сомнения. Завершив свою работу, они вернулись в Париж, но Конвент продолжил систему отправки своих членов в департаменты, наделенных произвольной и абсолютной властью для выполнения возложенной на них работы. Депутаты постоянно находились при армиях, следили за организацией комиссариата и за поведением офицеров. Они были ответственны только перед Конвентом и Комитетом общественной безопасности, под чьим непосредственным руководством они действовали. Таким образом, агенты центрального правительства были поставлены рядом с независимыми местными властями, и была подготовлена почва для полного подчинения страны той партии, которая бы ни победила в Париже. Впервые после падения старой монархической системы во Франции появилось правительство.

Законы против эмигрантов и нелюдей.

По мере того как ситуация становилась все более опасной, законодательство принимало все более жесткий и тиранический характер. В марте, в тот самый момент, когда отступление Дюмурье из Бельгии дало союзникам возможность предпринять поход на Париж, среди крестьян Вандеи вспыхнуло опасное восстание, вызванное принудительной вербовкой. Конвенту, разъяренному против своих противников и напуганному неожиданной опасностью, пришлось наносить удары наугад, не обращая внимания на то, что вместе с виновными он уничтожал и невинных. Тех, кто подстрекал к сопротивлению набору армии, карали смертью. Священники, подлежащие изгнанию и оставшиеся в стране, должны были быть перевезены во Французскую Гвиану. Изгнанные священники, которые вернулись, должны были быть казнены в течение двадцати четырех часов. Законодательное собрание признало преступлением выезд из страны и конфисковало имущество эмигрантов. Конвент

еще крепче ухватился за их имущество, навсегда изгнав их из республики и запретив им возвращаться под страхом смерти. Хотя многие из изгнанников не собирались воевать против своей страны, а просто покинули Францию, потому что их жизни угрожала опасность, для них не делали исключений, не принимали во внимание ни пол, ни обстоятельства.

Политика Горы.

В разгар внутренних распрей и подготовки к обороне Конвент занимался разработкой новой конституции. Когда обсуждались абстрактные вопросы, разногласия возникали редко. На самом деле, разногласия между двумя партиями касались не принципов, а их непосредственного применения. Жирондисты были готовы, не обращая внимания на обстоятельства, воплотить в жизнь принципы децентрализации, всенародных выборов и свободной торговли и утверждали, что республика должна опираться на политическую добродетель и общественный дух массы населения. Монтаньяры рассматривали только факты. Они понимали, что активной поддержки республики можно ожидать только от толпы; что попытки навязать принципы свободной торговли против воли своих сторонников должны привести к свержению Конвента; что в данных обстоятельствах народные выборы - это фарс, и что среди борьбы партий и фракций децентрализация означает, как показал опыт последних двух лет, что Франция окажется без эффективного правительства в то время, когда против нее будет создана мощная коалиция. Гораздо более низкий мотив побуждал их действовать в том же направлении. Безопасность страны, как им казалось, зависела от триумфа их собственной партии, и ради этого они были готовы действовать вопреки своим теоретическим взглядам. Они отказывали в свободе прессе. Они принесли свободу торговли в жертву крикам населения. Они не только поддерживали право Парижа действовать от имени всей Франции, но, чтобы еще эффективнее обеспечить подчинение, стремились с помощью клубов и специальных комитетов искоренить все остатки общественного духа, которые еще сохранялись в департаментах, и были безразличны к характеру своих инструментов, к совершению актов несправедливости и жестокости, лишь бы обеспечить свое собственное господство.

Экономическая ситуация.

Жирондисты обличали политику своих противников с красноречием и горячим негодованием. Но исход борьбы зависел не от их силы слова, а от поддержки, которую они могли получить в Париже. Симпатии к Конвенту не было нигде. Средние классы были отчуждены смертью короля, низшие - дороговизной продовольствия, а многие были отчуждены безразличием, проявленным Конвентом к католической вере. Фактическая враждебность рабочих классов была вызвана упорным противодействием жирондистов экономическим теориям, которые находили поддержку на улицах. В июле 1792 года номинальная стоимость находившихся в обращении ассигнаций составляла около 87 500 000 л. В мае 1793 года она возросла, благодаря военным расходам, до 131 250 000 л. Церковные земли, под залог которых впервые были выпущены ассигнации, уже были проданы. Новое обеспечение было найдено в имуществе эмигрантов, которое теперь находилось в процессе продажи. По удобным подсчетам, стоимость этого имущества точно соответствовала сумме находящихся в обращении ассигнатов - 131 250 000 л. Однако положение правительства не улучшилось. У него не было кредитов, которые можно было бы занять, а налоги выплачивались лишь частично. Все предвидели, что для покрытия военных расходов придется прибегнуть к новым выпускам ассигнатов, и поэтому, несмотря на большое обеспечение, бумажные деньги быстро падали в цене. В марте 1793 года ассигнаты можно было обменять на серебро примерно за половину их номинальной стоимости. Чтобы восполнить дефицит мелочи, Законодательное собрание выпустило банкноты на очень

небольшие суммы. Поэтому обесценивание бумажных денег причиняло большие страдания людям, живущим на зарплату, у которых на руках не было ничего, кроме этих мелких купюр. С осени 1791 года цены по всей Франции стремительно росли, а в Париже особые причины способствовали дороговизне и нехватке продовольствия. По мере размножения ассигнатов все люди не хотели их держать. В то время как покупатели стремились расплатиться ими, продавцы требовали монеты в обмен на свои товары. В результате торговля покинула Париж, где бумажные деньги были в изобилии, а получить оплату золотом и серебром было сложнее, чем в стране. Кукурузоводы хранили свою кукурузу в магазинах или отправляли ее в другие места. На рынок поступало мало скота. Хлеб, мясо, рыба, вино, древесина - словом, все товары выросли в цене, некоторые подорожали втрое в течение шести месяцев. Весной 1793 года отток людей на границу вызвал стремительный рост заработной платы, которая до этого не росла пропорционально ценам. Тем не менее, среди низших классов существовала реальная нужда, а среди высших классов - небезосновательный страх перед нуждой. Те, у кого были деньги, закладывали их в магазины, увеличивая тем самым дефицит; оптовые же торговцы задерживали поставки, либо потому, что не хотели брать бумажные деньги, либо рассчитывая на рост цен.

При таком положении вещей, хотя пострадавших было много, некоторые получили большие прибыли, особенно капиталисты, спекулянты, оптовые торговцы и подрядчики, участвующие в крупных сделках с правительством и иностранными государствами. Обесценивание бумажных денег также в определенной степени принесло пользу налогоплательщикам и покупателям государственных земель. Но в той же мере, в какой выиграли отдельные лица, проиграло государство, поскольку в то время как его доходы поступали в ассигнатах по их номинальной стоимости, при совершении покупок оно было вынуждено искать твердые наличные деньги или платить ассигнатами по их обесцененной стоимости.

Как повысить стоимость бумажных денег и снизить цены - вот вопрос, который сильнее всего давил на Конвент весной 1793 года. Народ, привыкший при монархии к произвольному вмешательству в торговлю, теперь поднимал по всей Франции громкие крики о необходимости заставить крестьян поставлять кукурузу на рынок и установить цены на товары повседневного спроса и потребления. В столице был предложен драконовский кодекс как лучшее средство поддержания цессионариев на уровне и обеспечения изобилия. Лица, обменивающие ассигнаты на деньги, спекулирующие на колебаниях цен, утаивающие товары от продажи, должны были подвергаться смертной казни. На поддержание войны должен был быть введен специальный налог, а для снабжения Парижа дешевым хлебом - специальная ставка. Петиция за петицией, от секций, клубов и Коммуны, призывали Конвент, под угрозой восстания, принять соответствующее законодательство.

Против народных средств выступили жирондисты.

Эти требования прямо противоречили принципам свободной торговли, которых придерживалось значительное большинство депутатов. Законы о подавлении спекуляции и регулировании торговли кукурузой жирондисты считали неоправданным вмешательством в свободу личности и рассчитанными на эффект, обратный тому, который предполагали их авторы. "Вы хотите, - сказал Верньо, - объявить голод? Они приписывали нехватку кукурузы исключительно страху перед грабежами и имели смелость осуждать систему снабжения Парижа дешевым хлебом как деморализующую жителей города и несправедливую по отношению к деревенским жителям, которые получали более низкую зарплату, но вынуждены были платить рыночную цену за товар. К требованию установить максимальную цену и наказывать торговцев и спекулянтов, вскоре добавилось требование предать жирондистов революционному суду, как стоящих на пути к тому, чтобы народные средства

защиты стали законом. Монтаньяры поддерживали политику принуждения. Крупная эмиссия ассигнаций и связанный с ней разрыв обычных коммерческих отношений, как казалось некоторым, оправдывали исключительное законодательство. Но преобладающим мотивом, побуждавшим Горю как единое целое поддерживать предложения о принятии максимальных законов, был страх перед восстанием, направленным против всего Конвента, и желание сохранить за Коммуной лидерство населения. Несколько членов центра, под влиянием страха и считая политику правых неосуществимой, перешли на сторону Горы. Жирондисты обладали красноречием и мужеством, но не имели практической программы, способной сплотить вокруг них сторонников. У них не было средств защиты Конвента, однако отказаться от существующей системы снабжения Парижа дешевым хлебом, не столкнувшись с немедленным восстанием, было невозможно. Они не могли установить предел эмиссии ассигнаций, но было очевидно, что если банкноты будут и дальше падать в цене, то в Париже вскоре наступит голод. Большинство депутатов центра, хотя и придерживались тех же взглядов, что и жирондисты, не осмелились повторить их смелость. Обмен ассигнатов на серебро по цене ниже их номинальной стоимости был запрещен под страхом шестилетнего тюремного заключения (11 апреля). Ограничения на торговлю кукурузой, действовавшие при монархии, были восстановлены, и был установлен переменный максимум на кукурузу, который должен был регулироваться в каждом департаменте местными властями (3 мая). Для покрытия военных расходов должен был быть собран принудительный заем в размере более сорока трех миллионов (20 мая). Эти уступки, однако, не удовлетворили население, хотя в вопросе, который больше всего интересовал лидеров агитации, - изгнании жирондистов - Конвент стоял твердо и отказался исключить своих членов. Заговоры продолжались открыто. В последнее время Конвентом были учреждены специальные комитеты для введения в действие полицейских законов в отношении иностранцев, проживающих во Франции (21 марта). По одному комитету было в каждом районе Парижа и, в конечном счете, в большинстве муниципалитетов страны. Эти комитеты, узурпировавшие функции обычных или гражданских комитетов секций, стали агентами по исполнению полицейских законов в целом и вскоре приобрели известность под именем революционных комитетов. Дворяне и церковники не допускались в их состав, а сами они чаще всего состояли из ряженых и беспутных авантюристов. Из делегатов этих революционных комитетов в Париже был сформирован один комитет восстания, второй - из делегатов секций. Коммуна под руководством мэра Паше и двух представителей закона, Эбера и Шометта, встала во главе движения. Некоторые монтаньяры, в том числе Робеспьер, Марат, Колло д'Эрбуа, Шабо, Тальен и Десмулен, оказали ему нескрываемую поддержку. Но те, чья враждебность была меньше, колебались. Ведь если Горе пришлось призвать на помощь Коммуну, чтобы добиться победы над жирондистами, то какова была гарантия, что после их изгнания она сможет сохранить свою независимость? И какое влияние Дантон мог надеяться оказать на избитое и запуганное тело людей, боящихся за свою жизнь? Однако компромисс с жирондистами был невозможен, и Комитет общественной безопасности, вместо того чтобы принимать активные меры против заговорщиков, стремился лишь умерить их насилие.

23 июня.

Пока их враги строили заговоры, жирондисты не предпринимали усилий, чтобы обезопасить Конвент от нападения или сформировать в Париже партию для его защиты. Они полагались на свое красноречие и благородство своего дела, чтобы сохранить центр верным им. Они выдвинули бесполезное предложение, чтобы первичные собрания собрались и решили, кто из депутатов должен быть изгнан, а кто сохранит свои места. Они получили адреса от департаментов с обещанием вооруженного выступления в свою поддержку и в случае восстания угрожали Парижу уничтожением. "Если когда-нибудь, - сказал несдержанный

Иснар, будучи президентом Конвента, депутации от Коммуны, - случится так, что насилие будет применено к национальным представителям, я заявляю вам от имени всей Франции, что Париж будет уничтожен, а на берегах Сены вырастет трава". Эти слова были гораздо больнее для самих жирондистов, чем для тех, кому они угрожали. Они звучали в ушах людей как эхо прокламации Брунсвика и заставляли жителей Парижа больше опасаться последствий успеха жирондистов в случае столкновения двух партий, чем последствий подчинения той, которая выдавала себя за защитницу Парижа от насилия. Между тем враги жирондистов не упускали случая настроить против них общественное мнение. Они обвиняли их не только в стремлении возбудить гражданскую войну, но и в том, что они федералисты и замышляют разрушить единство республики, сделав департаменты независимыми от столицы. Марат и его приверженцы готовы были устроить вторую резню, а в народе звучали предложения о перераспределении собственности. Такие идеи не одобрялись ни якобинцами, ни Коммуной. Кровопролитие могло подтолкнуть департаменты к восстанию, а средние слои населения Парижа могли выступить на защиту жирондистов, если бы им показалось, что город будет отдан на откуп убийцам и посягателям на права собственности. Тем временем Конвент, воодушевленный некоторыми движениями в секциях против тирании Коммуны, занял более смелую позицию и назначил комиссию из двенадцати депутатов для расследования заговоров (18 мая). Эбер и другие агитаторы были арестованы. Но эти решительные действия ускорили кризис. Чтобы успокоить опасения средних слоев, Коммуна и якобинцы публично заявили о своем уважении к собственности и намерении поддерживать порядок.

За несколько дней до этого Конвент переехал из Школы верховой езды в просторный зал во дворце Тюильри, способный вместить более тысячи человек. 31 мая вооруженные банды пронеслись по улицам, чтобы навязать свою волю представителям нации. Терроризированный Конвент постановил подавить Комиссию двенадцати, но отказался запретить ее членов. Ей не позволили сбежать, не согнув еще больше шею под игом. 2 июня многотысячная толпа повстанцев наводнила палату, требуя с угрозами ареста лидеров правых. Встревоженные и возмущенные депутаты, за исключением около тридцати левых, поднялись и покинули зал. Но все выходы из дворцовых дворов и сада тщательно охранялись, и в проходе им было отказано с оскорблениями. Они вернулись, и пока незванные гости сидели на скамьях и голосовали вместе с ними, был принят декрет, согласно которому тридцать один депутат, включая Верньо, Генсонне, Гуаде, Бриссо и других ведущих жирондистов, должны содержаться под арестом в своих домах.

ГЛАВА VII

КОММУНА И ТЕРРОР.

Падение жирондистов стало необходимым результатом их непригодности к управлению Францией в разгар войны и революции. Конституционалисты были свергнуты, потому что отказывались признать, что Людовик желал победы захватчиков. Жирондисты были свергнуты, потому что отказались признать восстание 10 августа в его реальном аспекте. После этого события было неизбежно, что Францией некоторое время будет управлять меньшинство, которое при поддержке населения свергло с трона слабого и неспособного короля. Народ Франции не только не был привязан к республиканской форме правления, а значит, не был готов активно выступить в поддержку жирондистов против Горы; но и подавляющее большинство населения, опасаясь реакции в пользу привилегированных классов, не имело собственной воли и политики. Жирондисты были неспособны разработать политику, которая могла бы вызвать энтузиазм в их деле или дать уверенность в их

руководстве. Их идеальная республика предназначалась для какой-то идеальной нации, а не для французского народа, раздираемого фракциями и вовлеченного в войну с половиной Европы. Однако это было все, что они могли предложить Франции, и поэтому, когда против них восстала Парижская коммуна, ни одна рука не поднялась в их защиту.

Если жирондистам и не удалось решить проблему создания правительства во Франции, то их изгнание из Конвента было не меньшей катастрофой, чреватой самыми дурными последствиями. Они выдвинули себя в качестве представителей не только департаментов против Парижа, но и принципов индивидуальной свободы, справедливости и гуманности. Монтаньяры использовали те же слова, но подразумевали под ними совсем другие вещи. Под суверенитетом народа они подразумевали господство собственной партии; под справедливостью и гуманностью - принесение в жертву противников своих идей. "Другие стремятся, - сказал Верньо в одной из своих лучших речей, - завершить революцию с помощью террора; я же хотел бы завершить ее с помощью любви".

Подчинение департаментов.

Хотя в департаментах не было народного движения в пользу жирондистов, там у них было больше сторонников, чем в столице. В Париже все власти, за исключением Конвента, были на стороне заговорщиков. В департаментах административные органы, все переизбранные с осени, по составу очень напоминали сам Конвент. Как правило, в этих органах сторонники жирондистов составляли большинство, сторонники Горы - меньшинство. Более чем в шестидесяти департаментах административные органы оспаривали власть Конвента и угрожали прибегнуть к оружию в пользу изгнанных депутатов. Главными центрами сопротивления были на северо-западе Ренн и Кан, на юго-западе - Бордо. Опасность всеобщего восстания казалась выше из-за того, что роялисты в то же время поднимали штандарт восстания. В важном промышленном городе Лионе они взяли в свои руки все управление делами. Лидеры якобинцев были преданы смерти, и велась активная подготовка к тому, чтобы силой противостоять власти Конвента. В Тулоне были проявлены аналогичные настроения и проводился тот же курс. В департаментах Ардеш и Лозер роялистские заговорщики уже были вооружены до изгнания жирондистов, а в департаментах Вандея и Дез Севр крестьяне с марта находились в состоянии открытого восстания. Однако задача подавления сопротивления в этих условиях была на самом деле менее грозной, чем казалось на первый взгляд. Между роялистами и жирондистскими повстанцами не могло быть союза, а сам факт наличия у роялистов оружия усиливал нежелание населения оспаривать власть изуродованного Конвента. Поэтому сопротивление сторонников жирондистов было неустойчивым и слабым. Административные органы не могли рассчитывать на искреннюю поддержку какого-либо класса. Даже среди самих запрещенных депутатов не было единства. Одни бежали в Нормандию, другие оставались в Париже, готовые скорее принять любую участь, чем навлечь на себя вину за разжигание гражданской войны. С другой стороны, партия, победившая в Париже, была на время полностью объединена и действовала осторожно и решительно. Комитет общественной безопасности под руководством Дантона стремился проводить политику примирения, а сторонники Коммуны, понимая незащищенность своего положения, держались сдержанно. Обвинения жирондистов в социализме и тирании были отвергнуты принятием новой конституции, основанной на свободе личности и демократических принципах. На самом деле не было ни малейшего намерения вводить эту конституцию в действие, но ее обнародование сулило стране скорый возврат к нормальным формам правления. Фраза "Республика, единая и неделимая" была принята монтаньярами для обозначения национального дела, а жирондистов они обвинили в стремлении уничтожить возможность

защиты от иностранцев путем создания слабо организованного федерального государства и даже в союзе с врагом, а также в желании предать Францию Англии. В течение нескольких недель административные власти отказались даже от пассивного сопротивления Конвенту. Несколько сотен человек, продвигавшихся от Кана к Парижу, были разбиты у Вернона на Сене. Бордо, измученный голодом, сдался по собственному желанию, и, таким образом, к концу августа не осталось никого, кроме роялистов, кто продолжал бы оспаривать власть Конвента.

Война в Вандее.

Опасность ситуации, тем не менее, оставалась велика. Роялисты, как в Лионе, так и в Тулоне, держались, а восстание в Вандее с каждым днем становилось все более грозным. В этом департаменте разрушительные тенденции, доминировавшие в других частях Франции, были сдержаны сильными консервативными инстинктами. Между дворянами и крестьянами не существовало жестокого антагонизма. Дворяне жили дома и лично общались с крестьянами-арендаторами. Страна была полностью сельскохозяйственной; городов и промышленных предприятий было мало. Крестьяне, чрезмерно доверчивые и суеверные, легко шли на поводу у своих священников и были готовы потерять все преимущества, которые принесла им революция, лишь бы сохранить свою веру. Попытка лишить их священников, к которым они были привязаны, сначала настроила их враждебно по отношению к революции. Попытка провести принудительный сбор солдат, декретированный в марте, стала непосредственной причиной восстания. К республике они не испытывали никаких симпатий и отказывались покидать свои дома, чтобы сражаться в ее защиту. Произошло всеобщее восстание, охватившее всю Вандею и часть департамента Севр. Правительство, вынужденное отправить всех имеющихся солдат на границу, оказалось не в состоянии справиться с повстанцами. Сырые и недисциплинированные войска, наспех собранные в соседних департаментах, не могли им противостоять. Страна представляла собой почти неприступную крепость. Внутренние районы, называемые Бокаж, были холмистыми, густо заросшими лесом и пересекались небольшими ручьями, текущими по дну крутых оврагов. Деревни лежали далеко друг от друга. Дороги и переулки, часто непроходимые для колес, петляли вверх и вниз по склонам, между высокими изгородями и лесами, поросшими пушистым кустарником и метлой. На морском побережье местность, хотя и равнинная, легко защищалась, поскольку была заболочена и изрезана широкими рвами. Значительную часть населения составляли браконьеры и контрабандисты, которые были искусными стрелками и именно теми людьми, которые могли вести партизанскую войну, которая теперь возникала во всех уголках страны, столь недоступной для регулярных солдат. Поражение тяжело отразилось на республиканцах, которые теряли магазины и боеприпасы, сбивались с пути в бегстве и были перебиты крестьянами один за другим. Вендийцы же, если враг выдерживал их первый натиск, исчезали по известным только им тропам и возвращались к своим фермам и пашням, готовые возобновить борьбу при более благоприятном случае.

В ведении войны такого рода, естественно, было мало метода. Повстанческие отряды выискивали дворян и ставили их во главе своих отрядов. Поток Севр-Нантез делил страну на две части, и вожди по обе стороны реки редко пытались действовать согласованно. В нижнем округе главной властью пользовался дворянин Шаретт. В верхнем командовали два дворянина, де Лескюр и Боншам, и два крестьянина, Стоффле и Кателино.

Вендийцы неоднократно добивались успеха, сражаясь со всей пылкостью, вдохновленной религиозным энтузиазмом, и были готовы идти за своими предводителями на смерть. Священники, всегда присутствовавшие в войсках, стимулировали их мужество, обещая павшим немедленное попадание в рай. Один за другим города, лежащие на краю

взбудораженной страны, переходили во владение повстанцев. В июне был захвачен Сомюр, что дало им возможность перебросить мост через Луару. Катилино переправился на правый берег, вошел в Анжер и двинулся на Нант; Шаретт в Нижней Вандее согласился начать наступление на него с юга. Но крестьяне, чьим обычаем было расходиться после нескольких дней службы, не имели ни склонности, ни сердца для экспедиции, направленной против далекого города. Многие из тех, кто последовал за Катилино, дезертировали по дороге. Нант мужественно защищался, и штурм был отбит (29 июня). Катилино получил смертельную рану. Шаретт, к югу от Луары, не смог овладеть мостом через реку, и вендийцы на северном берегу рассеялись, вернувшись на лодках в свою страну.

Объекты преследования союзников.

В то время как вендийцы одерживали победу на западе, на востоке побеждали союзники. Армии Кобурга и Брауншвейга насчитывали 250 000 человек. После повторного завоевания Бельгии Кобург осадил французские крепости Конде и Валансьенн. Они сдались в июле. Примерно в то же время Майнц был вновь взят Брунсвиком, и если бы оба генерала продвинулись вперед, один со стороны Шельды, другой со стороны Рейна, то была бы полная вероятность того, что они стали бы хозяевами столицы, а вместе с ней и Франции. Однако такая возможность была упущена. Державы преследовали свои собственные цели и больше заботились об их достижении, чем о подавлении революции.

Англия намеревалась расширить свое морское господство и торговлю за счет завоевания французских колоний и уничтожения французского флота. Под командованием герцога Йоркского был отправлен корпус английских и ганноверских войск, чтобы помочь австрийцам захватить пограничные крепости Франции и особенно овладеть портом Дюнкерк, где существование французского военно-морского пункта всегда было предметом ревности английских государственных деятелей. Союз между Австрией и Пруссией быстро разрушался. Австрия дала свое согласие на приобретение Пруссией польских провинций. Пруссия, со своей стороны, обязалась поддержать австрийский план обмена Бельгии на Баварию. Однако ни одна из держав не вела себя открыто и благородно по отношению к другой. Пруссия тайно поощряла противодействие плану обмена. Австрия убеждала Россию сократить долю Пруссии в Польше до минимально возможной и отсрочить ее вступление во владение ею. Напряженное состояние усилилось, когда в марте-апреле был осуществлен второй раздел Польши. Вследствие этого в Вене произошла смена министерства. Сторонники прусского альянса были отстранены от должности, а барону Тугуту император доверил единоличное руководство иностранными делами. Целью Тугута было обеспечить Австрии господствующее положение на континенте. Прусский союз он рассматривал как препятствие к осуществлению своих замыслов, поскольку Пруссия была соперницей Австрии в Германии и ревниво относилась к австрийскому возвышению. На время он оставил идею обмена Бельгии на Баварию. Этот план не мог быть осуществлен без сотрудничества с Пруссией, а шансы на сотрудничество с ней уменьшались по мере того, как она все прочнее закрепляла свои новые приобретения в Польше. Англия, кроме того, не желала, чтобы Бельгия выходила из-под власти императора, а Тугут стремился заручиться дружбой Англии, чтобы тем эффективнее сдерживать Пруссию. Поэтому он считал более надежной политикой оставить этот план в силе, а тем временем заняться завоеванием французских территорий, особенно Эльзаса и Лотарингии, которыми при заключении мира можно было бы распорядиться так, как это наиболее соответствовало бы австрийским интересам. Идея попытаться дойти до Парижа, соответственно, не была воспринята с благосклонностью ни одной из держав. И Англия, и Австрия желали действовать на французской границе, а Пруссия не хотела ввязываться в глубокие военные действия на

западе, пока дела в Польше остаются неурегулированными. Кроме того, как генералы, так и дипломаты считали, что борьба группировок внутри Франции должна привести к краху всего правительства, и что в следующем году поход на Париж может быть осуществлен без труда.

Убийство Марата.

Но пока союзники осаждали крепости во Фландрии, а операции на Рейне затягивались, внутри Франции предпринимались огромные усилия по увеличению численности армий и устанавливался железный деспотизм, отдававший все ресурсы страны в распоряжение правительства. По мере того как департаменты один за другим подчинялись, в них направлялись депутаты Конвента, чтобы еще больше подчинить их партии, получившей власть в Париже в результате восстания 2 июня (с. 155). Люди, поддерживавшие дело запрещенных депутатов, были отстранены от работы и изгнаны из клубов, которые с этого времени посещали только ярые сторонники Горы. Основная масса населения наблюдала за установлением безжалостной тирании в своей среде, не пытаясь сопротивляться. Воли и единства, необходимых для действий, не хватало, и те немногие, кто осмелился действием или словом выступить против эмиссаров Горы или Парижской коммуны, понесли наказание в виде потери свободы, а то и жизни. Среди тех, кто поверил жирондистам и их идеалам, была молодая женщина из Нормандии, Шарлотта Кордей. Как и они, она мечтала о создании республики, основанной на политической добродетели и интеллекте народа; и когда парижская толпа поднялась и с оскорблениями выгнала из Конвента тех, кто в ее глазах был героическим защитником универсальных принципов истины и справедливости, она горько возмущалась тем, что не только самим этим людям, но и той Франции, истинными представителями которой она их считала, был нанесен ущерб. Благодаря настойчивым призывам Марата к диктатуре и пролитию крови, именно на него в департаментах возлагали особую ответственность как за изгнание жирондистов, так и за тиранию, которая теперь стала тяготить всю страну так же сильно, как долгое время тяготила столицу. Будучи не в состоянии понять причины, приведшие к падению жирондистов, Шарлотта Кордей решила, что, покончив с жизнью этого человека, она сможет покончить и с системой правления, которую он отстаивал. Сообщив друзьям о своем желании посетить Англию, она покинула Кан и в усердии отправилась в Париж. По прибытии она купила нож, а затем добилась входа в дом Марата под предлогом, что принесла новости, которые хотела сообщить ему. Она знала, что он будет стремиться получить информацию о передвижениях депутатов-жирондистов, все еще находящихся в Нормандии. Марат в это время был болен и лежал в ванне, когда к нему вошла Шарлотта Кордей. Она назвала ему имена депутатов, находившихся в Кане. "Через несколько дней, - сказал он, торопливо записывая их, - я прикажу гильотинировать их всех в Париже". Услышав эти слова, она вонзила нож в его тело и убила его на месте (13 июля). Крик убитого был услышан, и Шарлотта, не пытавшаяся бежать, была схвачена и доставлена в тюрьму под ропот разъяренной толпы. С самого начала она намеревалась пожертвовать жизнью ради своей страны, и, превознося свой поступок, встретила смерть со стоическим безразличием. "Я убила одного человека, - сказала она, предстывая перед революционным судом, - чтобы спасти жизни 100 000 других".

Кровожадные тенденции правительства.

Так от рук убийцы погиб человек, который с начала революции упорно утверждал, что убийство - это оправданный способ достижения политических целей. Его убийство привело к результатам, противоположным тем, на которые рассчитывала женщина, по невежеству и

опрометчивости пожертвовавшая своей жизнью. Марат не был создателем обстоятельств, которые позволили ему оказывать влияние, и не было недостатка в людях, столь же кровожадных и столь же фанатичных, готовых узурпировать место, освободившееся после его смерти. Незначительная часть рабочего населения Парижа считала его мучеником. Влияние, которое он оказывал на них, в действительности объяснялось не столько его призывами к резне, сколько тем, что среди множества писателей, выдвигавших себя в качестве выразителей интересов низших слоев населения, он один действительно ставил своей целью уничтожение существующих материальных страданий. Его убийство вызвало возмущение за пределами сравнительно узкого круга тех, кто принимал активное участие в политической жизни, и в то же время придало новый импульс нарастающему воплю о крови. После изгнания жирондистов власть все больше и больше переходила в руки тех, кто был наиболее жесток на словах и готов был проявить большую жестокость на деле. Более умеренная часть Горы, состоявшая из дантонистов и отделившихся от Равнины, быстро теряла влияние. Не имея возможности контролировать своих коллег, они были вынуждены прибегать к преувеличенным и кровожадным выражениям, чтобы избежать обвинений в том, что они сами являются плохими патриотами и тайными сторонниками роялистов и федералистов. Депутаты, составляющие правую и центральную части Конвента, хранили молчание или вообще не появлялись на своих местах. Нация оставалась пассивной, неспособной к сопротивлению. С каждым днем правительство демонстрировало все более и более свирепый характер. Оно было жестоким, потому что было слабым в том смысле, что у него было мало материальных сил, на которые оно могло бы опереться в случае оспаривания его власти. Она была жестокой еще и потому, что была решительной и фанатичной, настроенной сохранить себя любой ценой, и в то же время находилась под влиянием теорий и идей, которые не могли быть реализованы на практике иначе, как с помощью деспотических средств и уничтожения как индивидуальной, так и политической свободы.

Дезорганизация правительства.

Деспотичное, правительство было также крайне дезорганизовано, и это делало его еще более кровожадным и агрессивным. Оно состояло из нескольких отдельных и независимых властей, каждая из которых стремилась к господству. Частично они состояли из одних и тех же людей, но частично - из людей, чьи характеры, идеи и цели часто расходились друг с другом. Конвент, якобинцы, депутаты миссии, комитеты общественной безопасности и общей безопасности, которые теперь принято называть двумя комитетами правительства, и, наконец, Парижская коммуна, управляли делами Франции. Из всех этих органов власти Конвент, номинально представлявший Францию, был самым слабым. Он потерял уважение как страны, так и парижского населения, которое так часто превращало его в свое орудие. Презрение, с которым к нему относились, отразилось на положении Горы, которая после изгнания жирондистов была бессильна принять какие-либо меры, оскорбительные для Парижской коммуны или Комитета общественной безопасности, и в равной степени была бессильна отклонить меры, которые любой из этих органов желал, чтобы она приняла. Власть, которой раньше обладал Конвент, теперь перешла к Комитету общественной безопасности, который продолжал набирать силу по мере того, как ослабевала Гора. Поначалу состоявший из дантонистов и , отделившихся от Равнины, он превратился в орган крайней фракции, призывавшей к восстанию против жирондистов. В июле в нее вошел Робеспьер с двумя приверженцами - Кутоном и Сен-Жюстом. В сентябре к ним добавились Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа, которые были в союзе с лидерами Коммуны. В особых случаях этот комитет проводил консультации совместно с Комитетом общей безопасности, который, однако, всегда занимал подчиненное ему положение. Теперь он состоял из двенадцати членов, но пять человек, названных выше, руководили общими действиями правительства. В

лице Робеспьера и его сторонников Комитет представлял якобинцев, в лице Бийо и Колло - Коммуну; и настолько полным стало подчинение монтаньяров, что, хотя по закону Комитет подлежал ежемесячным перевыборам, они никогда не осмеливались воспользоваться этой возможностью, чтобы назначить новых членов вместо тех, кто стал их хозяевами.

Парижская коммуна.

Наряду с Комитетом общественной безопасности Парижская коммуна занимала независимое положение. Хотя номинально она была лишь органом, управляющим делами столицы, в действительности она играла ведущую роль в руководстве общими делами Франции. После того как она осуществила восстание против жирондистов, она стала самой сильной властью в Париже. На его содержании находились вооруженные банды грубиянов, ему подчинялась национальная гвардия, его орудиями были революционные и гражданские комитеты секций, а на время его поддерживало население, которое он снабжал хлебом. Комитет общественной безопасности так же мало, как и Горный, рисковал столкнуться с ним. Он проталкивал своих сторонников в правительственные учреждения, засылал агентов в департаменты, оказывал влияние на депутатов в миссии, заставлял Конвент назначать министров и генералов по своему выбору и принимать законы в соответствии со своими пожеланиями.

Действия Коммуны долгое время направлялись в основном двумя людьми, Шометом и Эбером. Они оба были членами восставшей Коммуны, изгнавшей Людовика из Тюильри в 1792 году, и после того, как осенью того же года Конвентом было принято решение о ее переизбрании, они вновь появились в Котле де Виль, где заняли влиятельную должность законоучителей новой Коммуны, которая состояла частично из тех же людей и была одушевлена тем же духом, что и ее предшественница. Их приход к власти ознаменовался необычайным всплеском жестокости и фанатизма. Не довольствуясь отменой политических и гражданских различий между людьми, они стремились уничтожить всякое превосходство и поставить людей в социальном и интеллектуальном плане на один уровень. Особым объектом их нападков стало превосходство богатства. Капиталисты, банкиры, спекулянты, крупные землевладельцы были отнесены ими и их последователями, наряду с федералистами, жирондистами, дворянами, священниками и роялистами, к врагам республики. Интеллектуальное превосходство и культура становились преступлением для их обладателей. Равенство, короче говоря, должно было быть достигнуто не за счет возвышения низших, а за счет деградации высших. Если Эбер требовал создания начальной школы в каждой деревне, он руководствовался не столько моральными и интеллектуальными результатами образования, сколько желанием сделать рабочие классы независимыми от высших. Высшее образование, особенно классическое, подвергалось осуждению. Ценные книги, статуи и произведения искусства, которые несли на себе следы того, что они были созданы при монархии, безжалостно уничтожались. Невежество и лохмотья выдвигались в качестве аргументов, дающих право на уважение, а термин "sans-culotte", "безрукий" (применяемый к беднякам из-за того, что они носили брюки вместо штанов), считался синонимом слова "патриот". Слова "месье" и "мадам" были заменены на "citoyen" и "citoyenne", а неопрятная одежда, грубые манеры и грубый язык стали символами патриотического духа.

Несмотря на насилие и жестокость, в которых они были виновны, ни лидеры Коммуны, ни многие из тех, кто шел по их следу или подстегивал их, не были лишены просвещенных идей. Гуманная философия века наложила свой отпечаток, пусть и поверхностный, на самые жестокие и эгоистичные натуры. Поэтому, стремясь террором разрушить существующие основы общества, Шометт и Эбер стремились также предстать в свете филантропов и

блюстителей общественной морали. Действуя под их влиянием, Коммуна выдвинула проекты перевоспитания малолетних преступников, облегчения страданий больных в больницах и другие, подобные им, и непрерывно призывала Конвент к подавлению государственных лотерей, с помощью которых бедняки проигрывали свои су. Однако даже в своих лучших проявлениях члены Коммуны руководствовались в основном личными мотивами. Они стремились заручиться моральной поддержкой своего положения, без которой в конечном итоге им было бы невозможно долго удерживать власть. Кроме того, лишь немногие из их филантропических планов были реализованы на практике. Это был неизбежный результат условий, в которых Коммуна захватила власть, - лучшие люди должны были быть оттеснены на задний план более эгоистичными и беспринципными. Таким образом, Шометт рядом с Эбером вскоре оказался в сравнительном ничтожестве. Ведь если Шометт заботился о достижении идеальных целей, то Эбер заботился только о сохранении власти за собой и был совершенно равнодушен к средствам, с помощью которых он добивался этой цели. Он был грубым и низкопробным авантюристом. До революции он был уволен с низшей должности в театре за нечестную деятельность. После начала революции он добился дурной славы, публикуя газету *Le Père Duchesne*, написанную грубым даже для того времени языком и пропагандирующую атеизм. Вокруг него и Коммуны теперь сплотились все худшие негодяи и мерзавцы Парижа. Убийцы были назначены командующими вооруженными силами, а воры и мошенники вошли в гражданские и революционные комитеты, в распоряжении которых находились имущество и свобода их сограждан. Короче говоря, в том, что касалось администрации, преобладающими чертами правления Коммуны под руководством Эбера были анархия и разнузданность.

Призыв в армию.

Все власти были одинаково заинтересованы в том, чтобы уберечь Францию от вторжения, и все соглашались прилагать усилия, чтобы вывести солдат на поле боя и обеспечить их необходимым оружием и припасами. Конвент должен был немедленно найти силы для осады восставших городов Лиона и Тулона, для подавления мятежных вендийцев на востоке, для борьбы с испанцами в Пиренеях, с пьемонтцами в Альпах, с англичанами и австрийцами в Нидерландах, с австрийцами и пруссаками на Рейне. Ни один из обычных мотивов, заставляющих людей уклоняться от принятия экстраординарных мер, не был воспринят существующими правителями Франции. Чтобы набрать армию, они прибегли к воинской повинности. Все граждане в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет были призваны к личной службе. Подстрекаемый Коммуной, Конвент далее декретировал сбор со всего мужского населения, способного носить оружие (23 августа). Такая мера была, конечно, неосуществимой, но она позволила депутатам собрать большое количество людей для действий против Лиона и Тулона и сдержать восставших венецианцев.

Законы о максимуме.

В период с июля по октябрь были приняты законы, устанавливающие цены и проводящие в жизнь экономическую систему, которой давно требовали на улицах. Однако лишь небольшое меньшинство из тех, кто был готов их принять, считало их экономически выгодными. На самом деле их авторы преследовали скрытые цели. Эбертисты хотели разорить высшие торговые классы. Монтаньяры, как группа, надеялись предотвратить банкротство государства, сохранив стоимость ассигнатов, несмотря на новые выпуски, и обеспечить армию, предоставив в распоряжение правительства все ресурсы страны - ее доходы, ее капитал, ее запасы и ее труд. Весной был принят декрет, устанавливающий максимальную цену на кукурузу, но в разных департаментах она была разной (с. 152). Теперь максимальная цена на кукурузу и муку была установлена без изменений для всей

республики. Ни один из этих товаров не мог продаваться иначе как на ярмарках и рынках, а торговля ими была поставлена под контроль муниципальных органов. Почти все предметы потребления, многие мануфактурные изделия и большинство сырьевых материалов также были обложены максимальной ценой, которая в каждом департаменте устанавливалась по цене, по которой товар продавался в 1790 году, с добавлением еще одной трети стоимости (17 сентября). Для того чтобы оптовые и розничные торговцы не задерживали товары для продажи, им предписывалось вывешивать над дверями своих магазинов список всех товаров, имеющихся у них на складе, и даже частным лицам запрещалось закладывать магазины. Практика снабжения армии через подрядчиков была полностью отменена. Кукуруза, сукно, масло, мука, мясо, фураж, скот, повозки, лошади, суда, словом, все сырье, промышленные изделия или живой скот, непосредственно или отдаленно связанный со службой в армии, были реквизированы, что означало, что их владельцы были вынуждены продавать правительству по максимальной цене, а в оплату принимать ассигнации по их номинальной стоимости. Точно такой же курс проводился и в отношении труда. Был установлен максимальный размер заработной платы, причем самое большее, что мог потребовать рабочий, - это заработная плата, которую он получал в 1790 году, с добавлением еще половины этой суммы. Рабочие, как и товары, были выставлены на продажу и тысячами использовались для изготовления оружия, строительства кораблей, ремонта дорог и других услуг того же характера. В каждой сделке государство выигрывало за счет частных лиц, поскольку ассигнации, в которых производились все платежи, теперь стоили всего 33 процента от их номинальной стоимости.

Вместе с законами о реквизициях и максимуме были приняты и другие, прямой целью которых было пресечение спекуляций на колебаниях цен и стоимости бумажных денег. Капиталисты, банкиры, купцы, занимающиеся иностранной торговлей, и спекулянты всех мастей были объявлены аристократами и врагами своей страны, а для более эффективного пресечения их операций возникла идея разорвать торговые и финансовые отношения между Францией и иностранными государствами. Отказ принимать ассигнаты в оплату товаров, предложение или согласие на более высокую цену в них, чем в металлических деньгах, считалось смертным преступлением. Финансовые и торговые компании были распущены. Инвестирование капитала в иностранные государства было запрещено, биржа закрыта, экспорт почти всех предметов французского происхождения и производства запрещен, а простое обладание предметами, выращенными или изготовленными в Великобритании, объявлено преступлением. Все описанные здесь законы исполнялись с помощью штрафов, конфискаций, тюрем и гильотины. Они преуспели в достижении своей непосредственной цели. Везде, где происходила купля-продажа, бумажные деньги принимались по номиналу, и правительство смогло продолжать беспрестанно увеличивать количество банкнот в обращении, не встречая соответствующего роста цен. Но этот результат был достигнут лишь ценой уничтожения частного предпринимательства, разорения сотен торговцев и фабрикантов, расточительной траты капитала страны и причинения огромного количества страданий. Внешняя торговля практически не велась, за исключением той, что осуществляло само правительство, а единственными процветающими производствами были оружейное и военное. Торговля и сельское хозяйство стали самыми опасными занятиями, которыми только можно было заниматься.

Из самых разных побуждений все, кто мог, шли на службу государству. Это было единственное средство избежать запрета, самое надежное средство избежать тюремного заключения, самое надежное средство приобрести богатство. Правительственные учреждения были наводнены неспособными клерками. Муниципальные чиновники и управляющие, которым было поручено заботиться о сохранении и продаже национального

имущества, имели широкие возможности извлекать выгоду для себя и своих родственников за счет государства. Множество агентов, занятых составлением реквизиций для армии, могли, не подвергаясь большой опасности, обогащаться за счет вымогательства и нарушения максимальных законов.

Формирование революционной армии.

Законы о максимуме препятствовали росту цен на открытом рынке, но не могли обеспечить изобилие. Можно было обыскать подвалы торговца и заставить его выставить на продажу имеющиеся у него запасы товаров по определенной цене, но невозможно было заставить его продолжать вести свою торговлю себе в убыток. Фермеру было легче, чем торговцу, нарушить закон, но это не на пользу жителям городов. Фермер часто предпочитал рискнуть головой, спрятав свою кукурузу или отправив ее за город, чем отправить ее в Париж или любой другой крупный город, где закон о максимуме соблюдался наиболее строго, а его нарушение было сопряжено с наибольшей опасностью для него самого. С весны Коммуна была вынуждена взять на себя всю задачу по обеспечению города хлебом. Ее агенты отправлялись в близлежащие департаменты и скупали всю кукурузу и муку, какую только могли достать, часто по более высокой цене, чем предписывал закон; но все же только с большим трудом удавалось обеспечить необходимые запасы. Чтобы сохранить популярность среди трудящихся классов, Коммуна, однако, была вынуждена обеспечить ежедневное снабжение хлебом. Кроме того, она была вынуждена удовлетворить ту праздную и разгульную часть населения, с помощью которой она могла навязывать свою волю Конвенту и Комитету общественной безопасности. По требованию Коммуны Конвент принял закон, объявлявший, что Париж, как и армии, должен снабжаться по реквизициям, и предписывавший сформировать специальную оплачиваемую армию, или так называемую "революционную армию", численностью в 7 000 человек, которая должна была отправиться в департаменты и заставить крестьян расстаться со своей кукурузой по максимальной цене. Таким образом, Коммуна получила в свое распоряжение новые силы и нашла средства к существованию для обездоленных воров и нищих, которыми кишел город. Эта армия представляла собой просто орду негодяев, выпущенных на свободу в соседних департаментах, которые ходили от деревни к деревне, грабили, сажали в тюрьмы и пытали жителей. Тем временем нехватка продуктов в Париже усилилась настолько, что, чтобы положить конец столпотворению у дверей булочных, Коммуна распорядилась выдать секциям билеты с указанием количества буханок, которое должна иметь каждая семья в городе для ежедневного потребления.

Закон о "подозреваемых лицах".

Законы максимума увеличили и без того большое число тех, кого Гора, якобинцы и Коммуна поместили за грань гражданства. Фермер, вынужденный расстаться со своей кукурузой по максимальной цене, отныне подозревался в недоброжелательном отношении к республике, так же как и спекулянт, торговец и подрядчик для армий, которые, пока господствовала свобода договора, получали большие прибыли за счет как частных лиц, так и государства. На самом деле было невозможно, чтобы экономическая система, установленная описанными законами, была принята только под влиянием страха. Корыстные интересы многих тысяч людей действовали в противоположном направлении. Тот самый ремесленник, который считал справедливым, что фермер вынужден продавать свою продукцию по максимальным ценам, при каждом удобном случае стремился получить более высокую зарплату, чем та, которую ему назначал закон. По мере того как число их врагов росло, эбертисты, осознавая все большую опасность для себя, становились все яростнее и кровожаднее в словах и поступках. "Чтобы быть в безопасности, - говорил Эбер, - нужно убивать всех". Если раньше

врагами Франции были дворяне, роялисты, сеньоры, то теперь в этот же класс попали жирондисты, федералисты, спекулянты, нарушители максимальных законов. Подстрекаемый Коммуной, Конвент принял закон с расплывчатыми формулировками, наделяющий революционные комитеты по всей Франции правом сажать в тюрьму всех дворян, родственников эмигрантов, федералистов и других лиц, "подозреваемых" в недоброжелательном отношении к Республике (17 сентября). Выполнить буквально совет Эбера и убить всех таких людей было невозможно. Но можно было посеять ужас со всех сторон, бросая в тюрьму всех мужчин и женщин, которые своим поведением или даже внешним видом выражали неодобрение существующего порядка и лишая жизни всех, кто носил имена, так или иначе связанные с прошлым. В начале сентября число заключенных в Париже составляло около 1 500 человек, к концу октября оно возросло до 3 000. Депутатов нельзя было ни заключить в тюрьму, ни предать революционному суду без санкции Конвента. Однако их безопасность была невелика. С тех пор как были изгнаны ведущие жирондисты, было принято решение о заключении в тюрьму то одного, то другого их последователя, так что правая сторона постепенно уничтожалась. Окончательный удар был нанесен, когда по требованию Комитета общей безопасности Конвент отправил в революционный суд двадцать одного депутата от правых, а также человека, который когда-то был известен как герцог Орлеанский, а теперь сидел в рядах Горы и называл себя Филиппом Эгалите. В то же время Конвент распорядился арестовать еще более сорока депутатов, подписавших протесты против заседаний 2 июня (3 октября). Судьи и присяжные революционного суда, как и все органы власти, избранные в Париже, были орудием или пособниками Коммуны и правительственных комитетов. Прокурор Фукье Тинвиль действовал по указаниям Комитета общественной безопасности. До сих пор суд соблюдал формы своего учреждения. Свидетели были вызваны с обеих сторон, и защита была полностью выслушана. С марта по октябрь суд приговорил к смерти шестьдесят девять человек и оправдал девяносто два. Но с этого времени формам стали уделять все меньше внимания, а количество приговоров возросло до более чем шестидесяти в месяц. Гильотина постоянно стояла на площади Революции.

Казнь королевы.

Эбертисты давно добивались жизни пленной королевы. С момента падения трона она была отрезана от всех связей с внешним миром. Она видела, как ее муж оставил ее умирать на эшафоте, а ее маленького сына с тех пор вырвали из ее рук под предлогом, что если он останется с ней, то она воспитает из него тирана. Ее тюремщики, какими бы ни были их чувства, не смели выказать ей ни малейшего сочувствия. О том, какая участь ее ожидает, ей сообщили, переводя из Храма в Консьержери, тюрьму, расположенную на острове в Сене, недалеко от Дворца правосудия, где заседал Революционный суд, а также другие судебные инстанции. Когда она предстала перед судом, то с твердостью ответила на выдвинутые против нее обвинения и своим спокойным и достойным поведением вызвала ропот аплодисментов у враждебно настроенной толпы, собравшейся посмотреть, как некогда надменная королева будет терпеть унижение и бесчестье. Как и других приговоренных, Марию Антуанетту доставили из Консьержери на площадь Революции, усадив в обычную телегу со связанными за спиной руками. История не может похвалить королеву, чье поведение в годы процветания во многом способствовало общей дезорганизации общества и правительства, в разгар которой она погибла среди стольких других жертв, многие из которых стремились к высшим целям, а многие были более невинны, чем она сама. Но своим мужественным перенесением невзгод, благородным и покорным образом, с которым она встретила смерть, она, как и другие, искупила прошлые ошибки и завоевала для своей памяти уважение и симпатию (16 октября).

Казнь жирондистов.

Вскоре за королевой на эшафот отправился 21 депутат от правых. Среди них было девять депутатов из тех, чей арест был предписан 2 июня, в том числе Верньо, Бриссо и Генсонне. Суд над ними был прерван из-за опасений, что если им разрешат выступить в суде, то они получат симпатии нетерпеливой и возбужденной публики, которой был переполнен двор. По пути из Консьержери на площадь Революции они вместе спели уже ставшую знаменитой песню "Марсельеза", начинавшуюся так

Allons, enfants de la patrie,

Le jour de gloire est arrivé.

После прибытия на эшафот песня продолжалась, пока каждый по очереди получал удар рокового ножа, и не прекращалась до тех пор, пока не падала голова последнего.

С тех пор каждую неделю на площадь Революции отправлялось множество жертв, одних знатных, других малоизвестных, принадлежавших ко всем партиям. Среди них были сестра покойного короля, кроткая и благочестивая мадам Елизавета; бывший мэр Парижа, седовласый Бейли; молодой Барнав, соперник Мирабо по популярности в Учредительном собрании; Филипп Эгалите, который не смог искупить преступление своего рождения, хотя и голосовал за смерть Людовика; мадам Ролан, друг и вдохновитель жирондистов, осужденная за заговор против единства и неделимости республики. Ее муж, бывший министр внутренних дел, скрывавшийся в Руане, был найден лежащим в поле, заколотым собственной рукой, вскоре после того, как до него дошла весть о ее осуждении.

Поклонение Разуму.

Те, кто был готов проливать кровь, как воду, и, по их собственным словам, ввел террор в порядок дня, не признавали ограничений для своей власти. Однако не все были готовы принять одинаковый курс действий. Эбертисты, следуя атеистическим и материалистическим доктринам, распространенным Дидро и другими философами той же школы, отрицали существование личного Бога и бессмертие души. Теисты и скептики, последователи Руссо и Вольтера, считали католическую веру пагубной и унижительной, но различные причины удерживали их от попыток ее подавления. В теории они придерживались принципов религиозной терпимости; они считали, что католическая вера неизбежно потеряет влияние по мере распространения знаний; они осознавали опасность возбудить крестьянство против революции, лишив его обрядов, к которым оно привыкло. Эбер и Шометт не испытывали подобных угрызений совести. Они были активными пропагандистами, стремящимися воспользоваться властью государства, чтобы навязать католической Франции новую форму богослужения. В отличие от Марата и Робеспьера, Эбер с самого начала революции проявлял одинаковую враждебность к трудолюбивому и малооплачиваемому куле, чьи родители были крестьянами, и к титулованному и богатому епископу, принадлежавшему к касте дворян; и теперь он проявлял одинаковую враждебность к конституционному священнику, принявшему дело революции, и к неюрократу, стремившемуся возбудить реакцию в пользу королевской власти. Нравственность и разум, проявленные человеком, были объявлены единственно пригодными для почитания, а культ, который должен был занять место католического ритуала, должен был стать культом, который, отказываясь признать духовный мир за пределами человеческого познания, прославлял человеческую природу и материальные предметы. Народ, говорил Шометт, будет нашим Богом; нам не нужно другого. Мы не хотим, сказал Эбер, никакой другой религии, кроме религии природы; никакого другого храма,

кроме храма разума; никакого другого культа, кроме культа свободы, равенства и братства". По приказу Коммуны началось подавление католического культа. Конституционных священников призывали жениться и отречься от своих обязанностей, а тех, кто отказывался, сажали в тюрьму. Проведение католических богослужений, как на улицах, так и в церквях, было запрещено. Даже погребальные обряды были изменены. Все признаки траура были отменены, а черную мантию заменили трехцветным полотнищем.

Все это было сделано Коммуной по ее единоличному решению, но Конвент не оказал никакого сопротивления. Голоса католиков затихли от страха. Сорок епископов и куре имели места в палате. Но самые смелые из них были запрещены вместе с жирондистами. Если немногие депутаты исповедовали атеизм, то теисты и скептики не без удовольствия наблюдали за подавлением католического культа не их собственными руками. Под давлением Коммуны Собрание приняло новый календарь, который в действительности был несовместим с сохранением католической церкви как государственного института. Год был разделен на двенадцать месяцев по тридцать дней в каждом и пять нечетных дней; каждый из месяцев - на три недели по десять дней в каждой. Месяцы назывались по временам года: "Морозный", "Дождливый" и т. п. Год I. начался 22 сентября 1792 года, в день провозглашения республики. Враждебное отношение к католицизму еще более ярко проявилось с принятием нового закона, по которому конституционное духовенство рассматривалось как враги революции. Не только неюродивые подлежали немедленной высылке на западное побережье Африки, а если они скрывались во Франции, то предавались смерти, но и конституционные священники подлежали высылке туда же по желанию административных властей. Вольно или невольно Конвент оказался втянутым вслед за Коммуной и был вынужден дать официальное признание новому культу. Гобель, архиепископ Парижский, в сопровождении своих капелланов и куре, предстал перед Собранием, чтобы публично сложить с себя полномочия. Несколько епископов и куре, которые были депутатами, поднялись и последовали его примеру. Только один человек, монтаньяр, Грегуар, конституционный епископ Блуа, имел мужество протестовать и заявить о своем намерении сохранить свой пост (7 ноября). Из дня в день в Конвенте появлялись бунтовщики в священнических облачениях, нагруженные церковной утварью, чтобы сдать свои трофеи и обличить как самозванцев сторонников католических доктрин. Наконец, в церкви Нотр-Дам был устроен праздник в честь Разума. На хорах воздвигли гору из крашеного дерева, на которой восседала женщина, изображающая Разум, одетая в белое, с пикой в руке и красным колпаком на голове. На церемонии присутствовали все городские власти. Процессия, несущая эту представительницу Разума, под звуки музыки прошла к Конвенту, и по требованию муниципальных чиновников было принято решение о том, что церковь Нотр-Дам отныне должна быть превращена в Храм Разума (10 ноября). С этого времени парижские церкви были либо закрыты, либо использовались как места собраний, где время от времени собирались беспорядочные толпы, чтобы послушать речи и песни, исполняемые в честь Свободы и Разума.

Уничтожение венецианской армии.

Пока в Париже разыгрывались эти странные сцены, война на границах и во внутренних районах Франции продолжалась так же ожесточенно, как и раньше. Союзники, отложив вторжение до следующей кампании, совершили ошибку, не оказав никакой помощи роялистским повстанцам внутри Франции. Англия не прислала помощи вендийцам, Австрия - Лиону. Поэтому в октябре Лион капитулировал. Тулон, впусив в свою гавань английский и испанский флот, получил возможность продлить до конца года свое изолированное и

безнадежное сопротивление. В Вандее война с обеих сторон велась с чрезвычайным ожесточением. Конвент принял декрет, внесенный Комитетом общественной безопасности, который предписывал генералам сжигать леса и деревни повстанцев, захватывать кукурузу и скот, а женщин и детей брать в плен (1 августа). Намерение заключалось в том, чтобы сжечь и уморить страну голодом. Но недисциплинированные республиканские войска получали отпор всякий раз, когда пытались пробиться в глубь страны. Генералы были некомпетентны, а власть разделена. Коммуна, Комитет общественной безопасности и Гора были представлены по отдельности несколькими агентами и депутатами в миссии, которые соперничали друг с другом за руководство войной и поддерживали разных генералов. Ситуацию наконец изменило прибытие в Нант нескольких тысяч солдат, составлявших гарнизон Майнца и обязанных по условиям капитуляции не воевать против союзников в течение года, но не имевших права сражаться с французскими повстанцами. Во главе с одним из своих офицеров, Клебером, эти войска проникли в самое сердце Верхней Вандеи, прогнав перед собой самую большую армию, которую когда-либо собирали вендийцы. В то же время из Сомюра и других пунктов шли войска, чтобы соединиться с ними. Отступающих вендийцев сопровождало множество некомпатантов - стариков, женщин и детей, сгоревших в своих домах или спасавшихся бегством. Вынужденные вернуться на Луару, они заняли позицию у Шолле, но потерпели новое поражение. Всеобщее бегство было предпринято через реку на лодках (20 октября). К этому времени большинство вождей были либо мертвы, либо погибли. Командование приняли молодой дворянин Ла Рошаклейн и крестьянин Стоффле. Вынужденные постоянно двигаться вперед из-за нехватки продовольствия, беглецы направились в Нормандию в надежде занять Гранвиль, портовый город, и получить помощь из Англии. Но у них не было осадных орудий, и неоднократные попытки штурма укреплений не увенчались успехом. Тогда отчаяние, которое давно уже испытывали вожди, охватило всех. Ряды сражающихся, которых постоянно призывали отражать атаки преследующего врага, постепенно редели; еды не хватало, а страдания раненых были сильны. Республиканцы истребляли всех оставшихся в живых мужчин, женщин и детей. Крестьяне заставили своих офицеров увести их обратно в свою страну. Достигли Анжера, где был мост через Луару. Но попытка силой войти в город провалилась. Под Ле-Маном (12 декабря) произошло поражение; отступление превратилось в бегство. Тысячи людей были убиты и взяты в плен; несколько человек спаслись на лодках; остальных выследили и вырезали на берегах Луары.

Террор в департаментах.

В то время как на западе страны продолжалась гражданская война, по всей стране одновременно происходили сцены, похожие на те, что происходили в Париже. Воля Коммуны была законом в большинстве департаментов Франции. Некоторые депутаты в миссии присоединились к фракции эбертистов, а их коллеги последовали за ними, не осмеливаясь вступать с ними в конфликт. Люди, по сути, переняли язык, который был тогда в моде, и действовали жестоко, подстрекаемые страхом, что, проявив милосердие, они предложат ручку, которую их враги используют для того, чтобы погубить себя и свои семьи. Депутаты миссии, пока они находили защиту в Париже, бесконтрольно распоряжались имуществом и жизнью своих сограждан. Они налагали штрафы и налоги, отменяли законы, создавали уголовные преступления и учреждали уголовные суды. Многие декреты конвента просто распространяли на всю страну меры, уже действовавшие в различных департаментах. В качестве инструментов к услугам депутатов были муниципалитеты, которые вновь и вновь перестраивались, клубы, из которых они изгоняли всех, кто не был готов рабски аплодировать их действиям, и, наконец, революционные комитеты, которым они делегировали те же произвольные полномочия, которые осуществляли сами. Эти комитеты,

которые были созданы в каждом районе и в каждой многолюдной коммуне, как правило, состояли из самых фанатичных, самых трусливых и самых никчемных людей, которых производил район. Многие тысячи людей по их приказу были брошены в тюрьму под самым ничтожным предлогом или вообще без всякого повода. Одного сажали в тюрьму за то, что он был родственником эмигранта, другого - за то, что он был фанатиком, третьего - за то, что он был эгоистом, четвертого - за то, что он ничего не сделал для революции, пятого - за то, что у него было 100 или 50 фунтов стерлингов в год. Люди обоих полов, любого возраста и звания были вовлечены в один и тот же запрет. Налоги начислялись в произвольном порядке. Тех, кто не мог или не хотел платить требуемую сумму, сажали в тюрьму, а их доходы конфисковывали. Лиц, имевших металлические деньги, заставляли обменивать их на ассигнаты. В каждом третьем департаменте постоянно происходили казни. Существовало не менее 178 чрезвычайных или революционных судов того или иного вида. Многие из них не соблюдали никаких форм и выносили по несколько сотен решений за одно заседание. Контроль со стороны центрального правительства был настолько незначительным, что Комитет общественной безопасности не знал ни о существовании некоторых из этих судов, ни о количестве людей, наказанных по их постановлениям. Католическая религия была запрещена. Еще до того, как в Париже было установлено поклонение Разуму, депутаты-гебертисты конфисковывали плиты церквей, запрещали отправление католических обрядов, жгли костры из религиозных книг и реликвий. Конституционных священников сажали в тюрьмы и гильотинировали. От одной до двух тысяч человек вступили в брак и отреклись от своей веры. Соблюдение воскресенья было запрещено. В первые дни новых десятидневных недель в церквях устраивались праздники в честь Разума, Равенства, Свободы и т. п., на которых никто не мог отсутствовать без риска попасть в разряд подозреваемых.

Во всех департаментах конфисковывали имущество, многих заключали в тюрьмы, отнимали жизни. Но количество причиненных страданий и пролитой крови в том или ином департаменте, тем не менее, в определенной степени зависело от характера депутата миссии и от того, какую роль сыграл департамент после изгнания жирондистов. Правительство пользовалось поддержкой небольшого числа людей, которые если и были фанатиками, то все же искренне верили, что, какими бы ни были его крайности, только оно одно может спасти Францию от завоевания, и старались использовать свою власть не в личных или корыстных целях, а для общественного блага, как они понимали это понятие. Такие люди могли быть жестокими, но если это и происходило, то по определенным мотивам, а не из-за трусости или простого удовольствия, которое получал тиран, чтобы продемонстрировать свою власть. Сен-Жюст в Эльзасе отобрал у жителей Страсбурга плащи, постели, сапоги и все остальное, чтобы обеспечить потребности солдат. Муниципальным служащим было приказано в течение двадцати четырех часов выдать 10 000 пар сапог. "Возьмите, - писал им юный диктатор, - сапоги с ног аристократов". В Оверни Кутон, осуществляя жесткую тиранию, стремился завоевать привязанность населения. Он получил государственные субсидии на благоустройство Клермона, своего родного города, основал оружейную мануфактуру, чтобы дать работу нуждающимся рабочим, основал колледж в интересах образования и выпустил из тюрьмы несколько крестьян. Но люди, подобные Сен-Жюсту и Кутону, были редкостью. Гораздо чаще депутаты миссии стремились к собственному обогащению и закрывали глаза на жадность и алчность своих агентов. В Бордо, под председательством трусливого Талльена, богач, который мог предложить достаточно большую взятку своим судьям, избежал жизни: бедняк отправился на эшафот. В департаментах, где правили эбертисты, неизменно царили разнузданность и пролитие крови. Следуя примеру Парижа, они создали революционные армии, которым было поручено собирать налоги и доставлять зерно, и которые устраивали хаос в стране, через которую проходили. Люди со слабым и жестоким характером, внезапно пришедшие к

власти, превращались в тиранов, способных на самые жестокие преступления, и с сердцами, лишенными всякого чувства справедливости и гуманности. Тюрьмы в Нанте были переполнены умирающими от болезней и голода людьми, обломками венецианской армии. Вместо того чтобы отправить этих жертв гражданской войны в их собственную страну, заместитель Каррьера приказал поместить их на плоты, которые затем были потоплены в Луаре, - такой способ казни применялся двенадцать раз. Великий промышленный город Лион был жестоко отомщен. Людей всех сословий - фабрикантов, лавочников, ремесленников, осужденных военными комиссарами, - расстреливали партиями по две-три сотни за раз. Целые улицы и площади взрывались порохом, огромное количество имущества было разграблено и уничтожено. По подсчетам двух депутатов, на которых лежала непосредственная ответственность, Колло и Фуше, за пять месяцев население сократилось со 130 000 до 80 000 душ. Наказание, постигшее Тулон, когда он наконец сдался в декабре, было едва ли менее жестоким.

Террористы были немногочисленны.

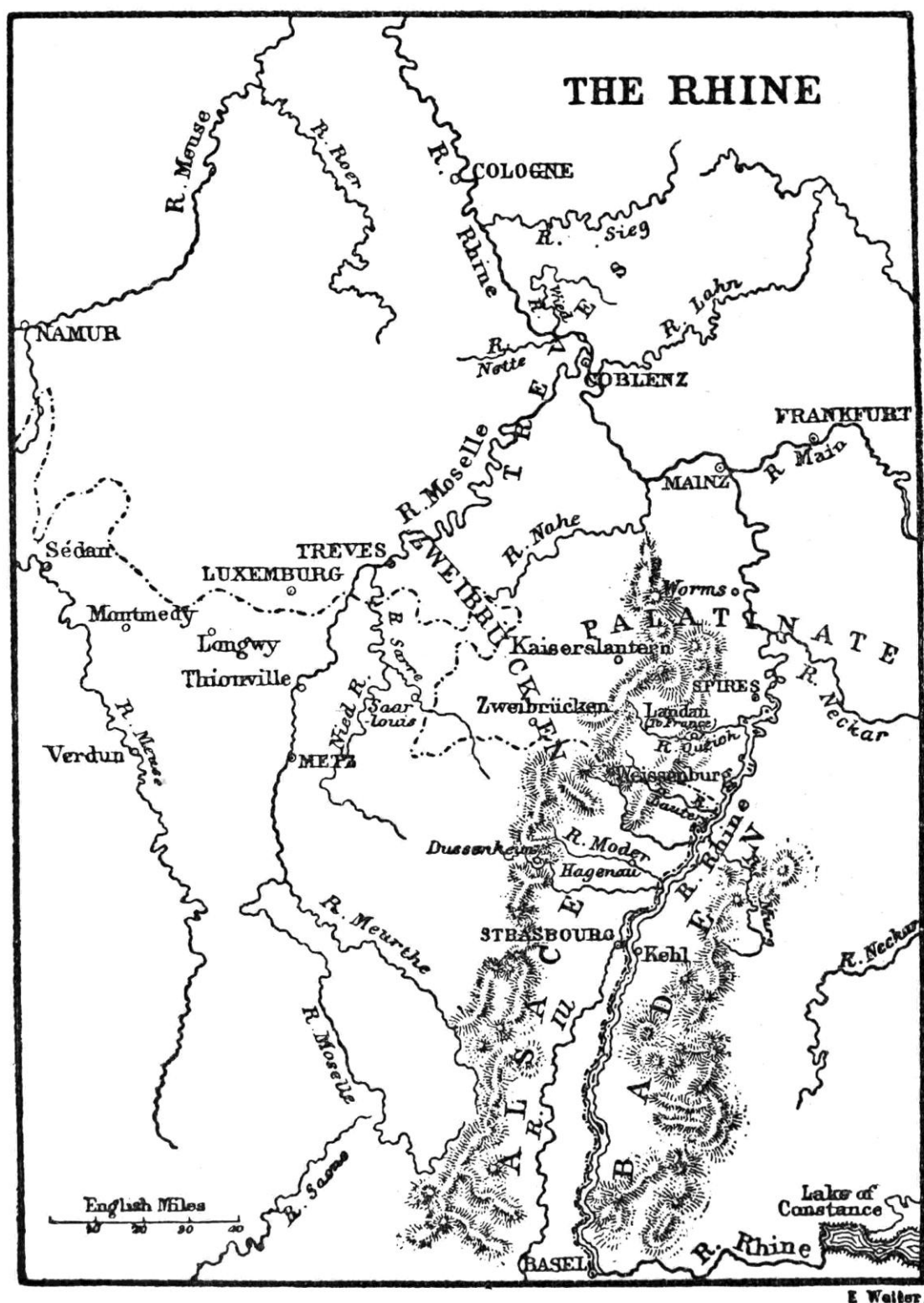
Люди, которые одобряли эти акты и принимали в них участие, составляли лишь крайне незначительное меньшинство в департаментах - в некоторых районах настолько незначительное, что их можно было пересчитать по пальцам. В некоторых районах Бретани беглые вендийцы, в окрестностях Бордо беглые жирондисты оставались в надежном укрытии, потому что не было никого, кто бы захотел их предать. В Нижних Пиренеях до осени 1793 года революционные законы оставались неисполненными, а мэром города По все еще оставался дворянин, избранный в 1790 году. Судьи обычных судов, рискуя жизнью, отказывались приговаривать своих соседей к смерти. Масса муниципальных и административных чиновников принимала участие в революционных мероприятиях только по принуждению. Небольшая кучка людей, трусов, хулиганов, фанатиков и охотников за удачей, собралась вокруг депутата в миссии, руководила действиями клубов, заседала в революционных комитетах и была судьей в революционных судах. Крестьяне и ремесленники оказывали Террору не менее активную поддержку, чем дворяне и буржуазия. Крестьяне, освободившись от феодальных повинностей, стали консервативны. Реквизиты для армий и кукурузный максимум вызывали у них постоянное раздражение. Максимум заработной платы раздражал ремесленников. Оба класса были отчуждены подавлением католического культа. Гебертисты тщетно пытались заручиться поддержкой, обличая богатых и обязываясь давать пропитание бедным и обеспечивать их рабочей силой. Они преуспели в разорении богатых, но не смогли принести пользу бедным. Главной целью, ради которой регулировалось все их поведение, было завладеть всеми богатствами, которые тирания и жестокость могли принести в их руки; и из награбленного большая часть оставалась если не в их собственных руках, то в руках их агентов, меньшая тратилась на общественные нужды, а на хлеб и милостыню для обездоленных оставались считанные гроши. Так, в 133 округах, где, по общему признанию, было собрано 1 400 000 л. революционных налогов, через год было учтено только 430 000 л. Материальная нужда была гораздо сильнее, чем в столице. В Лионе, Бордо и многих других местах жители были переведены на пайки, и на каждую голову ежедневно выдавалось несколько унций плохого хлеба.

ГЛАВА VIII.

ПАДЕНИЕ ГЕБЕРТИСТОВ И ДАНТОНИСТОВ.

Армия.

В то время как внутреннее состояние Франции было таким, как описано выше, ее враги успешно сдерживались на границах. После того как декрет Конвента о всеобщей воинской повинности, принятый в августе, был выполнен, в общей сложности в стране насчитывалось около миллиона человек. Народ мог ненавидеть и презирать свое фанатичное, тираническое и жестокое правительство, но он не переставал гордиться переменами, которые произвела революция, и был готов терпеть тяжелое иго, возложенное на него ради защиты Франции от вмешательства извне. В действительности нация была гораздо более верно представлена армией, чем правительством. Солдаты, как и большинство тех, кто оставался дома, с большим энтузиазмом защищали свою страну, но не принимали никакого участия в распрях внутренних фракций. Правительство прекрасно понимало, что оно не имеет, кроме как в пассивном смысле, поддержки крупных сил, которые необходимость заставила его собрать вместе, и парижские лидеры всегда жили со страхом, что какой-нибудь генерал последует примеру Дюмурье и обратится против своих работодателей. Эбертисты стремились вычеркнуть из армии всех офицеров, которые по рождению принадлежали к старой знати. Таких увольняли сотнями, а их места отдавали людям из рядового состава. Однако даже эти новые офицеры становились объектом подозрений, если проявляли военные способности и завоевывали расположение своих людей; а генералов революционный суд под малейшим предлогом осуждал в предательстве или измене и отправлял на эшафот. Депутаты в миссиях выступали в роли шпионов за поведением всех высших офицеров, докладывали об их словах и действиях Комитету общественной безопасности, присутствовали на военных советах, и солдаты относились к ним с большим трепетом, чем к главнокомандующему. Все наиболее важные движения армий направлялись из Парижа, где планы кампаний разрабатывал Карно, один из членов Комитета общественной безопасности. Карно получил образование военного инженера, и его значительные способности проявились благодаря неутомимой энергии и горячему энтузиазму, с которым он относился к своей работе. Перед лицом многочисленных препятствий, которые создавала дезорганизация правительства, он полностью посвятил себя задаче организации армий и обеспечению того, чтобы война, охватившая столь широкое поле, велась разумно и методично. Успех, которого добились французы, несомненно, во многом был достигнут благодаря его неустанным усилиям. До сих пор армия была разделена на две части, отличавшиеся друг от друга жалованьем, униформой и системой продвижения - на войска той линии, которая составляла армию монархии, и новые батальоны, сформированные с начала войны. Французская армия. ♦ В феврале 1793 года Конвент постановил отменить эти различия и объединить в общие полки линейные войска и новобранцев, что и было осуществлено в течение следующей зимы. Таким образом, на месте старой королевской армии появилась совершенно новая армия, порождение революции. Войскам не хватало выучки и дисциплины, но они были готовы постоянно сражаться с превосходящими силами, доверяли своим офицерам и не были легко поколеблены неудачами. Многие офицеры не умели читать и писать, но против этого недостатка можно было поставить то преимущество, что военные таланты быстро находили дорогу на фронт. Две трети офицеров полка были избраны теми, кем им предстояло командовать, одна треть была выдвинута по выслуге лет. Назначение генералов правительство оставляло за собой.

РЕЙХИН

Е. Веллер.

Кампания в Бельгии.

После капитуляции Конде и Валансьена силы союзников во Фландрии разделились. Герцог Йоркский, вопреки желанию Кобурга, отправился на запад, чтобы осадить Дюнкерк, а сам Кобург занял Ле-Кесной. Силы герцога состояли из двух дивизий. Сам он с 20 000 человек осаждал Дюнкерк; 15 000 ганноверцев под командованием Фрейтага оставались в

нескольких милях в глубине страны, чтобы наблюдать за противником. Командующий гарнизоном открыл дамбы и затопил страну, прервав связь между двумя дивизиями и ограничив отступление герцога на восток до Фурнеса, вдоль морского побережья. Французский генерал Гушар, собрав 50 000 человек, одолел 15 000 Фрейтага у деревни Хондшот и отбросил их к Фурнесу (8 сентября). Герцог Йоркский, поспешно сняв осаду, ночным маршем отступил к Фурнесу, после чего присоединился к австрийцам. Гушар, обвиненный в измене и в том, что он не позаботился о продолжении своей победы, был гильотинирован. На его место был назначен генерал Журдан, который в 1791 году поступил в армию добровольцем. Ле Кесной сдался Кобургу, а союзники осадили Маубеж. Журдан, собрав крупные силы, разбил при Ваттиньи 18 000 австрийцев, расположившихся к югу от реки для защиты от его наступления (16 октября). Вследствие этого Кобург снял осаду, и армии обеих сторон отошли на зимние позиции. За время кампании союзники завоевали три французские крепости - Конде, Валансьенн и Ле-Кесной.

Кампания на Рейне.

После падения Майнца война на Рейне пошла на спад. Австрийцы предложили повернуть на юг и завоевать Эльзас, пруссаки - осадить Саарлуи. Австрийский план был принят, но не получил активного продолжения. В Берлине считали, что окончательное урегулирование дел в Польше имеет для Пруссии большее значение, чем все, что может произойти во Франции; советники Фридриха Вильгельма не хотели, чтобы прусские войска проливали свою кровь, завоевывая Эльзас для императора. Французы занимали сильную позицию за Лаутером, называемую линиями Вейсенбурга. После многонедельной задержки эти линии были взяты штурмом объединенной атакой австрийских и прусских войск (11-13 октября). Австрийский генерал Вурмсер стал продвигаться на юг, стремясь достичь Страсбурга, а Брунsvик, понимая, что он нанесет обиду Берлину, если вовлечет прусские войска в зимнюю кампанию в Эльзасе, блокировал Ландау и стал занимать зимние позиции в Вогезах. Таким образом, союзная армия в этом районе была растянута длинной тонкой линией, протянувшейся от Кайзерслаутерна до Хагенау и Дюссенгейма. Французскими войсками, разделенными на две армии, командовали два молодых и талантливых генерала: Рейнской армией - Пишегрю, Мозельской - Хоше. Поначалу Хош предпринимал безрезультатные попытки штурмовать позиции Брунсвика вокруг Кайзерслаутерна, в то время как Пишегрю атаковал австрийцев. Под руководством Карно Хоше передал часть своей армии в распоряжение Пишегрю, после чего началась ожесточенная и непрекращающаяся атака на позиции Вурмзера. Австрийская линия, прорванная и окруженная, сдалась со всех сторон. Вурмсер, свалив вину за катастрофу на пруссаков, отступил за Рейн, и Брунsvик был вынужден последовать за ним. Таким образом, осада Ландау была снята, а французы вновь заняли Шпиль и Вормс (декабрь).

Победа при Ваттиньи и изгнание союзников из Эльзаса повлияли на отношения группировок, боровшихся за господство в Париже. Монтаньяры возмущались тем раболепием, в котором они находились перед Коммуной и двумя комитетами; и чем меньше была опасность вторжения, тем сильнее становилось их желание избавиться от гнетущего ига, которое они наложили на себя изгнанием жирондистов. Лишь немногие из них действительно придерживались тех же идей, что и эбертисты; а за пределами Комитетов общественной безопасности и общей безопасности едва ли нашелся бы депутат, который не возмущался бы тиранией, осуществляемой этими комитетами. И все же монтаньяры не могли вернуть себе независимость. Они не могли обратиться к депутатам центра, которые находились в еще большем подчинении, чем они сами, перед комитетами и Коммуной. Сами они были лишены мужества и единства. Всякое чувство политической чести было мертво, и,

чтобы не обидеть, где это было опасно, люди были готовы отказаться от своих слов и безропотно принести в жертву своих товарищей. Некоторые монтаньяры, подстрекаемые страхом за свою жизнь, добились принятия декрета о том, что Конвент позволит своим членам выступать в порядке самозащиты, когда против них выдвигаются обвинения (10 ноября). Через несколько дней после этого, по требованию Комитета общественной безопасности, Конвент отменил этот декрет и приказал арестовать четырех депутатов, включая его авторов, против которых Комитет выдвинул общее обвинение в заговоре против Республики.

Работа Конвента.

К счастью, эта история о безропотном подчинении тирании не исчерпывает всей летописи Конвента. Люди, обычно молчавшие в Конвенте, искали убежища в частных комитетах, назначенных для подготовки специальных законов. В них монтаньяры и депутаты центра по-прежнему работали бок о бок, разрабатывая законодательные проекты по развитию образования, реформе гражданского права, улучшению сельского хозяйства, осушению болот, пресечению безденежья и помощи бедным, а также другие подобные проекты. Хотя большая часть их работы не принесла результатов, все же было принято значительное количество важнейших законов, которые берут свое начало со времен, когда жирондисты были у власти, и которые были гораздо более характерны для Конвента как органа, чем кровавые законы, которые он принимал под диктовку Комитета общественной безопасности, выступавшего от имени якобинцев и Коммуны.

Учредительное собрание сохранило до тех пор, пока собственники не получают компенсацию, феодальные повинности, которые считались причитающимися за пожалование земли. Законодательное собрание, следуя теории, которой придерживались многие юристы, о том, что земля изначально была свободной, постановило отменить все пошлины без возмещения, за исключением случаев, когда собственники могли доказать первоначальное право собственности и доказать, что пошлины действительно причитались за пожалование земли. Как правило, это было невозможно: пошлины взимались только по давности. Новый закон порождал судебные иски, и Конвенция уничтожила последние остатки феодальной системы, постановив отменить без возмещения все повинности, носившие феодальный характер. До изгнания жирондистов энтитеты были отменены, а родителям также было запрещено составлять завещания, в которых одному ребенку отдавалось большее предпочтение, чем другому. Родителям также запрещалось отдавать более десятой части своего имущества посторонним людям или более шестой части - родственникам. Незаконнорожденные дети были поставлены в равные условия с законными. Законодательное собрание ввело гражданские браки и разрешило разводы на основании несовместимости нравов с согласия обеих сторон. Новый гражданский кодекс, ясный и простой, в соответствии с законодательством революционных собраний, готовился занять место хаоса старых законов и обычаев. Однако работа была только начата, и новый кодекс не был промульгирован Конвентом. Негритянское рабство было отменено, а цветные люди в колониях получили права французских граждан. Был принят декрет о создании начальных школ, которые должны были содержаться государством. Обучение должно было быть бесплатным, посещение обязательным, а религиозное обучение запрещалось. Также были приняты законы о создании трех медицинских школ и школы естественной истории в Париже. Но в действительности мало что было сделано для обучения какого-либо класса. Не хватало ни денег, ни власти. Подстрекаемый Комитетом общественного образования, Конвент неоднократно отдавал распоряжения о сохранении ценных монастырских библиотек. Тем не менее, книгами пренебрегали, их расхищали и разбрасывали. Начальные

школы, если и открывались, то в стране без присмотра. О высшем образовании не было и речи. Подозреваемые в реакционных тенденциях, все академии и научные общества были распущены. Большинство колледжей исчезло, лишь некоторые влачили жалкое существование.

Финансовые меры Камбона.

Наряду с двумя правительственными комитетами Комитет финансов занимал важное и в определенной степени независимое положение. В Комитете общественной безопасности не было ни одного члена, готового взять на себя руководство финансами, и поэтому он был вынужден оставить инициативу другим. Депутат Камбон, заседавший на границе Горы, практически занимал пост министра финансов; с его подачи было принято несколько законов, призванных восстановить равновесие между расходами и доходами и предотвратить увеличение количества ассигнатов в обращении. Государство имело большое количество кредиторов, некоторые из которых были заложены до революции, другие - после; третьим причиталась компенсация за упраздненные должности. Все эти кредиторы были поставлены в равные условия. Капитал, причитающийся им, был возвращен, и во всех случаях выплачивался пятипроцентный процент. Старые названия были уничтожены, а новые занесены в общую книгу, названную Большой книгой государственного долга. Государство выиграло от этой операции, особенно в случае с займами, заключенными до революции, часто на очень обременительных условиях. Новый источник доходов был найден в введении принудительного займа, согласно закону, принятому весной. Кредиторы должны были расплачиваться конфискованными землями. Этот заем должен был принести крупную сумму в 43 750 000 л., и ассигнации на эту сумму должны были быть изъяты из обращения.

Однако усилия по восстановлению финансов оказались столь же бесплодными, как и усилия по развитию образования. Пока миллионы растрачивались в департаментах, налоги, установленные Конвентом, оставались неуплаченными. Принудительный заем так и не принес более восьми миллионов. Камбон тщетно повторял жалобы на то, что лишь малая часть сумм, нерегулярно собранных в департаментах, никогда не доходила до казны. Пока Коммуна была у власти, Конвенту было невозможно предпринять какие-либо действенные шаги для исполнения своих декретов.

Таким образом, по целому ряду причин существующее правительство вызывало недовольство многих из тех, кто принимал в нем участие. Даже самые жестокие и беспринципные из монтаньяров возмущались своим подчиненным положением. Институт поклонения Разуму оскорблял многих из них. Бессмысленное расточительство имущества и уничтожение жизни в главных торговых городах Франции, в Лионе, Тулоне, Бордо и Нанте, вызывало если не жалость, то отвращение. Теперь, когда стране больше не угрожала непосредственная опасность вторжения, люди, до этого безразличные к тому, что делается, пока враг отбит, проснулись от ужаса перед сценами, которые разыгрывались вокруг них. Дантониисты искренне желали приостановить действие гильотины. После того как в июле, после воссоздания Комитета общественной безопасности, их оттеснили люди более фанатичные и кровожадные, чем они сами, их посещали угрызения совести, когда они ощущали свое бессилие сдерживать страсти, которые они сами же помогли развязать. "Я не могу забыть, - писал Десмулен, горячо привязанный к собственной жене и ребенку, - что у тех, кого они убивают тысячами, тоже есть жены и дети".

Эбертисты подверглись нападению Робеспьера.

Помимо недовольства Горы, приход к власти Коммуны вызвал недовольство Комитета общественной безопасности и, в частности, Робеспьера. Робеспьер выступал против

принципов, которые Эбер объявил своим особым защитником. Он, правда, выдвинул себя как друга народа, но ни в целях, ни в характерах этих двух людей не было никакого реального сходства. Робеспьер не симпатизировал движению, которое боготворило невежество, лохмотья и порок, а Республику делало добычей банд хищных и беспринципных авантюристов. В то время как Эбер, приняв грубые манеры и грубый язык, стремился к популярности, Робеспьер всегда придерживался приличий как в языке, так и в одежде, продолжая даже носить напудренные волосы, как это было принято у образованных людей при монархии. Кроме того, атеистические доктрины, которые исповедовал Эбер, были Робеспьеру крайне неприятны. Робеспьер был теистом школы Руссо, а Руссо говорил, что люди, не верящие в особое провидение и будущую жизнь, не могут быть хорошими гражданами, и, что атеизм - это единственная доктрина, публичное исповедание которой не потерпит ни один мудрый законодатель.

В "Якобинцах" Робеспьер нападал на Эбера и Коммуну на основании их нетерпимости. По его словам, те, кто преследует священников, более фанатичны, чем сами священники. Атеизм - это аристократизм. Идея верховного существа, которое следит за угнетенной невинностью и наказывает торжествующее преступление, полностью популярна. Если бы Бога не существовало, нам пришлось бы его изобрести.

Таким образом, Робеспьер, руководствуясь как принципами, так и амбициями, стремился уничтожить эбертистов и Коммуну. Его коллеги по двум комитетам, хотя большинство из них недолго любили его лично и боялись, что он добьется большего превосходства, разделяли его стремление сломить власть Коммуны. По мере того как они привыкали к власти, им становилось не по себе от необходимости делить ее с органом, чью волю всегда приходилось учитывать и чьи действия часто мешали их собственным. Монтаньяры ненавидели тиранию двух комитетов, но еще больше они ненавидели тиранию Коммуны и готовы были принять участие в ее свержении, пренебрегая вероятностью того, что таким образом они еще надежнее заклепают цепи, в которых их держали комитеты. В Конвенте гебертистские генералы и агенты в Вандее постоянно обвинялись в проступках и неспособности, а также в том, что они ответственны за все произошедшие неудачи. Был принят закон, призванный централизовать власть в руках двух комитетов и лишить Коммуну инструментов, с помощью которых она обеспечивала себе господство в департаментах. Революционные комитеты Парижа были поставлены под контроль Комитета общей безопасности. Коммуна была лишена права посылать агентов в департаменты. Революционная армия Парижа была на время оставлена, опасаясь, что в случае попытки ее распустить она может восстать против Конвента, но революционные армии в департаментах должны были быть подавлены. Никакие налоги не должны были вводиться без санкции Конвента. Законодатели округов и муниципалитетов, которые до сих пор избирались, были поставлены в зависимость от центрального правительства и получили название национальных агентов (4 декабря).

Борьба между дантонистами и эбертистами.

Примерно в то же время, когда был принят этот закон, Десмулен, подстрекаемый Робеспьером, начал издавать газету *"Старый кордельер"*, в которой он сначала ограничился обличением эбертистов, но затем стал обличать сам Террор как великий обман и сравнивать положение дел во Франции с тем, которое царило при худшем из римских императоров. Закон об измене, по его словам, был распространен на слова; жителей городов убивали массово. Горе, жалость, неодобрительные взгляды, само молчание считались государственными преступлениями. Преступлением было быть богатым; преступлением было дать приют другу. Возможно ли, спрашивал он, чтобы положение

вещей, которое во времена Тацита представляло собой деспотизм и худшее из правительств, сегодня представляло собой свободу и лучший из возможных миров? Вы хотите истреблять своих врагов с помощью гильотины. Какая глупость! На каждого убитого приходится десять новых врагов. Если мы не понимаем под свободой проведение в жизнь принципов, то никогда еще не было такого глупого идолопоклонства, как наше, и такого, которое обходилось бы дороже. Свобода - это не оперная певица, прогуливающаяся в красном колпаке. Свобода - это счастье, равенство, справедливость, сама Декларация прав. Если я хочу признать ее присутствие, откройте двери тюрьмы для тех 200 000 граждан, которых вы называете "подозреваемыми".

Таким образом, Коммуна была атакована сразу с трех сторон - монтаньярами, которые хотели независимости Конвента, Комитетом общественной безопасности, который стремился расширить свои полномочия, и дантонистами, которые пытались сдержать Террор. Эбер боялся вступать в полемику с Робеспьером. Атеистическое движение принесло ему известность, но его активные сторонники были немногочисленны, и не было никакой вероятности, что значительное число людей сплотится вокруг него в его защиту. Шометт во время Коммуны выступил с речью о глупости попыток подавить религиозные взгляды силой. Эбер пошел дальше и выступил с официальным отрицанием атеизма перед якобинцами. Но, стремясь заручиться поддержкой Робеспьера, Эбер и его последователи начали более яростную атаку на дантонистов. Здесь они были более уверены в своих силах, так как все, кто активно участвовал в разрушительной работе, боялись первого шага реакции, чтобы не настигло возмездие. Кордельеры вычеркнули имена Дантона и Десмулена из списка своих членов. Колло, руководитель зверств, совершенных в Лионе, вернувшийся в Париж в декабре, выразил удивление, что первый, кто говорил о помиловании, не был отправлен на эшафот. Среди двенадцати человек, составлявших Комитет общественной безопасности, не было хорошего взаимопонимания. Шестеро занимались специальными отраслями управления, но не принимали участия в руководстве общими действиями правительства. Остальные шестеро не были единодушны. Кутон и Сен-Жюст были преданными приверженцами Робеспьера. Барер, первоначально депутат от центра и временщик между Горой и Жирондой, был безразличен к тому, уступит ли Робеспьер или Эбер, лишь бы оказаться на стороне победителя. Бийо и Колло, которые действовали вместе, были двумя самыми кровожадными людьми в комитете. Они были связаны с эбертистами. Они не возражали против учреждения Поклонения Разуму и боялись, что уничтожение Эбера даст Робеспьеру возможность властвовать над ними. Однако как членам комитета им не нравилось соперничество в Коммуне, и, кроме того, они боялись как вражды Робеспьера, так и триумфа дантонистов. Поэтому они были готовы пожертвовать Эбером, лишь бы обезопасить себя от реакции, предав смерти и Дантона. Со своей стороны, Робеспьер был готов пожертвовать Дантоном. Он не мог присоединиться к дантонистской реакции против Террора, не подорвав своего влияния на якобинцев и не вынудив Колло и Бийо пойти на союз с Эбером. Кроме того, если бы эбертисты были подавлены в результате победы дантонистов, Робеспьеру пришлось бы столкнуться с ситуацией, когда Гора могла бы избавиться от контроля над двумя комитетами.

Робеспьер и якобинцы.

Якобинский клуб стал полем, где впервые развернулась борьба между Робеспьером и Эбером. В этом обществе, которое было оплотом Робеспьера, Эбер был бессилен

противостоять ему. Многие из посетителей клуба действительно были эбертистами, но их влияние было незначительным по сравнению с Робеспьером и его сторонниками. Все мелкие торговцы и ремесленники, которые, не руководствуясь подлыми мотивами, все же интересовались политическими делами, боготворили Робеспьера. Если Эбер пользовался приверженностью только беспринципных и порочных людей, которые в трудную минуту могли его бросить, то Робеспьер пользовался любовью приверженцев, готовых поддержать его и в случае необходимости умереть за него. Его несомненная честность, постоянные разговоры о добродетели и нравственности, сдержанность его манер, сухость языка производили глубокое впечатление на искренние, но узкие и пылкие умы. Грубые мужчины и женщины, посещавшие галереи якобинцев, слушали его с восторженным вниманием и аплодировали его словам с такой энергией, что люди, которые осмеливались находиться среди них, не подражая их поведению, становились объектами внимания. Общество, в котором Робеспьер таким образом господствовал, представляло собой реальную политическую силу и долгое время было инструментом, с помощью которого ему удавалось первенствовать над своими коллегами в Комитете общественной безопасности. Каждая резолюция, принятая клубом, в конечном итоге должна была быть принята Конвентом; и каждый человек, которого клуб проскрибировал, будь то министр, генерал, депутат или кто-либо другой, в течение нескольких дней отправлялся в тюрьму и на гильотину. Ни один человек не считался хорошим патриотом, если он не был якобинцем, и сотни людей, которые никогда не входили в это заведение, для надежности записали свои имена в качестве членов.

Падение эбертистов и дантонистов.

Робеспьер, по своей привычке, еще не определившись с выбором пути, занял неопределенную позицию между эбертистами и дантонистами, обвиняя крайних то в излишествах, то в умеренности. Эбертисты стремились укрепить свое положение в клубе, нападая на дантонистов; и только благодаря защите Робеспьера Десмулен и другие, требовавшие проведения более мягкой политики, смогли сохранить свои позиции в обществе. Наконец, Робеспьер добился своего, оставив дантонистов жертвами фанатизма и жестокости своих сторонников, и открыто добился запрета эбертистов. Один за другим люди, исповедовавшие атеизм или проявлявшие гуманность, лишались членства. Клуб стал орудием Комитета общественной безопасности, и никто, кроме сателлитов Робеспьера и Колло, не дышал в нем свободно. Дантонистам не на кого было опереться, кроме как на слабую и разобщенную Гору. Никто не доверял своему соседу, и каждый боялся выступить против воли двух комитетов, чтобы потом не быть брошенным на произвол судьбы. Хотя эбертисты выглядели более грозными, опасность того, что они смогут одолеть своих противников, была невелика. Они больше не могли рассчитывать на поддержку тех сил, которые были в их распоряжении в июле и августе. После принятия законов о максимуме они разыграли свою последнюю карту, и у них не осталось средств, чтобы склонить население на свою сторону. Напротив, Коммуна постоянно пыталась предотвратить скопление голодных толп на улицах, что могло бы привести к совершенно реальному взрыву народной ярости, направленной против нее самой. Все остатки свободной политической жизни были уничтожены. Общие собрания секций собирались только два раза в неделю, и присутствующие на них получали зарплату. К клубам, в которых состояло множество членов, относились с подозрением и сбрасывали со счетов. Сентябрьский закон о максимуме, установивший цены на треть выше, чем они были в 1790 году, разорил столько людей, что от него отказались как от несостоятельного. Новый закон взял за основу реальную стоимость каждого товара в месте производства, разрешил определенный процент за перевозку, десять процентов для оптового и пять процентов для розничного торговца. Парижский

тариф, опубликованный в марте, вызвал большое недовольство. Многие из наиболее нуждающихся сторонников Коммуны, получив добычу или должность, не решались рисковать жизнью, поддерживая Эбера против Робеспьера. Комитет общественной безопасности заручился поддержкой праздных и голодных двумя законами: первый (26 февраля) предписывал конфисковать имущество, принадлежащее врагам революции, второй (3 марта) обещал, что из конфискованного имущества будут выделены средства для нуждающихся патриотов. Попытка под руководством Кордельеров поднять восстание против Конвента и двух комитетов провалилась. Эбер и еще восемнадцать человек были арестованы и приговорены революционным судом к смерти по обычному абсурдному обвинению в стремлении уничтожить Конвент и восстановить монархию (24 марта). Через несколько дней после их казни наступила очередь дантонистов. Дантон, Десмулен и еще два депутата были арестованы ночью. Конвент оставил их по требованию Сен-Жюста, не дав ни одного голоса в их защиту (31 марта). Дантон, предупрежденный заранее, не предпринял никаких попыток спастись. Может ли человек, - ответил он, когда ему предложили бежать, - взять с собой свою страну на подошвах своих ботинок? Суд, в учреждении которого он сам принимал участие, осудил его и его друзей как монархистов и предателей Республики. Никаких документов предъявлено не было, и обвиняемым не дали возможности выступить в свою защиту. "В такой день, - сказал Дантон в тюрьме, - я создал революционный суд. Я прошу прощения у Бога и людей". Вскоре после этого на эшафот привели новую партию жертв: одних эбертистов, других дантонистов. Среди них были вдова Эбера и молодая вдова Десмулена, с которой, как и с ее мужем, Робеспьер жил в тесной близости.

ГЛАВА IX. ПАДЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА.

Диктатура Комитета общественной безопасности.

Члены Комитета общественной безопасности сосредоточили в своих руках всю полноту власти. Гора была разгромлена Дантоном, Коммуна - Эбером. Миссионерские депутаты, которые раньше присоединялись к партии эбертистов, теперь стремились сохранить свои головы, придерживаясь той линии поведения, которую им указывал комитет. Коммуна была восстановлена и передана под руководство двух преданных Робеспьеру людей - ее мэра Флерио-Леско и ее национального агента Пайана. Партизаны Эбера в гражданских и революционных комитетах были заменены. От системы всенародных выборов отказались даже по форме, и все переназначения производились либо самим комитетом, либо Конвентом под его диктовку. Министерства были упразднены, а министерские департаменты разделены между двенадцатью комиссиями, в которые назначались новые люди.

Цели Робеспьера.

Сообщения о казни эбертистов проникли в тюремные застенки и вызвали надежду, что Террору пришел конец. Эти надежды быстро оказались обманчивыми. Диктатура Комитета общественной безопасности, основанная террором, опиралась только на террор. У Колло и Бийо не было другой мысли, кроме как увековечить свое правление, продолжая уже действующую систему. Робеспьер был не менее жесток, но не потому, что, как и в их случае, просто пренебрегал количеством пролитой крови, а потому, что стремился к большему и рассматривал гильотину как самый простой инструмент для достижения своих целей. Он не мог удовлетвориться тем, что устраивало Бийо и Колло. Будучи уже самым видным человеком в комитете, он стремился занять первое место в Республике и предстать перед

Европой в качестве защитника добродетели и возродителя своей страны. У Руссо он научился считать совершенно отвратительным то состояние общества, в котором он вырос, с его разделением на классы и яркими контрастами между знанием и невежеством, праздностью и трудом, роскошью и убожеством. Если бы власть была в его руках, он уничтожил бы все остатки этого разделения, объединив все классы в один, упразднив пороки и невежество, крайности богатства и бедности, и предоставив всем гражданам одинаковые интересы, привычки и удовольствия. Этот идеал, принадлежавший Руссо, постоянно присутствовал в сознании Робеспьера, скрывая от него его собственные амбиции; но он был смутным, и у него не было определенного представления о том, каким образом следует пытаться его реализовать. Он не был ни мыслителем, ни организатором. Руссо предлагал образование и законодательство в качестве возможных средств возрождения. К ним Робеспьер не добавил ничего, кроме гильотины, принципа уничтожения противников. Всех, кто стоял на его пути, он уничтожал одного за другим, как только они представляли перед ним - дворян, капиталистов, купцов, вольных торговцев, атеистов, фанатиков, милосердных, умеренных, продажных, вымогателей и даже нейтральных людей, пока наконец люди, чьи дифирамбы постоянно звучали из его уст, не стали в его сознании не более чем робеспьеристами, несколькими сотнями невежественных и доверчивых, но горячих сторонников и почитателей.

Сен-Жюст.

За Робеспьером стоял Сен-Жюст, молодой человек чуть старше двадцати лет, фанатичный, самоуверенный и нетерпимый. В мыслях он был более дерзок, чем Робеспьер, а его концепции были более определенными. Он был, пожалуй, самым глубоким учеником Руссо во Франции. Как и его учитель, он основывал свои представления о том, каким должно быть правительство великого государства, на институтах мелких республик древности, и из всех этих республик для подражания он выбрал, как ни странно, аристократическую Спарту. Но он восхищался именно деспотизмом Спарты, а не ее аристократией. С помощью спартанских институтов он задумал переделать привычки и обычаи своих соотечественников. Все мальчики должны были воспитываться в общих школах. Каждый мужчина должен был жениться, а каждый мужчина - работать. Каждый человек должен был иметь друзей и каждый год публично объявлять их имена в храме Верховного существа. Если он совершал преступление, его друзья должны были быть изгнаны из Республики. Короче говоря, с помощью законов и государственных институтов такого рода Сен-Жюст считал возможным привить французскому народу простые, бережливые и трудолюбивые привычки. Обстоятельства, говорил он, не имеют никакого значения, разве что для людей, которые боятся смерти. А пока не будут созданы необходимые институты и не изменятся привычки и убеждения его соотечественников, Сен-Жюст, подобно Робеспьеру, прибегал к гильотине, чтобы избавиться от тех, кто стоял на пути к осуществлению его идеала. Пока люди не станут добродетельными в его понимании этого слова, республика может опираться только на террор. Что, спрашивал этот молодой, фанатичный и беспринципный теоретик, будет у тех, кто отвергает в качестве принципов правления добродетель и террор?

Помимо фанатизма и властолюбия, существовал и материальный мотив для продолжения Террора. Ресурсы шли на службу государству. Как только человек оказывался в тюрьме, его капитал секвестировался, а доходы конфисковывались. Когда его приговаривали к смерти, конфисковывался и сам капитал. Но обещание, данное перед арестом гебертистов, что из конфискованного имущества будут выделяться средства для неимущих, так и не было выполнено. Кроме того, покупатели государственных земель гибли десятками, и таким образом национальное имущество во второй раз выходило на рынок в качестве обеспечения

бумажных денег. Циничные слова, приписываемые Бареру, точно выражают удовлетворение, которое многие испытывали от этих финансовых результатов гильотины. "Мы чеканим деньги", - сказал он, как сообщается, "на площади Революции".

Таким образом, результатом диктатуры комитета и прихода к власти Робеспьера стало то, что Террор был сведен к системе. Те, кто надеялся на возвращение к более мягкой политике, были жестоко разочарованы. Революционная армия Парижа была распущена. Специальные суды в департаментах, за исключением двадцати, были ликвидированы, а политические заключенные отправлены в Париж для суда. Справедливость, честность и добродетель были объявлены порядком дня, а наказания в виде тюремного заключения и смерти были отменены для тех, кто обманывал Республику. Банды злодеев, которые под именем революционных армий все еще были проклятием нескольких департаментов, были разбиты, а их лидеры отправлены на эшафот. Торговле и сельскому хозяйству было обещано поощрение, а ремесленников и рабочих в сельских округах, против которых не было выдвинуто никаких конкретных обвинений, было приказано освободить. Число казней в Париже росло пропорционально уменьшению числа казней в департаментах: с 60 до 155, а затем до 354 в месяц. В Бордо, Аррасе и других городах, где были сохранены специальные суды, казни возобновились. Новый суд был учрежден комитетом в Оранже, который за сорок два заседания приговорил к смерти 331 человека, заключил в тюрьму 98 и оправдал 159. Были выслежены пять жирондистских преступников, все еще скрывавшихся в Жиронде. Гуаде и Барбару были казнены в Бордо, тела Петиона и Бузо были найдены мертвыми в поле.

Война в Ла-Вандее.

В Вандее шла война на истребление. После уничтожения большой вендской армии в декабре страна затихла от истощения, и при проведении разумной политики восстание можно было бы прекратить. Но в Коммуне, где у власти все еще находился Эбер, возникла идея уничтожить жителей и конфисковать их земли. Под командованием Турро, человека столь же жестокого, как и сам Колло, двенадцать колонн двинулись в глубь страны из разных точек, убивая все живое, что попадалось им на пути, уничтожая деревни, фермы, посевы, печи и кукурузные мельницы. Даже те города, которые они не заняли, были разграблены и сожжены, а те жители, которые до сих пор поддерживали Республику, должны были покинуть страну под страхом обращения с ними как с разбойниками. Война разгоралась со всех сторон. Население целых деревень, прихватив с собой товары и запасы, укрывалось в лесах, откуда вело непрерывную партизанскую войну против врага. Отдельные республиканские посты были либо взяты штурмом, либо вымерли от голода. Если у солдат и была кукуруза, то они не имели возможности ее перемолоть, так как все мельницы были разрушены. Поставки из Сомюра и Нанта были отрезаны по пути. Солдаты болели тысячами, а редукция страны казалась не столь близкой к завершению, как в тот момент, когда колонны Турро только начали свою разрушительную работу.

Гаагский договор.

После катастрофического завершения Рейнской кампании в декабре 1793 года союз между Австрией и Пруссией практически прекратился. Пруссия получила так называемую компенсацию в Польше, ее генералы и дипломаты стремились к скорейшему завершению войны с Францией. Страна была бедна и не была заинтересована в ее продолжении. Однако важное соображение удерживало правительство от необдуманного перехода к политике мира. Пруссия была обязана, ради своего главенства в Северной Германии, защищать северные государства от вторжения. Кроме того, король лично не желал покидать коалицию до того, как существующее правительство во Франции будет свергнуто. Был найден средний

путь. Пруссия заявила о готовности оставить свою армию на Рейне, если союзники возьмут на себя расходы по ее содержанию. Меньшие государства империи не замедлили откликнуться на этот призыв, а Австрия отказалась быть участником любого соглашения об оплате прусской армии. После опыта последней кампании Тугут не верил, что Пруссия намерена оказывать какую-либо материальную помощь, и предвидел, что если Австрия будет сдерживаться, то Англия возьмет на себя это бремя. Министры Георга III прилагали напряженные усилия, чтобы удержать коалицию. Они намеревались расширить колониальную империю Англии, а пока Франция вела военные действия с половиной континента, ей было невозможно защищать свои колонии. Поэтому в Гааге был подписан договор между Мальмсбери со стороны Англии и Хаугвицем со стороны Пруссии, по которому Англия обязалась вместе с Голландией ежемесячно поставлять Пруссии сумму на содержание 62 000 человек (19 апреля).

Восстание в Польше.

Этот договор едва успели подписать, как в Берлин пришло известие, что поляки взялись за оружие. Во время второго раздела Польши Сейм был вынужден не только отдать провинции России и Пруссии, но и подписать договор, по которому та часть страны, которая еще оставалась номинально независимой, переходила в подчинение России. Король Станислав был орудием Екатерины, а его правительство поддерживали 40 000 русских. Недовольство пронизывало страну. Жители городов сожалели о реформированной конституции мая 1791 года, свергнутой под влиянием Екатерины (с. 98). Мелкое дворянство было горько враждебно русскому господству; армия, все еще насчитывавшая 30 000 человек, возмущалась своей деградацией. Штандарт восстания был поднят со всех сторон. Под Варшавой народ, объединившись с восставшими польскими полками, с большими потерями изгнал русский гарнизон (18 апреля). Однако, несмотря на энтузиазм, с которым было начато восстание, и патриотический дух, одушевлявший его лидеров, Потоцкого и Костюшко, вероятность окончательного успеха была невелика. Поляки, раздираемые внутренними противоречиями, были не в состоянии выступить единым фронтом против общего врага. Многие представители высшей знати находились на русском содержании. Трем могущественным соседям - Австрии, Пруссии и России - нужен был лишь предлог для окончательного раздела и стирания Польши с карты мира. Фридрих Вильгельм с 50-тысячным войском сразу же вошел в страну и, объединившись с русскими, осадил Варшаву (13 июля).

Эти события вызвали чувствительную реакцию на военные действия на Западе. Англия и Пруссия, заключая Гаагский договор, преследовали разные цели. Английское правительство ожидало, что прусская армия будет сражаться в Бельгии; король Пруссии предполагал, что она должна лишь обезопасить империю от вторжения, перекрыв проход по Рейну. Польский мятеж усилил отвращение прусских генералов и министров к французской войне. Они отказались разрешить своей армии покинуть Рейн, ссылаясь на то, что империя может подвергнуться вторжению. Разгоревшаяся на этой почве ссора с Англией послужила им оправданием для того, чтобы не предпринимать никаких активных шагов для нападения на врага. В мае, правда, их армия продвинулась в направлении Эльзаса и вытеснила французов из Кайзерслаутерна и соседних позиций. Но с этого времени она оставалась бездействующей, и таким образом французы смогли направить крупные дополнительные силы для борьбы с союзниками в Бельгии.

Кампания в Бельгии.

Комитет общественной безопасности потворствовал восстанию поляков и пытался, хотя и безрезультатно, разжечь войну на Дунае и Висле, субсидируя Порту для нападения на Австрию. Карно, зная о разногласиях между Австрией и Пруссией, планировал кампанию, исходя из предположения, что на Рейне не найдется сильного противника. Он планировал ограничить наступательные операции Бельгией, где надеялся одержать верх над союзниками за счет превосходства в численности и угрожать Голландии и Англии вторжением. Место военных действий можно условно разделить на три части: во-первых, страна между реками Мёз и Самбр; во-вторых, страна между Самбром и Шельдой; в-третьих, Фландрия между Шельдой и морем. Эту длинную линию территории союзники должны были защищать с 160 000 против 300 000 человек. Их генералы не обладали выдающимися талантами, которые позволили бы им с успехом бороться с подобными трудностями. Герцог Йоркский, которого снова назначили командовать английскими войсками, поскольку он был сыном Георга III, не обладал ни военными знаниями, ни способностями. Кобург беспрекословно следовал стратегии дня, которая заключалась в том, чтобы поставить против каждого корпуса противника противостоящий ему корпус людей и защищать каждую местность, которая была однажды занята. Идея одержать победу, обрушив превосходящие силы на слабый участок вражеской линии, не приходила в голову ни ему, ни его штабу, и его план операций сводился к удержанию позиций и захвату французских крепостей.

Союзники по-прежнему занимали три крепости - Валансьенн, Конде и Ле-Кесной, которые они взяли в предыдущем году. Между Валансьеном и Бавеем находился австрийский центр; их правое крыло занимало Фландрию, левое охраняло линию Самбре. План Карно заключался в том, чтобы, используя свое численное превосходство, сначала разбить фланги противника, а затем, атакуя его центр спереди и с фланга, вытеснить его из Бельгии. Австрийцы начали военные действия с осады Ландреси. Пишегрю со 100 000 человек продвинулся во Фландрию и разбил правое крыло союзников при Туркуэне (18 апреля). Затем он осадил Ипр, и союзники, после безрезультатной попытки освободить город, отступили за Шельду. На Самбре силы союзников были равны французским, обе армии насчитывали около 50 000 человек; и здесь, пока Пишегрю завоевывал Фландрию, была предпринята эффективная позиция против неоднократных попыток французских генералов закрепиться на северном берегу реки и инвестировать Шарлеруа. Но продолжающееся бездействие пруссаков позволило Карно перебросить 50 000 человек с Рейна на Самбр, чтобы превзойти союзников и на этой стороне. Шарлеруа был взят и капитулировал (25 июня). На следующий день Кобург, прибывший из центра с подкреплениями и не знавший о капитуляции, атаковал французские позиции у Флерюса и соседних деревень (26 июня). Сражение длилось целый день, но безрезультатно; Кобург, узнав, что Шарлеруа уже сдался, не стал возобновлять борьбу. За этими бедствиями последовала эвакуация Бельгии. Кобург отошел за Мёз, а герцог Йоркский с английскими и голландскими войсками отступил в Брабант. Французы осадили те крепости во Франции и Фландрии, в которых союзники оставили гарнизоны.

После того как союзники были изгнаны из Бельгии, опасность вторжения миновала, и люди были готовы поставить под сомнение власть правительства, которому вскоре можно будет оказать сопротивление, не сделав Францию слабой в присутствии опасного врага. Робеспьер всегда остро ощущал возможность того, что правительство может быть свергнуто каким-нибудь победоносным генералом, и следил за успехами армий с чрезмерной ревностью. В это время, хотя он и занимал первое место в Комитете общественной безопасности, он не был доволен своим положением, а стремился покрепче прибрать к рукам бразды правления и стать независимым от своих коллег. У них не было средств борьбы с ним. Коммуна и якобинцы, два главных колеса, с помощью которых революционное

правительство поддерживалось в рабочем состоянии, теперь находились под его контролем. Он создал специальное полицейское управление, которое посягнуло на функции Комитета общей безопасности. Он направил в департаменты специальных агентов в качестве шпионов за поведением депутатов, которые должны были делать частные доклады ему самому. Прежде всего, он стремился подкрепить свой авторитет, недоступный его соперникам, утверждая необходимость закладывать основы морали и долга в духовных убеждениях. Если Робеспьером двигало личное честолюбие, то его побуждало и желание воплотить в жизнь, с любым риском для себя, принципы, которые он усвоил от Руссо. Под его вдохновением Конвент постановил, что французский народ признает существование Верховного существа и бессмертие души. Новое поклонение было открыто фестивалем в честь Верховного существа, который прошел на Марсовом поле. В церемониях принял участие Конвент. Робеспьер, в то время президент, шел первым, одетый в небесно-голубой плащ и держа в руке большой букет цветов, фруктов и кукурузы. Прибыв на Марсово поле, он поджег фигуры, олицетворяющие атеизм и эгоизм. Когда они сгорели, из пламени поднялась фигура Мудрости. Пели гимны, а дети посыпали землю цветами (8 июня).

Революционный суд реорганизован.

На какое-то время возникло ожидание, что за признанием Верховного Существа последует возрождение человеческих чувств. Дело доказало обратное. Праздник едва успел закончиться, как Конвент, в соответствии с проектом, разработанным Робеспьером, реорганизовал революционный суд (10 июня). Вызов свидетелей, заслушивание адвокатов и другие формы, давно уже соблюдавшиеся лишь частично, были формально отменены. Заключение представляли перед судом партиями по двадцать, тридцать или пятьдесят человек за раз. Зачитывалось короткое обвинение с расплывчатыми формулировками. Председатель задавал каждому имя и один-два вопроса. Никаких доказательств с обеих сторон не заслушивалось. Присяжные единодушно осуждали обвиняемых. Чтобы ускорить процесс судебной расправы, агенты Робеспьера придумали историю о том, что заключенные сговорились спастись, убив членов Конвента, и по этому обвинению люди, принадлежащие ко всем слоям общества, собранные со всех концов Франции, были отправлены на эшафот. С момента своего создания в марте 1793 года до принятия этого закона 10 июня 1794 года суд приговорил к смерти 1259 человек; после 18 июня, менее чем за семь недель, он привел в исполнение приговор в отношении 1368 человек.

Реорганизация этого суда, который Робеспьер, переназначая судей и присяжных, стремился превратить в свой особый инструмент, вызвала тревогу со всех сторон. В это время в официальных кругах царил такой ужас, который трудно преувеличить. Оппозиции правительству не было. Якобинцы, Коммуна, Конвент, Секции - не было сделано ни одного предложения, которое не соответствовало бы мнению двух комитетов. В Коммуне национальный агент Пайан пародировал язык Робеспьера, как Робеспьер в Конвенте - язык Руссо. В департаментах партийные распри подавлялись так же, как и в Париже. Клубы, немногие из которых теперь насчитывали более сорока или пятидесяти членов, безропотно следовали указаниям Парижа. По всей стране праздники в честь Верховного существа сменились праздниками в честь Разума. Хотя Робеспьер провозглашал принципы религиозной терпимости, он не желал и не требовал их соблюдения. Возможно, он никогда бы не решился, как это сделал Эбер, запретить католическое богослужение, но обстоятельства не позволили ему искать сторонников, снова разрешив празднование тех обрядов, которые все еще пользовались любовью народа. Он стоял во главе правительства, которое не могло сделать ни шагу назад без крайней опасности ослабить свой авторитет, и только продолжение уже действующей системы позволяло ему, как он не мог не сознавать,

претворить в жизнь свои социальные идеи. Поэтому праздник Верховного существа, вместо того чтобы привести к возрождению принципов гуманности, сопровождался ужесточением Террора. Под предлогом поддержания общественного порядка католическое богослужение оставалось под запретом. Тирания тяготила угнетателей вместе с угнетенными. Людей сажали в тюрьму и отправляли на эшафот без разницы за дела милосердия, за рыцарство или экстравагантность. Сегодняшний обличитель становился завтрашним обличителем. Муниципалитеты и административные органы трепетали перед клубами и революционными комитетами; те, в свою очередь, перед депутатами миссии; депутаты миссии - перед двумя комитетами; а члены комитетов - друг перед другом. Каким бы высоким ни было место человека в революционной иерархии, он не мог укрыть своих лучших друзей или ближайших родственников, не рискуя собственной головой.

Восстание 10 термидора.

В Комитете общественной безопасности вспыхнули жестокие разногласия. Попытки Робеспьера возвыситься вызывали негодование его коллег, ведь чем сильнее он становился, тем ненадежнее было положение, на котором держалась их собственная жизнь. С другой стороны, Робеспьер был нервным, завистливым и подозрительным, и чем выше он поднимался, тем больше жаждал пролить кровь своих врагов и тех, кто мешал ему подняться еще выше. Монтаньяры ненавидели его. Те, кто шел позади него на празднике Верховного существа, не могли сдержаться, чтобы не произнести оскорбительные слова. "Раньше он был хозяином, - говорил один из них, - а теперь он должен быть еще и Богом". Некоторые, понимая, что являются объектами его особой вражды, строили против него тайные заговоры. Из двенадцати членов Комитета общей безопасности все, кроме двух, были его врагами. Поддержанный Кутоном и Сен-Жюстом, Робеспьер предложил в Комитете общественной безопасности проскрипцию нескольких членов Горы и Комитета общей безопасности. Бийо и Колло выступили против. Согласие было бы самоубийством, ведь им предстояло пожертвовать своими сторонниками. Трусливый Барер колебался, на чью сторону встать. Один из членов Комитета общественной безопасности был гильотинирован вместе с дантонистами. Остальные пятеро, хотя и не желали проливать кровь, привыкли беспрекословно ставить свои подписи по требованию правящих членов и тем самым несли ответственность за все происходящее. У них было больше общего с Робеспьером, чем с Колло, поскольку они тоже заботились о порядке, а не о власти; но, подчиняясь его воцарению, они ненавидели и презирали его. Карно, который был одним из них и чьи успехи во главе военной администрации вызывали зависть Робеспьера и который не мог скрыть своей антипатии к Робеспьеру и Сен-Жюсту, был намечен для уничтожения. Находящиеся под угрозой члены Комитета общей безопасности, опасаясь, что Бийо и Колло скорее пожертвуют ими, чем пойдут на открытый разрыв с Робеспьером, пытались защитить себя, объединившись с угрожавшими им монтаньярами. В Комитете общественной безопасности были предприняты попытки прийти к взаимопониманию, но безуспешно. Робеспьер, понимая, что его враги замышляют против него заговор, решил нанести удар первым и обеспечить себе диктатуру, заменив своих противников в двух комитетах своими приверженцами. В том, что результат будет достигнут, сомневаться не приходилось. У Конвента было меньше причин поддерживать Бийо и Колло, чем его самого. Они были такими же кровожадными, как и он; и когда Колло в Конвенте однажды предложил отправить на эшафот семьдесят три депутата от правых, которые были заключены в тюрьму за подписание протестов против изгнания жирондистов, он выступил против и спас им жизнь. В случае борьбы в его распоряжении была материальная сила, у его противников - никакой. Якобинцы и Коммуна были его; национальная гвардия, которую теперь называли вооруженными силами, находилась под командованием Анрио, своего собственного

партизана. Канониры каждой секции составляли платный отряд, каждый из которых был отобран Коммуной. Робеспьер начал атаку длинной речью в Конвенте, в которой он жаловался на предателей, распространяющих клевету против него самого (26 июля). Он угрожал многим, но не назвал ни одного. Это было роковой ошибкой, так как каждый человек в Конвенте считал возможным, что его имя может оказаться в списке проскрипций. Отчаяние придавало заговорщикам мужество бороться за свою жизнь. Они принадлежали ко всем партиям. Одни были эбертистами, другие - дантонистами, третьи - независимыми монтаньярами. Большинство из них уступали по характеру тому, кто на них напал. Среди них были члены Комитета общей безопасности, такие как трусливые и свирепые Вадье и Амар, и самые жестокие члены Конвента - Фуше, который устроил резню в Лионе, Тальен в Бордо, Фрерон в Марселе, Каррье в Нанте.

Когда на следующий день, 10 термидора (27 июля), Сен-Жюст взошел на трибуну, его прервали почти прежде, чем он успел открыть рот. Раздались крики: "Долой, долой тирана!" Робеспьер, жестикулируя и угрожая, старался, чтобы его слышали над грохотом. Президент, дантонист Тьюрио, непрерывно звонил в свой колокольчик. Борьба продолжалась несколько часов. Президент убийц", - кричал Робеспьер, падая духом, - "в последний раз я требую права слова". Он обратился к Равнине, к тем, кто был всего лишь орудием в руках сильнейшей партии и кто молчал против Горы с тех пор, как изгнали жирондистов. Но Равнина, видя, что он больше не имеет силы, присоединилась к его врагам; и когда было предложено арестовать его самого, его брата, Кутона и Сен-Жюста, ее члены поднялись, чтобы подтвердить осуждение человека, перед которым они так долго трепетали.

Все четверо были отправлены в тюрьму. Однако победа пока была лишь парламентской. Попытка арестовать Анрио стала предупреждением об опасности для сторонников Робеспьера за пределами Конвента. Муниципалитет вызвал вооруженные силы в Отель-де-Виль и разослал агентов по кварталам, чтобы поднять восстание. Два Робеспьера, Сен-Жюст и Кутон были освобождены из тюрьмы и доставлены в Дом де Виль. Но чрезмерная тирания оставила в изоляции тех, кто ее осуществлял. Робеспьеристы горячо защищали своего вождя, но даже среди террористов их была лишь небольшая горстка. Члены гражданского и революционного комитетов, желая сохранить свои головы, не решались выступить в поддержку Коммуны до тех пор, пока не получили уверенности в том, что Коммуна победит. Конвент объявил вне закона Анрио, Робеспьера и его соратников и направил депутатов в секции, чтобы заручиться их поддержкой. Те немногие, кто все еще посещал собрания секций, жаждали сбросить иго, которым их угнетали. Когда они поняли, что ссора произошла между Робеспьером и Конвентом, они послали гонцов, чтобы отозвать батальоны национальной гвардии, уже находившиеся в Котле де Виль. Депутат Баррас, назначенный Конвентом командовать вместо Анрио, около двух часов ночи вошел в почти безлюдное здание, не встретив сопротивления. Находившиеся внутри люди были поражены до глубины души. Робеспьера, с челюстью, болезненно сломанной пистолетным выстрелом - неизвестно, была ли рана нанесена им самим или рукой другого, - доставили в Комитет общественной безопасности и оставили лежать на столе, подвергаясь насмешкам всех зрителей. Будучи уже объявленными вне закона, Робеспьер, его брат Кутон и Сен-Жюст, а также еще восемнадцать человек были казнены сразу же после наступления дня, без суда и следствия. В течение двух последующих дней на эшафот было отправлено более восьмидесяти сторонников Робеспьера, в том числе большое количество членов Коммуны.

ГЛАВА X. ПАДЕНИЕ МОНТАНЬЯРОВ.

Реакция.

Подсчитано, что за четырнадцать месяцев, прошедших с момента изгнания жирондистов, по всей Франции по приговору революционных судов погибло около 16 000 человек. С проскрипцией робеспьеристов Террору как системе управления пришел конец. Колло и Бийо, свергнув Робеспьера, лишили себя двух главных двигателей, с помощью которых приводился в движение механизм Террора. После казни своих членов Коммуна была разгромлена, а якобинцы ослаблены. Гора сразу же заявила о своей независимости от двух комитетов; Равнина, в свою очередь, заявила о своей независимости от Горы. С этого момента комитеты ежемесячно обновлялись на четверть, а выбывшие члены лишались возможности немедленного переизбрания. В течение нескольких недель все люди, руководившие правительством во время Террора, ушли в отставку или были лишены должности.

Падение Робеспьера и комитетов ощущалось в Париже так же сильно, как и в Конвенте. Не успели стихнуть непрекращающиеся удары гильотины, как революционные власти оказались в презрении, а революционные законы, которые поддерживал только Террор, перестали соблюдаться. Вновь появилась свобода действий, слова и печати. Сотни и тысячи молодых людей собирались в секциях и общественных местах, объявляя войну якобинцам и требуя освобождения друзей и родственников, упразднения революционных комитетов, заключения в тюрьму и суда над своими прежними угнетателями. Они принадлежали ко всем слоям общества, но в основном это были квалифицированные ремесленники, служащие контор, лавочники, торговцы, сыновья дворян и капиталистов. Как и в 1789 году, центр агитации находился в Пале-Рояле, и, как и тогда, ее лидерами были молодые писатели и журналисты. В департаментах реакция развивалась с такой же быстротой. Нигде не было предпринято ни одной попытки противостоять новой революции. Имена Робеспьера и Кутона были преданы осквернению теми же людьми, которые за неделю до этого с восторгом их чествовали. Вчерашний мелкий тиран, изгнанный с поста, отправился в тюрьму вместе со своими жертвами; и, как и в Париже, все слои населения быстро воспользовались послаблением Террора, чтобы освободить свои шеи от ига революционных законов.

После уничтожения диктатуры комитетов верховная власть вернулась к Конвенту. Однако в этом органе было так же мало единства, как и в первые месяцы его существования. Возвращение свободы раскололо его на множество частей. Раздираемый яростным партийным духом, он не имел определенной политики или цели, а дрейфовал вперед, следуя, а не направляя ход событий. Все были согласны в осуждении Робеспьера, но только в этом. Монтаньяры были разделены между собой. Лишь небольшое меньшинство было готово полностью сохранить Террор как систему правления - Бийо, Колло и их соратники, опасавшиеся за свою жизнь. Некоторые, такие как Ромм и Субрани, решительно выступали против социальных и экономических изменений, которые в конечном итоге привели бы к возвращению среднего класса к власти. Другие, такие как финансист Камбон и дантонист Тьюрио, боролись за сохранение господства Горы над Равниной, но объявили войну Бийо и Колло, которые, следуя примеру Эбера и Робеспьера, пытались с помощью клубов и революционных комитетов тиранить Гору. Термидорианцы, так называемые по названию революционного месяца, в который совершилась новая революция, Талльен, Фрерон и другие люди, участвовавшие в заговоре с целью уничтожения Робеспьера, заняли позицию между Горой и Равниной и на время овладели руководством Конвента; но у них не было

никакой политики, кроме той, которая позволяла бы им в достаточной степени уступать общественному мнению, чтобы сохранить господство, и в то же время сдерживать реакцию, чтобы не допустить ее до себя. Одно за другим выполнялись требования, выдвигаемые антитеррористической прессой и собраниями в Пале-Рояле. Якобинский клуб, где собирались Колло, Бийо и их сторонники, был закрыт (12 ноября). Революционные комитеты были сокращены по численности и лишены полномочий. Тысячи заключенных были освобождены, а их имущество возвращено им. По всей стране на должности были назначены новые люди, а члены революционных комитетов и другие низшие орудия террора сотнями попадали в тюрьмы. Процесс, проходивший в Революционном суде Парижа, раскрыл во всех ужасных подробностях массовые убийства, совершенные в Нанте, и поднял крик о мести Каррьеру. Покинутый термидорианцами и почти всей Горой, Каррьер был отправлен на суд, а затем, в свою очередь, на эшафот (декабрь). Бийо, Колло и другие известные террористы, уже осужденные в Конвенте друзьями Дантона, чувствовали, что опасность с каждым днем приближается к ним самим. Их судьба, судя по всему, была предрешена возвращением в Конвент (8 декабря) семидесяти трех правых депутатов, заключенных в тюрьму в 1793 году за подписание протестов против изгнания жирондистов.

С возвращением этих депутатов состав Собрания полностью изменился. Именно они составили фалангу, поддержавшую Жиронду, и теперь стремились перечеркнуть работу Конвента после восстания, в результате которого их партия была разгромлена. Они требовали вернуть конфискованное имущество родственникам лиц, осужденных революционными судами; разрешить вернуться эмигрантам, бежавшим из-за преследований террористов; вернуть на свои места депутатов, отстраненных от должности 2 июня 1793 года, которые еще остались в живых. Гора, как единое целое, яростно противилась даже обсуждению таких вопросов. Термидорианцы разделились на две части. Одни в тревоге присоединились к Горе; другие, во главе с Таллиеном и Фрероном, искали спасения в объединении с вернувшимися членами правых. Был назначен комитет, который должен был доложить об обвинениях, выдвинутых против Колло, Бийо, Барера и Вадье (27 декабря 1794 года). Через несколько недель оставшиеся в живых запрещенные депутаты вошли в Конвент под аплодисменты (8 марта 1795 года), и стало ясно, что, несмотря на все усилия левых оттянуть принятие решения, четверо обвиняемых будут призваны к ответу за тиранию, проявленную двумя комитетами, если только Конвент не одолеет сила.

Восстание Жерминаля 12.

В это время в Париже царило великое несчастье, и неминуемо возникла угроза восстания. После падения Робеспьера максимальные цены больше не соблюдались, и ассигнаты принимались в оплату товаров только по их реальной стоимости по сравнению с монетой. Результатом стал стремительный рост цен, так что в декабре они вдвое превысили июльские и продолжали расти пропорционально снижению стоимости ассигнатов. Политика, проводимая Конвентом, по необходимости ускоряла обесценивание бумажных денег. Жирондисты, термидорианцы и часть горцев выступили с осуждением экономической системы, навязанной Конвенту Эбером и Робеспьером. От системы реквизиций постепенно отказались, армии снова стали снабжаться по контракту, а законы о максимуме, уже ставшие мертвой буквой, были отменены (24 декабря). Отмена максимальных цен и реквизиций увеличила и без того щедрые расходы правительства, которому, чтобы покрыть дефицит доходов, не оставалось ничего другого, как создавать все больше ассигнаций, и чем быстрее они выпускались, тем быстрее падала их стоимость и росли цены. В июле 1794 года их стоимость составляла 34 процента от номинала. В декабре они стоили 22 процента, а в мае 1795 года - всего 7 процентов. Нехватка продовольствия ощущалась тем острее, что зима

была очень суровой. Сена неделями была покрыта льдом, а дрова и уголь, как и другие товары, были дорогими и дефицитными. Все люди, живущие на фиксированный доход, сильно страдали. Seriously пострадали даже те, кто жил на зарплату. Заработная плата действительно выросла, но не пропорционально ценам. Преобладали голодные цены. Рабочие получали от пяти до одиннадцати шиллингов в день бумажными деньгами, в то время как множество государственных служащих, пенсионеров и кредиторов получали не более трех-шести шиллингов в день. Однако в это время фунт хлеба стоил восемь шиллингов, риса - тринадцать, сахара - семнадцать, да и другие товары были пропорционально дороги. Буквально верно, что более половины населения Парижа выживало только благодаря периодическим раздачам мяса и других продуктов по низким ценам и ежедневной раздаче хлеба по три с половиной пенса за фунт. В феврале, однако, и этот источник помощи оказался под угрозой срыва. Фермеры предпочитали отправлять свою кукурузу куда угодно, только не в Париж, где можно было получить только бумажные деньги. Только с большим трудом правительство, которое с момента уничтожения Коммуны снабжало Париж хлебом, выполнило свою задачу. Пайки сократились с одного фунта до половины фунта, а вскоре и до нескольких унций на голову. Многочисленные случаи смерти были вызваны нищетой или голодом. Однако восстание, несмотря на постоянную угрозу, в течение нескольких недель так и не вспыхнуло. Одна из причин заключалась в том, что народ потерял надежду улучшить свое положение путем восстания; другая - в том, что журналисты, клерки и прочие, которые в начале революции подстрекали народные движения, теперь, хотя и сами страдали, оказались на другой стороне и были готовы скорее сражаться в защиту Конвента, который они не менее ненавидели, чем терпеть возрождение Террора. Материальные страдания, однако, служили готовым орудием для агитаторов Террора; и по мере того как возрастала опасность восстания, внутри Конвента усиливались партийные распри. Под угрозой проскрипции Гора стремилась переломить положение правых и получить кредит доверия извне, требуя немедленного прекращения действия временного правительства и введения в действие демократической конституции, принятой Конвентом в 1793 году, после изгнания жирондистов. 1 апреля, или 12 апреля, в каждом районе вспыхнули хлебные бунты, начатые женщинами. Группы собирались и пробивались в Конвент, выкрикивая требования хлеба, но не предлагая насилия депутатам. Время от времени звучали требования освободить заключенных патриотов и принять Конституцию 1793 года. Толпа уже рассеивалась, когда из секций прибыли войска и очистили палату. Восстание было спонтанным восстанием за хлеб, без всякого метода или комбинации. Террористы пытались, но тщетно, получить руководство им. Если бы им это удалось, у Горы была бы возможность запретить правых. Их неудача дала возможность правым запретить левых. Было принято решение о перевозке в Кайенну Бийо, Колло, Барера и Вадье, а также об аресте пятнадцати других монтаньяров, обвиненных без доказательств, а в некоторых случаях и без вероятности, в пособничестве мятежникам. Термидорианцы проявили себя более мстительными, чем жирондисты, и именно по предложению Талльена в число проскрибированных были включены Тьюрио и Камбон, люди, руки которых, по сравнению с его собственными, были чисты от крови.

Восстание Жерминаля 12-го года придало еще больше сил партии реакции. Конвент, опасаясь террористов, был вынужден обратиться к ним за поддержкой. Отряды молодых людей, собиравшихся в Пале-Рояле и называвшихся "армией Фрерона", часто оказывали полезную услугу, очищая сад Тюильри от недовольных и угрожающих групп. Уже были отброшены одежда, язык и манеры, которые были в моде во времена Террора. Красные колпаки сменились шляпами. В гостиных отменили привычку обращаться к незнакомцам на "вы" и слово "гражданин". Ни один якобинец не мог ступить в Пале-Рояль, не испытав оскорблений и ударов. Бюсты Марата, установленные в каждом общественном здании, срывались и разбивались, а театры и улицы стали ареной непрекращающихся беспорядков.

Реакция в департаментах.

В департаментах голод, беспорядки и преступность царили так же, как и в Париже. Во всех городах значительная часть населения жила за счет ежедневных раздач хлеба. Страна была истощена военным бременем, возложенным на нее. Потребности армий истощали один департамент за другим, лишая их лошадей, повозок, зерна и людей. Тем не менее, в сельских районах не было такой нужды, как в городах. Кукурузоводы после падения Робеспьера получали большие прибыли, а каждый крестьянин продавал свое вино или другие продукты по ценам, пропорционально растущим ценам на хлеб. С самого начала реакция в департаментах развивалась более стремительно и в более смелой форме, чем в Париже, который был подвержен сдерживающему влиянию присутствия Конвента. Везде, кроме Парижа, муниципальные власти уже в январе разрешили вновь открыть церкви и отслужить мессу. Без Террора было так же невозможно поддерживать запрет на католическое богослужение, как и принуждать к соблюдению максимальных законов. Меньшинство в Конвенте, состоявшее из католиков и либералов, желало претворить в жизнь те принципы религиозной терпимости, которых Конвент в теории всегда придерживался и о которых публично заявлял в оппозиции к Эберу, но которые в течение стольких месяцев он не претворял в жизнь. Большинство, несмотря на свое отвращение к возрождению влияния священнослужителей, признавало безнадежность сопротивления народному движению. С самого начала революции идея отделения церкви от государства набирала силу. Конституционное духовенство хотело получить возможность реорганизовать церковь без вмешательства государства. Масса депутатов не желала признавать католицизм национальной религией, чтобы тем самым не позволить церкви легче вернуть себе господство. В итоге был найден компромисс. Конвент объявил, что публичное отправление всех форм культа разрешено, но что отныне государство не будет предоставлять ни зданий, ни средств ни одной религиозной организации. Однако небольшие пенсии, от 35 до 52 фунтов стерлингов, которые при Терроре полагались епископам и священникам, оставившим свои посты, были предоставлены всему духовенству Конституции. Кроме того, были введены различные ограничения на публичное отправление религиозных обрядов. Запрещалось совершать какие-либо обряды вне зданий, отведенных для богослужения, будь то улицы, могилы, больницы или тюрьмы. Церковники не могли носить специальную одежду вне помещений, и даже звонить в колокола было запрещено (22 февраля).

Белый террор.

Хотя их положение было гораздо более шатким, поскольку ни один из законов против них не был отменен, неюристы, как и конституционное духовенство, возобновили свои функции. При попустительстве муниципальных властей они в большом количестве выходили из своих убежищ или возвращались во Францию из-за границы. В юго-восточных департаментах, где роялисты всегда были сильны, эмигранты всех мастей охотно возвращались обратно; и здесь противники Республики, подстрекаемые жаждой мести или просто партийным духом, начали реакцию, запятнанную преступлениями, столь же жестокими, как и все, совершенные во время революции. Молодые люди, принадлежавшие к высшим и средним слоям общества, объединялись в группы, носившие названия компаний Иисуса и компаний Солнца, и сначала в Лионе, затем в Эксе, Тулоне, Марселе и других городах врывались в тюрьмы и убивали заключенных без различия возраста и пола. Кроме террористов и якобинцев, от их ножей не уберется ни республиканец, ни покупатель государственных земель; в стране было совершено множество единичных убийств. Это незаконное и жестокое движение, названное Белым террором в отличие от Красного террора, предшествовавшего Термидору 9, в течение нескольких недель оставалось бесконтрольным

и насчитывало многие сотни жертв, охватив весь Прованс, а также департаменты Рона, Гард, Луара, Эна и Юра.

Восстание в Прериале.

Ни депутаты миссии, ни административные чиновники не попытались арестовать убийц или привлечь их к ответственности. Конвент выразил возмущение, но не предпринял никаких активных мер для поддержания правопорядка. На самом деле люди все еще жили в постоянном страхе перед возрождением Террора, и поэтому до поры до времени они с безразличием относились к реакции на юге, несмотря на ее роялистские тенденции. После восстания Жерминаля состояние населения Парижа не изменилось. Пайки хлеба в некоторых случаях опускались до пары унций. Якобинцы и другие агенты Террора делали все возможное, чтобы направить постоянно бурлящий поток недовольства против Конвента. 20 мая, или 1 мая прериала, вспыхнуло второе восстание, более ожесточенное, более продолжительное и более упорное, чем предыдущее. Мятежники, мужчины и женщины, ворвались в Конвент, требуя хлеба, оскорбляя и упрекая депутатов без различия партий. К крикам о хлебе присоединились крики о Конституции 1793 года, но толпа была без лидеров и едва ли знала свои цели, а тем более то, какими средствами добиваться их осуществления. По прибытии батальонов национальной гвардии в поддержку Конвента в палате произошла общая драка, в которой защитники Конвента поначалу потерпели поражение. Депутат Фэро, пытавшийся защитить президента Буасси д'Англаса от оскорблений, был ранен народом, его вытащили на улицу, отрубили голову и пронесли на пике по улицам. Многие депутаты бежали. Несколько монтаньяров, которым угрожала толпа и которых подталкивали испуганные депутаты справа, поставили на голосование требования, поднятые голосами в толпе, такие как освобождение заключенных патриотов и воссоздание правительственных комитетов. Повстанцы, успокоившиеся было, начали расходиться, но тут подоспели национальные гвардейцы и разогнали тех, кто еще оставался. Однако победа не была обеспечена. Фобур Сент-Антуан продолжал бунтовать и на следующий день направил стволы своих пушек на Тюильри. Конвент обеспечил свою безопасность, пообещав предоставить хлеб и ввести в действие Конституцию 1793 года. Тем временем, однако, в Париж были доставлены 4 000 линейных войск. Они, вместе с отборной национальной гвардией, окружили восставший фавр. Для населения, питавшегося пайками, не было выбора между сдачей и голодом. Они уступили, сдав оружие и пушки (23 мая). Конвент воспользовался своим триумфом, чтобы уничтожить Гору и обезопасить себя от повторения недавних сцен. Декрет о разоружении агентов террора послужил предлогом для изъятия пик и ружей из рук народа, а национальная гвардия была реорганизована таким образом, чтобы исключить из активной службы более бедные слои населения. Многие сотни людей были заключены в тюрьму. Революционный суд уже был распущен. Для упрощения процедуры была создана военная комиссия, которая заседала более двух месяцев и приговорила к смерти от тридцати до сорока человек, а еще столько же - к тюремному заключению или перевозке. Проскрипция Горы включала в себя в общей сложности более шестидесяти депутатов. Из тех, кто формировал правительственные комитеты во время террора, пощадили только Карно и еще одного. "Карно, - сказал один голос, когда предлагалось его арестовать, - организовал победу". Многим из запрещенных удалось скрыться. Несколько человек покончили жизнь самоубийством. Остальные подверглись транспортировке или смерти.

ГЛАВА XI. БАЗЕЛЬСКИЙ ДОГОВОР И КОНСТИТУЦИЯ 1795 ГОДА.

Завоевание Голландии.

В то время как внутренняя Франция была жертвой банкротства, голода, преступности и гражданских беспорядков, триумф ее армий продолжался непрерывно. После эвакуации Бельгии англичанами и австрийцами в июне 1794 года пруссаки, оказавшись в опасности оказаться в меньшинстве и изоляции, оставили свои позиции вокруг Кайзерслаутерна и отступили к Рейну. Австрийцы отступили к той же реке, а англичане и ганноверцы под командованием герцога Йоркского отошли за Нижний Мёз. Одна французская армия взяла большую крепость Майнц, а Пишегрю продвигался в Северный Брабант. Обороны было мало. Голландская армия была невелика, и не было никакой вероятности, что страна поднимется. Мало того, что французы имели многочисленных и влиятельных партизан среди политических противников Оранского дома, так еще и крестьянство, отчужденное жестокими и грабительскими привычками союзных войск, жаждало избавиться от их присутствия. Однако численность захватчиков не превышала 46 000 человек, и им не хватало одежды, оружия и боеприпасов для осады; так что английская армия в 30 000 человек, грамотно руководимая, была бы достаточно сильна, чтобы сдержать их. Но герцог был плохим генералом, а его люди были деморализованы отступлением. Он беспомощно оставался на северном берегу Мёза, в то время как крепости в Северном Брабанте падали одна за другой. Переправившись через Мёз по мосту на лодках (19 октября), французы обнаружили, что их дальнейшему продвижению препятствуют устья Рейна, широкие и быстрые реки Ваал и Лек. Здесь, однако, на помощь пришла ненастная зима. К середине января 1795 года реки покрылись льдом, затруднявшим проход людей, лошадей и пушек. Английские войска отступили на восток, оставив французов хозяевами страны. Штадтхольдер бежал в Англию. В главных городах вспыхнуло революционное движение, и французов повсюду принимали как друзей. Флот, застывший в гаванях Текселя, был принужден к капитуляции атакой корпуса французской кавалерии, продвигавшейся по льду. Англичане и ганноверцы окончательно покинули страну, и завоеватели оставили за семью объединенными провинциями номинальную независимость и федеральную форму правления, но вынудили их заключить союзный договор, который низвел страну до положения сателлита Франции и предоставил ее ресурсы в ее распоряжение (12 мая).

Внешняя политика Конвента.

Блестящие успехи ее армий возродили во Франции старую страсть к военной славе и завоеваниям, которая была характерна для правления Людовика XIV. Война, начатая с целью обезопасить Францию от вторжения, продолжалась с целью расширить границы Республики. Национальный триумф над иностранными врагами стал единственным пунктом, по которому существовали прочные узы симпатии между Францией и Конвентом. Жирондисты, термидорианцы и монтаньяры, хотя бы ради завоевания популярности, соперничали друг с другом в стремлении удовлетворить национальную гордость и амбиции; точка зрения республиканского правительства была практически идентична точке зрения императора или короля Пруссии, а именно: нельзя складывать оружие без приобретения территории. Небольшое меньшинство депутатов вернуло бы империи завоеванные рейнские земли и сделало бы Бельгию независимой республикой, если бы на таких условиях можно было добиться европейского мира. Но большинство, включая всех видных деятелей, поочередно заседавших в Комитете общественной безопасности и руководивших

иностранными делами, к какой бы партии они ни принадлежали - Буасси д'Англас, Тибодо, Мерлен Тионвильский, Мерлен Дуайский, Карно, Сийес, Камбасерес, Рюбель, Ларевельер-Лепо - ратовали за присоединение Бельгии к Франции, а со стороны империи - за расширение границы, если не до Рейна, то хотя бы до Мёз.

Однако если страна, гордившаяся своими завоеваниями, хотела их сохранить, то истощение заставляло ее жаждать завершения военных действий, и необходимость хотя бы ограничить поле войны более узкими пределами признавали даже те депутаты, чья политика была наиболее агрессивной и амбициозной. Как и во Франции, так и в Испании, в Пруссии, во всей Италии, австрийских владениях и империи существовало всеобщее стремление к миру. Ни в одной из этих стран с самого начала не было национального энтузиазма по поводу войны, а большие надежды, с которыми правительства начинали военные действия, были развеяны по ветру. Больше не было ни мысли о восстановлении монархии Бурбонов во Франции, ни вероятности завоеваний за ее счет; и, по сути, только те континентальные принцы были заинтересованы в продолжении борьбы, которые рассчитывали за счет третьих и более слабых государств добиться расширения своих собственных владений.

Политика Тугута.

В ходе войны Австрия не сделала ни одного территориального приобретения. Во втором разделе Польши участвовали только Россия и Пруссия. Канцлер Тугут, руководитель австрийской внешней политики и единственный государственный деятель, которым обладала Австрия, был продолжателем прежних планов Иосифа II по расширению и укреплению австрийских владений. Он пользовался полным доверием своего хозяина, Франциска II, но положение, которое он занимал, было изолированным, а его власть - ограниченной. Если бы он попытался использовать ресурсы различных королевств и герцогств, подчиненных императору, как Конвенция использовала ресурсы Франции, он бы вызвал беспорядки и восстания со всех сторон. Администрация, особенно военное ведомство, была неэффективной и вялой, а государственная служба страдала из-за небрежности или умысла высокопоставленных чиновников. Тугут был сыном бедного судостроителя, и придворная знать никогда не забывала о его происхождении и при каждом удобном случае препятствовала ему. Однако гордого, деспотичного и амбициозного Тугута не отвратили от его курса ни военные неудачи, ни фактическая оппозиция придворной знати, ни злоба и недовольство подвластного населения. Он не придавал особого значения удержанию Бельгии. Бельгия находилась вдали от резиденции правительства, и хотя она была богата, ее богатство не зависело от произвола императора. Однако, если бы он отказался от Бельгии, Тугут потребовал бы достаточного эквивалента за потери в других странах и, прежде чем завершить французскую войну, намеревался получить компенсацию, равную той, которую Пруссия получила в результате второго раздела Польши. Тугут видел три пути, с помощью которых можно было бы сделать приобретения. Он мог сделать австрийское влияние верховным в Германии путем присоединения Баварии, или расширить австрийские владения в Италии, или, опять же, приобрести новые владения на Востоке за счет Польши и Порты. На данный момент он не думал вступать в переговоры с Республикой, так как рассчитывал добиться своих целей, объединившись с Англией и Россией, обе державы которых были крайне заинтересованы в продолжении войны.

Союзы между Австрией и Россией.

Третий раздел Польши в это время был на грани осуществления. Восстание, вспыхнувшее весной 1794 года, было подавлено русскими войсками под командованием Суворова,

знаменитого покорителя Крыма. Поляки потерпели два сокрушительных поражения. Национальный герой, Костюшко, был ранен и попал в плен. Столица Варшава сдалась (8 ноября) после штурма ее предместья Праги, когда долгое время не давали передышки, и, как говорили, 10 000 человек, в том числе много некомбатантов, были либо утоплены в Висле, либо погибли от меча. После того как Польша была вычеркнута из списка независимых королевств, Екатерина II вновь обратила свое внимание на разрушение империи Порты. Она стремилась заручиться доброй волей Австрии и, обеспечив продолжение войны на Западе, предотвратить возможность вмешательства со стороны Англии или Франции. Очевидная неохота, с которой прусское правительство продолжало принимать участие в войне с Францией, была достаточным основанием для Екатерины, чтобы склонить Австрию к разделу остатков Польши. Но, с другой стороны, она не могла отстранить Фридриха Вильгельма II от участия в разделе, не рискуя подтолкнуть его к оружию против себя. Между Россией и Австрией был заключен договор, определявший раздел между тремя державами, который император и царица обязались привести в исполнение, независимо от того, будет ли король прусский доволен или нет отведенной ему долей (3 января 1795 года). В то же время они заключили союз, направленный против Турции, и договорились, что в случае войны Молдавия, Валахия и Бессарабия должны быть обращены в российскую зависимость, а Сербия и Босния должны перейти к Австрии. План обмена Бельгии на Баварию был возрожден, и Екатерина в дальнейшем обязалась поддерживать императора в приобретении венецианских или других территорий.

Внешняя политика Англии.

Между Францией и Англией усилилось чувство национальной вражды, существовавшее в начале войны. Во Франции не было столь ненавистного имени, как имя Питта. Английский государственный деятель, который своим золотом поддерживал оружие коалиции, был также, по всеобщему мнению, своим подкупом и эмиссарами автором Террора и считался ответственным за все внутренние бедствия, от которых страдала Франция. В Англии чувство ненависти было полностью взаимным. К идеям Революции относились с отвращением, к Конвенту - с ненавистью, а триумф французских армий только усиливал решимость продолжать борьбу, пока Голландия и Бельгия не будут вырваны из рук атеистической и цареубийственной Республики. Если на континенте Англия потерпела позорное поражение, то на море она одержала победу. Корсика была оккупирована, а Георг III провозглашен (февраль 1794 года). Состоялось морское сражение, которое обычно называют битвой 1 июня, когда французский флот, вышедший из Бреста, был разбит лордом Хоу и отброшен к побережью (1794). Тобаго, Сен-Мартиника, Гваделупа и другие французские острова Вест-Индии уже находились во владении Англии, а Сен-Доминго, важнейшей из французских колоний, грозило завоевание. Если теперь голландский флот был поставлен на службу Франции, то, с другой стороны, богатые голландские колонии, такие желанные для Англии владения, как Цейлон и Капская провинция, были открыты для захвата. Кабинет министров действительно очень хотел, чтобы континентальная война продолжалась, и прилагал все усилия, чтобы разжечь рвение Австрии и привлечь Россию к активной помощи. Вместо того чтобы субсидировать Пруссию, Англия теперь субсидировала Австрию. В обмен на заем в 4 600 000 ливров император обязался выставить 200 000 человек в поле (4 мая 1795 года). В то же время между Англией и Россией был заключен договор, по которому Екатерина согласилась отправить 12 000 человек на борьбу с Францией. Впоследствии, осенью, между тремя державами был заключен Тройственный союз, а от сепаратных переговоров отказались (28 сентября).

Базельский договор.

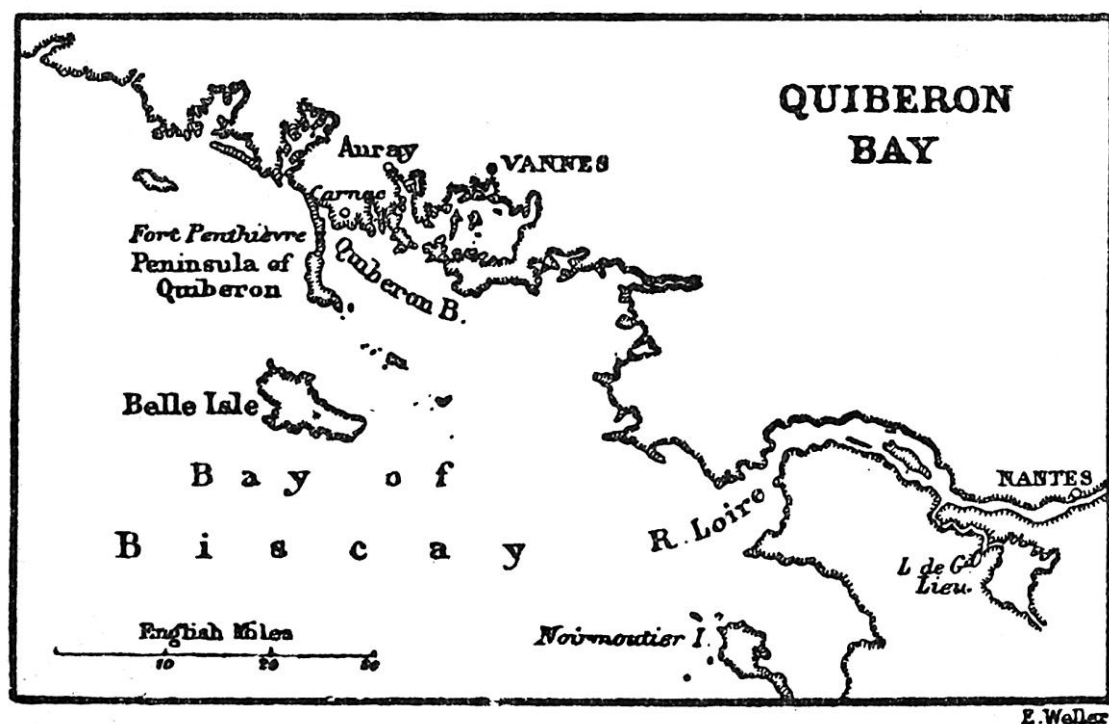
В то время как Австрия, Россия и Англия сближались друг с другом, Пруссия стремительно выходила из войны. И военные, и официальные круги были основательно утомлены ею. У страны не было своих интересов, которые нужно было защищать, а у правительства не было никаких приобретений, кроме тех, что уже были получены в Польше. Однако король, не утративший отвращения к революции, с неохотой согласился на начало переговоров с Бартеlemi, французским послом в Базеле. Главной трудностью в достижении договоренности было распоряжение прусскими владениями на левом берегу Рейна, уступка которых означала бы готовность короля передать Франции всю территорию империи на этой стороне. Комитет общественной безопасности требовал абсолютно все, что принадлежало Пруссии на левом берегу. Но Фридрих Вильгельм не желал формально отказываться от дела империи, а Комитет был слишком заинтересован в заключении мира, чтобы отказаться от компромисса, который в действительности уступал Франции требуемый пункт. В открытых статьях договора говорилось лишь о том, что французские войска должны оставаться в оккупации прусской территории на левом берегу до заключения мира между Францией и Империей; но в секретной статье король заявил о готовности отказаться от своей территории на левом берегу в обмен на эквивалент на правом, если Франция сохранит Рейн в качестве своей границы при заключении мира с Империей. Вторым вопросом, вызывавшим затруднения, был вопрос о том, получит ли Империя выгоды от мира. Король не мог оставить северные штаты на откуп французским армиям, не понизив при этом положение Пруссии в империи. Поэтому он предложил, чтобы Франция согласилась на перемирие с Империей, а затем приняла посредничество Пруссии. Комитет отказался от этих требований, но согласился на проведение демаркационной линии через Германию и на то, чтобы государства, лежащие к северу от нее, считались нейтральными. Также было решено, что Комитет должен принять услуги короля в отношениях с отдельными государствами империи. На этих условиях мир был заключен в Базеле (5 апреля) и ратифицирован Конвентом под аплодисменты. Отныне империя была разорвана пополам. Северные государства под крылом Пруссии пользовались нейтралитетом, а южные оставались подвержены страданиям войны.

Договор с Испанией.

Вскоре после Пруссии Испания заключила мир с Францией. До революции эти две страны были объединены договором под названием "Семейный договор" (1761), который ставил Испанию, управляемую младшей ветвью дома Бурбонов, в политическую зависимость от Франции. Таким образом, династические причины сыграли большую роль в том, что Испания присоединилась к коалиции. В стране не было стремления к триумфу союзников. Обладая огромной колониальной империей, за счет которой она жила, Испания сильно ревновала к превосходству Англии на море и боялась, в случае разорения французского флота, сохранить свои колонии только по доброй воле слишком могущественного союзника и быть вынужденной открыть свою торговлю для английских судов. Война велась не слишком энергично. Почти все доходы уходили на содержание флота, а армия не насчитывала и 35 000 человек. Однако в течение 1793 года французы не смогли собрать в Пиренеях столь же сильные силы. Испанцы перешли через горы и заняли французскую территорию. Но в 1794 году успех переломился. Французские войска получили подкрепление и отбросили испанцев за границу (октябрь-ноябрь). В Мадриде царили смятение, тревога и недееспособность. Страна была обложена налогами до предела, который она могла выдержать. У правительства не было кредитов, чтобы занять. В городах опасались мятежных движений. Крестьяне Каталонии, Наварры и Бискайи были настроены воинственно и готовы подняться против захватчиков, но правительство не осмеливалось их поощрять, опасаясь, что они воспользуются случаем и потребуют восстановления прав провинций.

Слабым и неспособным королем Карлом IV руководила его жена, Мария Луиза Пармская, чей фаворит, Годой, был настоящим правителем Испании. Этот человек, чьей целью было, войной или миром, сохранить свою власть, после долгих колебаний начал переговоры с французским правительством. Комитет общественной безопасности стремился к завершению войны, но все же упорно требовал в обмен на эвакуацию испанской территории уступить испанцам часть острова Сан-Доминго. Продвижение армии Западных Пиренеев к Эбро вызвало панику, которая побудила Годоя уступить, и в июле в Базеле был заключен мир между Францией и Испанией на таких условиях.

Экспедиция в Киберон.

БУХТА КИБЕРОН

Е. Веллер

Сийес, Ревбель и другие члены Комитета общественной безопасности рассматривали эти договоры с Пруссией и Испанией лишь как шаги на пути к конечной цели, которую они преследовали, а именно к заключению европейского мира, в результате которого Франция получила бы Альпы и Рейн в качестве своих границ. Заключив мир с Пруссией и Испанией, они надеялись получить союз Пруссии, чтобы помочь им разгромить Австрию в Германии, и союз Испании, чтобы помочь им разгромить Англию на море. На время недостаток ресурсов привел к практическому прекращению военных действий на Верхнем Рейне. Австрийские армии на правом берегу, испытывая нехватку денег и продовольствия, продолжали обороняться. Французские войска на левом берегу с трудом жили за счет завоеванных территорий, которые, долгое время являясь очагом войны, терпели крайние бедствия. Тем временем внимание правительства было обращено на запад, где все еще тлела война в Вандее, а к северу от Луары разгоралась новая война. В обширных лесах и на невозделанных землях, которыми изобиловали провинции Бретань, Мэн и Анжу, появились многочисленные отряды повстанцев, состоявшие из разбойников, дезертиров из армий, беглых венецианцев и вернувшихся эмигрантов. Их называли "шуанами", по имени одного из их предводителей, контрабандиста, который сам получил это прозвище, происходящее от "chouette",

маленькой совы, либо из-за его угрюмых, мрачных привычек, либо из-за того, что он использовал крик совы в качестве сигнала. Хотя война не была организована и велась под руководством нескольких независимых вождей, подавить ее оказалось так же трудно, как и войну в Вандее. Осенью 1794 года она распространилась на Нормандию и грозила принять форму всеобщего восстания. Крестьяне, возмущенные подавлением их религии и преследованием священников, когда те не присоединялись к мародерам, были с ними в попустительстве. Были совершены набеги на республиканские посты, отрезано снабжение городов, совершено множество единичных убийств. В поддержку движения из Англии прибывали эмигранты и священники, привозившие с собой военное снаряжение и деньги как в монете, так и в поддельных ассигнациях. Опасность стала настолько серьезной, что Комитет назначил Хоше, в то время самого выдающегося генерала, которым располагала Республика, главнокомандующим войсками к северу от Луары. Во время Террора его заслуги перед страной были вознаграждены тюремным заключением, и, если бы не внезапное уничтожение Робеспьером, он стал бы жертвой гильотины. Помимо того, что Хош был способным солдатом, он был искренним и патриотичным человеком как в общественной, так и в личной жизни, единодушным, прямым и чистым. Непростую и бесславную задачу, возложенную на него, он выполнил с характерной твердостью и умеренностью, и, принимая суровые меры для подавления мятежа, он сделал все возможное, чтобы завоевать расположение жителей, справедливо обращаясь с ними и восстанавливая дисциплину в своих войсках. Он разрешил вновь открыть церкви и, оставив духовенство без присмотра, стремился уничтожить его враждебность к Республике. И Конвент, и повстанцы хотели получить передышку для пополнения своих сил. Шаретт, и другие вожди вендийцев обязались сложить оружие и признать власть Республики при условии, что им будет предоставлена компенсация, разрешена свобода вероисповедания и что национальная гвардия будет находиться под их командованием (17 февраля). Многие вожди племени чоуан признали Республику на тех же условиях (20 апреля). Эти соглашения были всего лишь вооруженным перемирием. Вожди повстанцев сохранили свою власть и лишь ожидали прибытия средств из Англии, чтобы возобновить вооружение.

К счастью для Республики, ее враги были не готовы и разобщены. Совпадение всеобщего пожара на Западе и перехода 200 000 человек через Рейн заставило бы вспомнить об опасностях, которым подвергались в 1793 году. Однако военные действия все еще продолжались на Рейне, а на Западе ревность и раздоры уничтожали шансы на успешное сопротивление республиканским армиям. Среди эмигрантов не было единства. Те, кто бежал в 1790 году, с презрением и отвращением относились к тем, кто бежал позже, и смешивали конституционалистов с робеспьеристами и террористами под общим названием якобинцы. Руководитель экспедиции из Англии, граф Жозеф Пюизе, был не в фаворе у сторонников графа Прованского, поскольку в 1789 году он выступал на стороне народных масс. Хош, зная об их замыслах, арестовал барона Корматона, самого способного из вождей Шуанов, и еще семерых ведущих заговорщиков (15 мая). Вследствие этого война в Бретани возобновилась, но Шаретт, не желавший выступать в роли второго плана после Пюизайе, спокойно оставался в Вандее. Экспедиция из Англии высадилась в Карнаке, маленьком городке на вершине полуострова, который с одной стороны огибает Киберонский залив. Питт не решился рисковать жизнями английских солдат, пока не убедился, что эмигранты смогут, в соответствии с их представлениями, прочно обосноваться в стране. Войско состояло примерно из 5 000 эмигрантов и от 1 000 до 2 000 французских военнопленных. Большое количество чуанцев пришло к командующему и присоединилось к захватчикам, а форт Пенътьевр, охраняющий связь между полуостровом и материком, был осажден и взят. Тем временем между руководителями экспедиции и между эмигрантами и чуанцами начались раздоры. Хош, собрав 12 000 человек в Орее, разбил мятежников и заставил их

отступить с позиций у Карнака на полуостров Киберон, где собралось 20 000 человек, включая женщин и детей. С помощью французских военнопленных, которые дезертировали, форт Пеньтьевр был внезапно захвачен (20 июля). Переполненный людьми полуостров был открыт для республиканской армии. В обстановке полного смятения и бедствия была предпринята попытка добраться до английских кораблей. Некоторым удалось бежать, но несколько тысяч человек были оставлены и попали в плен. Жизнь чуанцев была пощажена, но оставалось более тысячи эмигрантов. Конвент отказал эмигрантам в пощаде, и все они были расстреляны в соответствии с законом.

Смерть дофина.

Поступая так жестоко с захваченными эмигрантами, Конвент руководствовался страхом опасности для себя со стороны тех классов, которые недавно его поддерживали. После восстания Прериала рабочие классы Парижа, побежденные и лишенные лидеров, на время исчезли с арены политических действий. Конвент оказался лицом к лицу со своим прежним союзником - средними классами, которые приняли участие в борьбе с повстанцами из-за страха перед террористической реакцией, но теперь стремились обратить победу на свой счет. К правлению Конвента чувствовалось сильное отвращение, которое свободно выражалось. В Париже скрывались роялисты, в большинстве своем принадлежавшие к старым привилегированным орденам, которые стремились путем интриг и заговоров добиться реакции в пользу эмигрировавших принцев Бурбонов. Но таких было сравнительно мало. Средние классы желали лишь полной свободы вероисповедания и возвращения к конституционным формам правления. Хотя Республика не пользовалась их доверием и привязанностью, они не объявляли себя монархистами и не ставили своей целью восстановление монархии. Созданию сильной объединенной монархической партии препятствовало как поведение эмигрантов, так и отсутствие имени, под которым конституционные монархисты могли бы объединиться. Братья покойного короля, графы Прованса и Артуа, а также его более дальние родственники были эмигрантами. Юный дофин, его единственный сын, умер в это время в Храме (8 июня). Летом 1793 года ребенок был разлучен с матерью и отдан на воспитание сапожнику Симону, который обращался с ним грубо, если не сказать жестоко. В январе 1794 года он был заключен в маленькую темную комнату, дверь которой была заколочена, а связь между ним и его надсмотрщиками поддерживалась с помощью решетки, через которую ежедневно передавали немного хлеба, мяса и воды. Здесь он оставался до падения робеспьеристов в июле. Когда его снова вынесли на свет, он оказался покрыт грязью, апатичен и болен. С этого времени его материальное положение улучшилось, но никакой заботы, необходимой для восстановления духа и спасения жизни, не было. В общении с сестрой, заключенной в том же здании, ему было отказано, и только когда он уже заметно умирал, пришлось прибегнуть к помощи врачей. Из тысяч людей, погибших во время революции, ни одного не постигла столь жестокая и незаслуженная участь, как этого невинного ребенка, разлученного со всеми друзьями и медленно погибающего от жестокого обращения и пренебрежения.

Смерть юного принца стала предметом ликования республиканцев, но послужила дополнительным поводом для возмущения Конвента. Вероятность восстания роялистов в Париже возросла после высадки эмигрантов в Кибероне. Термидорианцы стали опасаться за свою безопасность и объявили роялистами тех же журналистов и национальных гвардейцев, чьи действия они поддерживали и одобряли до восстания в Прериале. Но после проскрипции Горы они потеряли возможность контролировать Собрание, и реакция, хотя и сдерживаемая их сопротивлением, продолжала идти своим чередом.

Состояние Церкви.

Согласившись с тем, что уже было сделано во многих частях страны, Конвент принял закон, санкционирующий временное использование церквей для отправления культа, но запрещающий кому бы то ни было совершать в них богослужения до обещания подчиниться законам Республики (30 мая). В Париже были вновь открыты двенадцать, а затем пятнадцать церквей. Таким образом, была отменена клятва, налагаемая гражданским уставом на духовенство, и, по сути, сам гражданский устав. В пределах, установленных этим законом и законом, принятым в феврале (стр. 227), Церковь была предоставлена свобода проводить свою собственную реорганизацию. Епископы-конституционалисты, большинство из которых не отреклись от престола, во главе с Грегуаром, епископом Блуа, приложили все усилия, чтобы вернуть Церкви ее бывшее влияние. Работа была проделана быстро. Религиозные преследования сами по себе уничтожили скептический дух, царивший среди средних слоев в 1789 году, а масса конституционного духовенства была людьми, которые доказали, что достойны уважения, оставаясь на протяжении всего Террора верными своим убеждениям. Уже через несколько месяцев духовенство вновь беспрепятственно выполняло свои прежние функции. Однако внутренние разногласия оставались незаживающими. Некоторые из неюристов, которые никогда не приносили присягу, налагаемую гражданской конституцией, дали обещание подчиниться законам Республики и совершали богослужения в общественных зданиях, но отказывались признавать власть бывших конституционных епископов. Другие из неюристов отказывались даже обещать подчиняться законам и тайно служили в амбарах и частных домах под постоянным страхом запрета и смерти. Таким образом, существовало три класса священников, враждовавших друг с другом: (1) те, кто принял присягу в 1790 году; (2) те, кто отказался от нее, но впоследствии обещал подчиниться законам; (3) так называемые рефракционные священники, которые не приняли присягу в 1790 году, а теперь отказывались подчиняться законам. Как правило, низшие и средние классы примыкали к конституционному духовенству, в то время как дворяне и роялисты следовали за неюристами. Наибольшим влиянием непримиримые священники пользовались на Востоке, Юге и Западе.

Конституция 1795 года.

Восстановление конституционного правления, которого громко требовало общественное мнение, большинство в Конвенте считало необходимым для безопасности Республики. С одной стороны, Конституцию 1791 года превозносили монархисты; с другой - Конституцию 1793 года, разработанную Горой после изгнания жирондистов, но так и не введенную в действие, требовали якобинцы. Для Конвента оба варианта были неприемлемы: первый - потому что признавал короля, второй - потому что казался невыполнимым. Террор подорвал веру в политическую добродетель и интеллект народа, и те же люди, которые в 1791 году были горячими сторонниками децентрализации и крайних форм демократического правления, теперь выступали против избирательного права для мужчин или против, предоставляющего местным властям возможность узурпировать суверенные полномочия. Назначение комитета по пересмотру Конституции 1793 года привело к принятию новой формы правления, которая на самом деле была новой. Конституция III года, или 1795 года, была основана на либеральных принципах 1789 года. Она гарантировала свободу личности, свободу вероисповедания, свободу печати, безопасность собственности и личности. Как и в Конституции 1791 года, для голосования в первичных собраниях требовался низкий имущественный ценз, а для голосования во вторичных собраниях - более высокий. Первичные собрания избирали, как и прежде, мировых судей кантона и муниципальных чиновников; вторичные собрания избирали судей высших судов, высшие административные

органы и депутатов законодательного собрания. Количество административных и муниципальных органов было значительно сокращено. Управление округами было полностью упразднено. Отдельные муниципалитеты сохранились только в коммунах с населением более 5 000 человек. Коммуны с населением менее 5 000 человек, входящие в состав одного кантона, имели общий для всех муниципалитет. К каждому административному и муниципальному органу добавлялся комиссар, назначаемый правительством, в обязанности которого входило следить за исполнением законов. Была принята мера предосторожности против возрождения власти в Париже, конкурирующей с законодательным органом. Коммуны с населением более 100 000 человек были разделены на округа, каждый из которых имел свой собственный муниципалитет. Таким образом, Париж имел двенадцать муниципалитетов. Законодательный орган состоял из двух палат, совета пятисот и совета 250 древних. Обе палаты избирались по одному принципу, но Древние должны были достигнуть сорокалетнего возраста. Состав обоих обновлялся ежегодно на треть от их числа. Пятистам принадлежало введение законов; Древние имели право их отклонять. Во главе исполнительной власти стояла Директория из пяти членов, выбранных Древними из списка, составленного пятьюстами. Эти директора назначали министров, которых было шесть, и распоряжались диспозицией вооруженных сил. Они не имели права вето на принятие законов, и ни они, ни министры не могли заседать ни в одном из советов. Один директор должен был ежегодно уходить в отставку, так что весь состав обновлялся в течение пяти лет.

Вендемьер 13.

Эта конституция, введенная в действие в ее нынешнем виде, дала бы Франции правительство, сформированное из новых людей. Но члены Конвента, давно привыкшие к власти, не желали отказываться от нее или рисковать сохранением Республики, предоставив роялистам и монархистам возможность получить большинство в новом законодательном органе. Было решено сразу же применить принцип ежегодного обновления законодательного органа на треть его численности. Специальный закон обязывал вторичные собрания избирать две трети своих депутатов из состава Конвента, так что только одна треть в каждом совете должна была состоять из новых людей (22 августа, 5 фруктидора). Далее до весны 1797 года не должно было быть новых выборов, так что на полтора года господство республиканской партии было обеспечено. Второй закон предписывал, что если вследствие двойных выборов все места, предназначенные для членов его собственного органа, не будут заполнены, то Конвенту следует избрать депутатов, необходимых для восполнения недостающего числа (31 августа, фруктидор 13). Новая конституция была представлена на рассмотрение первичных собраний и принята значительным большинством голосов, но вместе с ней были приняты и эти два вспомогательных закона. В Париже народное негодование разгорелось до бунта эмигрантов и роялистов. Для безопасности Конвента использовались 4 000 линейных войск и несколько сотен якобинцев и рабочих, спешно вооруженных для его защиты. С другой стороны находились 20 000 национальных гвардейцев. Они, однако, находились в двух невыгодных условиях. У них не было компетентного генерала и артиллерии - все секции были лишены пушек после восстания в Прериале. Силами Конвента командовал депутат Баррас, который поручил организацию сопротивления Наполеону Бонапарту, молодому генералу, который был самым способным человеком на службе Республики, но чье имя еще не было известно за пределами военных кругов, где его репутация была высока как офицера, чьему гению было обязано взятие Тулона в 1793 году. В спешном порядке из лагеря в Гренель, расположенного в нескольких милях от Парижа, была доставлена мощная артиллерия, которая расположилась вокруг Тюильри, чтобы контролировать подходы со стороны улицы Сент-Оноре и церкви Сен-Рош, которые

занимали мятежники. Бой был острым, но вскоре все решилось. Еще до наступления ночи повстанцы были со всех сторон обращены в бегство и рассеяны (5 октября, Vendémiaire 13).

Подавленное таким образом восстание усилило термидорианцев и более жестокую партию в Конвенте. Были приняты новые законы, призванные утихомирить побежденную партию и гарантировать, что власть останется в руках ее фактических обладателей. Депортированным священникам, возвращенным во Францию, было приказано покинуть страну под страхом, в соответствии с законами, смерти как эмигрантам. Родственникам эмигрантов первой или второй степени, таким как отцы, братья, сыновья, дяди и племянники, было запрещено занимать какие-либо должности, судебные, законодательные или административные (25 октября). Эта мера, известная как закон от 3 брюмера, имела огромное политическое значение. Она лишала очень большое количество людей прав, гарантированных Конституцией, и была рассчитана на то, чтобы новое правительство не смогло подняться над характером чисто партийного правительства. Прежде чем прибытие новых депутатов, те из старых членов, которые сохранили свои места, избрали директорами пять человек, обязанных по интересам поддерживать Республику, поскольку все они голосовали за смерть Людовика XVI.

Таким образом, новое правительство было сформировано лишь в неощутимой степени из новых людей. Пять директоров - Ларевельер-Лепо, Рюбель, Карно, Летурнер и Баррас, шесть министров и два совета - заняли место Комитета общественной безопасности и Конвента; но изменения коснулись названия и формы, а не системы. Не было никаких изменений ни во внутренней, ни во внешней политике правительства.

Поскольку правительство оставалось практически неизменным, оно ни в коем случае не могло быть сильным. Оно не имело того авторитета, который возникает при выражении национальной воли. Какой может быть эта воля, в то время сказать было трудно. Сама нация отказалась от задачи внушить свое мнение правителям и довольствовалась частным неодобрением их поведения. В Париже, где это неодобрение выражалось в действиях, оно быстро заглушалось военным вмешательством, и было отнюдь не маловероятно, что армия, которая теперь была единственной сильной организацией, оставшейся в стране, может в будущем выступить против Директории, как она выступала в ее пользу в последнее время.

Это было тем более вероятно, что армия не была обязана своей силой только своей организации. Насколько можно судить, она справедливо представляла на тот момент народные настроения нации. В начале революции рвение к улучшениям и переменам охватило все умы и все классы общества. Высшие умы надеялись на свободу слова и мысли, а через них - на возвышение человечества на шкале человеческого прогресса. Массы ожидали материального равенства, снятия груза бесправия и угнетения, под которым они стонали. В течение некоторого времени казалось, что эти цели могут быть достигнуты вместе. Вскоре попытка ухватить слишком много за один раз принесла неудачу. Свобода была попорана на деле, в то время как на словах ее обожали. Братство стало лишь поводом для братоубийства. Равенство оставалось единственной целью, к которой нужно было стремиться во что бы то ни стало, и равенство, которое было наиболее популярным, было более низким и материальным равенством, которое привлекало массы неграмотных крестьян. На одного человека, заботящегося о моральном и духовном развитии, приходилось не менее сотни тех, кто заботился лишь о том, чтобы получить гарантию на покупку конфискованного имущества и гарантию того, что они не будут ущемлены в правах из-за своего недворянского происхождения. Такие чувства, сильные в народе, были сильны и в армии. Солдат никогда не испытывал особой симпатии к механизмам свободного правительства. Его долг в жизни - подчиняться приказам, а не навязывать их начальству. Но

солдат революционной Франции был поборником материального равенства. Он предлагал его народам, которые захватывал. Оно дало ему то, что он ценил больше всего, - право на продвижение по службе к высшим чинам, независимо от рождения.

Тело, которое тщательно организовано и представляет доминирующие идеи народа, на самом деле непреодолимо. Для идеальной организации армии требовалось одно - генерал, который мог бы внушить ей доверие. Такой генерал был найден в лице молодого вождя, который сражался в битве Конвента против повстанцев Вандемьера. Поскольку сама нация еще не была готова выйти на сцену, за революционной эпохой последовал не конституционный, а наполеоновский век.

Однако стремление политических революционеров не было напрасным. Придет время, когда погоня за материальными благами принесет с собой разорение и опустошение, и старые идеалы мыслителей XVIII века вновь будут приветствоваться поколением, уставшим от военного деспотизма и стремящимся создать социальные и политические институты на более надежной основе, чем это смогли сделать Мирабо или Верньо. Даже дикие замыслы Шометта и Сен-Жюста не являются простым эпизодом в истории Франции, хотя мудрое стремление облегчить бремя, которое неизбежно ложится на плечи бедных и несчастных, и тем самым уменьшить количество человеческих страданий - это работа, открывающая проблемы, которые эти люди опрометчиво пытались разрубить топором палача, но которые сегодня понимаются как одни из самых сложных тем политической мысли. Чтобы проследить судьбу идей, которые были выдвинуты в ходе Французской революции, потребуется много томов. Именно потому, что эти идеи были так многогранны и так сильны, французская нация принимает Революцию, несмотря на ошибки и преступления революционеров, как источник своей умственной и политической жизни.

*Отпечатано в типографии Баллантайн
Spottiswoode, Ballantyne & Co. Ltd.
Колчестер, Лондон и Итон, Англия*

Примечания транскриптора

Пунктуация, дефис и орфография приведены в соответствие, если в оригинале книги преобладали те или иные варианты; в остальных случаях они не изменялись.

Простые типографские ошибки были исправлены; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, в противном случае оставлены несбалансированными.

Иллюстрации в этой электронной книге были размещены между абзацами и за пределами цитат. В версиях этой книги, поддерживающих гиперссылки, ссылки на страницы в списке иллюстраций ведут к соответствующим иллюстрациям.

Указатель не был проверен на правильность алфавита и корректность ссылок на страницы.